

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**БРЯНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА**

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Сборник статей

Выпуск 9

Под общей редакцией доктора философских наук
Н.В. Попковой

Брянск
Издательство БГТУ
2011

ББК 87.6

П 78

Проблемы современного антропосоциального познания
[Текст]+[Электронный ресурс]: сб. ст. / под общей ред. Н.В.Попковой.
– Брянск: БГТУ, 2011. – Вып. 9. – 160 с.

ISBN 978-5-89838-566-8

Рассматриваются актуальные темы и проблемы современной социальной философии, философской антропологии и философии истории.

Предназначен для преподавателей философских и социально-гуманитарных дисциплин, докторантов, аспирантов и студентов.

Редколлегия:

В.Г. Горбачёв – кандидат философских наук, доцент;

Э.С. Демиденко – доктор философских наук, профессор;

Е.А. Дергачёва – кандидат философских наук, доцент,
ответственный секретарь;

Н.В. Попкова – доктор философских наук, профессор,
ответственный редактор.

Рецензенты:

кафедра философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии, заведующий кафедрой профессор, доктор философских наук А.Ф.Шустов.

ISBN 978-5-89838-566-8

© Брянский государственный
технический университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Г. ГОРБАЧЕВ</i>	
Особенности и проблематика современной российской философской антропологии.....	5
<i>П.В. ГРИГОРЬЕВ</i>	
Особенности становления культуры биотехнологической социализации биосферной природы.....	13
<i>Э.С. ДЕМИДЕНКО</i>	
От биосферы – к техно-ноосфере: словарь основных терминов.....	19
<i>Е.А. ДЕРГАЧЕВА</i>	
Современное техногенное общество.....	34
<i>З.А. КОЧЕРГИНА</i>	
Возможности системы среднего профессионального образования для различия толерантности студентов.....	43
<i>В.В. КРАВЧЕНКО</i>	
Правовое просвещение граждан как одно из направлений повышения правовой культуры российского общества (на примере деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте РФ).....	51
<i>В.В. КРИВОШЕЕВ</i>	
Методология социального анализа А.А. Зиновьева.....	55
<i>Е.А. ЛАРИЧЕВА</i>	
Глобализация и порождаемые ею проблемы.....	61
<i>В.М. ЛОБЕЕВА</i>	
Правовой статус личности: анализ философской концепции Б.Н. Чичерина.....	69
<i>В.В. МИРОШНИКОВ</i>	
Основные категории философии качества.....	81
<i>Н.А. НОЗДРИНА</i>	
Социология управления.....	88
<i>А. Д. ПОДВОЙСКИЙ</i>	
Матричное управление и глобализация в постиндустриальном обществе: роль философии в разрешении проблем	95

<i>Н.В. ПОПКОВА</i>	
Философия техники сегодня.....	101
<i>А.Ф. САЗОНОВ</i>	
В.В. Розанов и загадка русской рациональности	113
<i>А.А. СВИДЕРСКИЙ</i>	
Формирование социокультурных оснований материально-преобразовательной деятельности в античном и средневековом обществе	120
<i>Ю.Ю. СИВЕРИНА</i>	
Дисфункции культуры как следствие культурных трансформаций современности.....	127
<i>В.М. СКОРОДУМОВ</i>	
Образование: крылья или цепи?	131
<i>А.Ф. СТЕПАНИЦЕВ, Д.М. КОШЛАКОВ</i>	
Бытийное и инобытийное в исследованиях рациональности.....	137
<i>С.Н. ЧУВИН</i>	
Основные направления преодоления негативных сторон современной трансформации человека.....	144
<i>И.В. ШЛЕМИНА</i>	
Социально-экономические системы: функционирование и развитие.....	151
<i>Сведения об авторах .....</i>	155
<i>Требования к рукописям в сборник «Проблемы современного антропосоциального познания».....</i>	156
<i>Список членов Брянского отделения Российского философского общества в 2011 году .....</i>	158

ББК 72.3

В.Г.ГОРБАЧЕВ

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Проанализирована современная философская антропология. Выделены ее особенности и конкретные проблемы. Изучено место и роль философской антропологии в системе знаний о человеке.

Сегодня философская антропология в нашей стране развивается после длительной стадии разрыва традиции универсального антропологизма в советский период истории и больших потерь в силу этого. В связи с этим будет верным говорить именно о *становлении* и обретении философской антропологией своего статуса в культуре, о ее реальном конституировании в интеллектуальном пространстве общества. С другой стороны, в современных исследованиях не могут не проявлять себя те методологические подходы к познанию человека, которые уже имели место в советской философии и которые (если их освободить от своих изъянов и слабостей) не могут не быть востребованными (например, рассмотрение человека в контексте общественной жизни, методики междисциплинарных исследований и т.д.). В связи с этим можно также говорить и о *развитии* российской философской антропологии, т.е. развертывании тех предпосылок и того материала (идейного, методологического и иного), который уже был в наличии, имел место. Сегодня российская философская антропология разворачивает себя в контексте таких новых социальных реалий, которые ранее не существовали: глубокая социальная трансформация российского общества, становление очагов инновационной экономики рыночного типа, радикальная технизация общественной жизни и природной среды, усугубление глобальных проблем, всеохватывающий антропологический кризис, потребительские ориентации в общественном сознании, диктат массовой культуры и т.д.

По сути дела, в наше время наблюдается *новая антропологическая волна* в отечественной философии. Здесь она протекает уже в совершенно иных условиях общественной жизни (выше мы их назвали), и поэтому имеет и другую специфику и во многом иное содержание. Данная антропологическая волна разворачивается уже в недрах *постсоветской философии*, для которой прежних (как в советское время) стандартов мышления («единомыслия») уже не существует. Нет в ней уже и прежней структуры («диамат плюс истмат»), в которой не отводилось места философской антропологии как области знания. В связи с этим сегодня имеет место важная задача – сделать объективный и всесторонний анализ этого поворота, исследовать его предпосылки, специфику и содержание, изучить тенденции развития философских и иных знаний о человеке.

Как результат процессов демократизации общества, отмены прежних политических рамок и идеологических ограничений для философского творчества, а также иных причин, в 90-е годы XX века наблюдался всплеск философско-антропологической проблематики и ее разнообразие. Кстати, именно в начале этого десятилетия оживились и обсуждения вопроса о статусе философской антропологии, ее предмете и методе. Одним из первых проявлений этого процесса стала, в частности, статья П.С.Гуревича в журнале «Свободная мысль», где он завел речь именно о статусе философской антропологии, выделив несколько ее значений - как область специальных знаний, как направление в философии, как особый метод мышления [2, с. 60-61]. Было отмечено, что философская антропология начинается с постановки общего вопроса «Что такое человек?» и это обозначает для нее исходную и основную познавательную проблему.

В начале 90-х годов учеными не без оснований полагалось, что в связи с наступившими в нашей стране радикальными и всеохватывающими реформами проблематика человека наверняка окажется «стержнем философских исследований» [4, с.101]. Отметим, что в эти и в последующие годы появились работы, в которых стали подвергаться анализу и систематике философско-антропологические исследования в России. В постсоветское время были опубликованы крупные труды современных авторов (В.В.Аксюциц, В.С.Арсеньев, В.С.Барулин, П.С.Гуревич, В.Д.Губин, В.А.Кутырев, Б.В.Марков, В.А.Подорога, С.А.Смирнов, Г.Л.Тульчинский и другие), в которых были не только обозначены новые подходы в понимании человека, но и дано новое толкование уже известных проблем. Вообще, 90-е годы, несмотря на их глубокую противоречивость и большие трудности для развития научной деятельности, оказались для философии *временем открытия имен* – как ранее подвергавшихся гонениям со стороны власти, преданных ею забвению (А.А.Зиновьев, Д.Л.Андреев и иные), так и новых, вошедших в мир современной философии.

Мы считаем, что нынешний антропологический поворот в отечественной философии по своему масштабу и значению не имеет аналогов в прошлом. В-первых, этот поворот происходит под влиянием глубоких реформ в нашей стране и их всеохватывающих и неоднозначных социальных, экономических, антропологических и иных последствий, что стимулирует познание человека в этих контекстах. Во-вторых, он протекает в условиях обострения глобального кризиса современной человеческой цивилизации, имеющего, безусловно, антропологическую составляющую соответствующего (планетарного) масштаба. В-третьих, этот поворот имеет место на фоне стремительной технизации жизни человека и общества, становления техносферы как искусственной среды, что заметно меняет природу (качества) человека, трансформирует ее в техногенное состояние. В целом, можно сказать, что *антропологический поворот в современной отечественной философии определяется, в основе своей, социальными трансформациями разного рода и, соответственно, переходным состоянием нашего времени*. Называемые нами обстоятельства делают проблему человека по своему содержанию уже совсем иной, нежели это было до сих пор, - до 90-х годов XX века и начала века следующего. Они превращают эту проблему в то, что сегодня именуют

антропологической катастрофой, т.е. радикальным кризисом человека, который ставит под вопрос его дальнейшую жизнь в этом мире. К тому же, *сегодня существование человека – это глобальная проблема современности, и поэтому она требует универсального взгляда на этот уникальный феномен бытия.*

Что именно присуще сегодня философским учениям и представлениям о человеке? В чем состоят особенности и черты российской философской антропологии? На наш взгляд, они, в основном, состоят в следующем.

Во-первых, для современной философской антропологии характерен *факт обретения статуса* - как относительно самостоятельной области философского познания и знания, как академической дисциплины, как направления подготовки специалистов в системе высшего образования и т.д. Важно и то, что философско-антропологическая проблематика уже на протяжении ряда лет выделяется отдельными дидактическими единицами в структуре государственных образовательных программ по курсу философии. Появились содержательные и интересные работы теоретического и учебного характера, раскрывающие структуру и содержание, методологические основания философской антропологии.

Во-вторых, в российской философской антропологии утвердился *плюрализм мнений*, что выражает дух формирующейся в стране демократии как режима свободы творческой мысли и слова. Бытовавшее в официальной советской философии одномерное, односторонне-плоское представление о человеке сменилось в наше время широким разбросом суждений и взглядов по коренным вопросам, касающимся феномена человека – его природы и сущности, бытия в мире, его смысла жизни. Сегодня в философской антропологии наблюдается также и пересечений традиций, идущих из различных источников (из русской, из западной философии, а также и из советской философии). По сути дела, налицо *радикальная смена парадигмы* в философском познании человека и, соответственно, иная исследовательская ситуация в человекознании. По мнению С.А.Смирнова, сегодня очевиден «диалог проектов» человека в ситуации постмодернизма, т.е. постнеклассических представлений о человеке [5, с. 93-94]. Ученый замечает, что человек, конечно, «не умер» (как об этом повествует философия постмодерна), но уже явно закончилось господство созданного в эпоху европейского Просвещения классического «проекта» человека.

В-третьих, в философской антропологии актуализирован вопрос об *угрозах-вызовах* современному человеку, которые делают проблематичным дальнейшее его существование как особого рода живого организма. Здесь речь идет, прежде всего, о глобальных проблемах цивилизации - как «старых» (например, экологическая), так и «новых» (например, международный экстремизм). Сегодня человеческое сообщество сталкивается с целым рядом проблем, которые имеют непосредственно антропологическое содержание: гуманитарные катастрофы, трудноизлечимые болезни (онкологические, психические и иные), деиндивидуализация и омассовление общественных процессов и явлений, информационное насилие (например, со стороны агрессивной рекламы), доминирование ценностей потребительского характера, широкое распространение «катастрофического» сознания (страхи, психозы, депрессии и т.п.), размывание национальной идентичности в условиях

нарастающей глобализации и т.д. Ученые отмечают, что ушедший XX век был заметен резким усилением «социально-антропологической напряженности», т.е. обострением противоречий в отношениях человека с социумом как непосредственной сфере своего существования [1, с. 532].

В-четвертых, сегодня в философско-антропологических размышлениях все более отчетливой становится тема глубокой *трансформации природы человека* в связи со вступлением человеческого общества в качественно новую стадию своей истории – стадию постиндустриализма. В публикациях на эту очень актуальную тему высказываются (небесспорные, на наш взгляд) мысли о «ликвидации человека», о наступлении «цивилизации без человека», поскольку искусственное («техногенное») начало в человеке и его бытии якобы вытесняет естественное начало. Отсюда делается радикальный вывод о «демонтаже человека» и замене его неестественным, робототехническим устройством – «постчеловеком», «киборгом». Человечество будто бы становится в итоге «техновечеством», а цивилизация оказывается «цивилизацией без человека». Заявляется, что именно техника выступает в качестве «могильщика» человека и человечности, разрушителя «биосферного человека». Провозглашается, соответственно, что основной проблемой для современной философской антропологии должен стать поиск таких путей и форм развития цивилизации, социума, которые смогли бы способствовать сохранению человека как вида.

В-пятых, сегодня наблюдается активное проникновение философско-антропологических идей в иные формы как научного, так и вненаучного познания. На основе этой тенденции появляются новые отрасли человековедения, пограничные по своему статусу и содержанию. Это, например, социология человека, которая пытается рассмотреть его в контексте непосредственной включенности в разнообразные социальные взаимодействия и процессы [6]. Это педагогическая антропология, которая сегодня очень актуальна в связи с кризисными процессами в сфере образования. Сегодня развиваются и иные отрасли антропологического знания. Постановка и осмысление проблемы человека (в явной или неявной форме) имеет место и в различных политических идеологиях, которые сегодня уже достаточно широко известны и распространены в российском обществе (либеральная, коммунистическая, социал-демократическая и иные). Немало глубоких размышлений о человеке и его бытии в мире мы находим в современной литературе, в кинематографе. Все это – положительные примеры, которые свидетельствуют, можно сказать, о становлении *антропологического подхода* в современном научном и вненаучном познании, когда во всех «клеточках» общественного бытия обнаруживается (должно обнаруживаться) живое человеческое начало.

Кроме указанных, можно выделить иные особенности и черты современной российской философской антропологии:

- стремление к определению своих границ (по предмету, целям и т.д.);
- расширение тематики и детализация исследований;
- преодоление методологии упрощенного редуционизма;
- движение к универсальному, всеохватывающему образу человека;
- восстановление традиций отечественной философии человека;
- преодоление имевшегося ранее отрыва от зарубежной антропологии;

- разнообразие проблем на стыках междисциплинарного познания;
- появление новых стратегий исследования;
- проникновение идей в конкретные социальные практики;

Наряду с названными особенностями и чертами современной российской антропологии, могут быть также определенные *исследовательские тематики* в ней. В наше время уже нет официальных политических и идеологических установок, которые бы определяли направленность философских работ (сковывая тем самым рамки интеллектуальной свободы). Говоря в самом общем плане, можно назвать следующие тематики (группы, совокупности родственных проблем), которые характеризуют современный антропологический поворот и раскрывают его содержание:

- объект и предмет философской антропологии, их содержание, специфика и границы;
- методологические основания философской антропологии;
- анализ отечественной философско-антропологической традиции;
- систематизация антропологических исследований;
- межпредметные взаимодействия философской антропологии;
- антропологизация социальных и иных наук как тенденция;
- многомерность человека как формы универсума, его целостность;
- методология междисциплинарного (комплексного) познания человека;
- аналитика идеи и образа советского человека;
- черты и облик современного российского человека;
- современный человек, стратегии его жизнедеятельности;
- человек в контексте постмодерна как состояния культуры;
- современная антропологическая ситуация в обществе;
- типологические характеристики современного человека;
- конкретные феномены бытия человека, их разнообразие;
- экзистенциальная проблематика (свобода, смысл жизни и т.п.);
- естественное и искусственное в современном человеке;
- телесность человека как форма его существования;
- виртуальные антропологические практики;
- реальное и ирреальное в человеке;
- человек в условиях рыночной социальной среды, общества потребления;
- человек в контексте становления постиндустриального общества;
- бытие человека в условиях глобальных процессов и проблем цивилизации;
- коэволюция как установка человека в отношениях с природной средой;
- новые угрозы-вызовы современному человеку;
- бытие человека в ситуации «границы», т.е. своего предела;
- трансформация природы человека в условиях техногенной среды;
- историческая практика тоталитаризма и человек;
- кризис современного человека («антропологическая катастрофа»);
- человеческое в человеке, его признаки;
- конструктивность и деструктивность в деятельности человека;
- субъективность, духовность, духовный опыт человека;
- становление современной личности, детерминация данного процесса;
- становление новой конкретно-исторической формы человека;

- проектирование человека средствами генной инженерии;
- человеческий потенциал как критерий прогресса современного общества;
- феномены бытия человека как универсального существа;
- гендерная проблематика;
- приоритетный статус общечеловеческих ценностей;
- гуманизм в его новых исторических формах.

Выделяемые нами особенности и тематики, характерные для современной российской философской антропологии, свидетельствуют о признании того, что человек на самом деле – это специфическая форма Универсума, предельно сложная живая система, находящаяся в состоянии постоянного и непрекращающегося становления, движения к своей сущности. Это специфическая форма жизни, включенная в общий поток бытия и требующая для своего становления собственных действий, творческих импульсов, постоянного усилия над самим собой. Это существо, бытие которого никем и ничем не предопределено, а представляет собой многоаспектную проблему, которую должен решать именно он, а не кто-то другой вместо него (например, общество, государство, коллектив).

В наше время слово «антропология» стало одним из самых распространенных в современном научном языке. Оно присутствует в названии многих отраслей научного и вненаучного познания, учебных дисциплин. Назовем и кратко охарактеризуем формы научного антропологического знания («региональные» или «частные» антропологии»), которые сегодня существуют в нашей стране.

1. Общая антропология изучает, преимущественно, проблемы происхождения и становления человека в его социальной истории.
2. Социально-философская антропология рассматривает человека в контексте его связи с обществом, процесс «создания» им общества.
3. Социальная антропология воспринимает человека с точки зрения его существования в конкретных социальных системах.
4. Политическая антропология исследует человека в качестве субъекта политической жизни, который стремится к власти, к доминированию.
5. Психологическая антропология выявляет в человеке психический мир, различные формы его проявления.
6. Педагогическая антропология исследует пути и формы, методы воспитания и образования человека, процесс становления его личности.

Кроме этого, сегодня существуют и такие ветви теоретического знания о человеке, как историческая антропология, культурная антропология, экономическая антропология, юридическая антропология, медицинская антропология, этническая антропология, экологическая антропология, прикладная антропология. Есть или же пытаются заявить о себе такие специфические направления исследований, как структурная, синергическая, трансформативная, биографическая антропология, проективная антропология, метаантропология, «метафорическая» антропология. В рамках вненаучного опыта существуют религиозная (и сегодня тоже), «поэтическая» и иные антропологические изыскания.

Перечень «частных» антропологий имеет тенденцию к расширению, выражая тем самым неуклонное развитие в сфере научного и вненаучного антропологического поиска. В итоге это рождает, однако, так называемый «антропологический хаос», т.е. многообразие исследовательских практик, которые пересекаются, наслаиваются друг на друга, рожают явные элементы дублирования. Надо полагать, что это актуализирует роль философской антропологии, ее мировоззренческое и методологическое значение в культуре.

Как уже отмечалось, сегодня философская антропология понимается в разных смыслах. Мы будем, как правило, исходить из ее значения как относительно самостоятельной области философского познания, для которого в качестве объекта выступает человек как таковой – в его предельно общем виде. В рамках философии, как системы знаний, складывается и существует *первый уровень взаимодействий философской антропологии* – ее связи с онтологией, гносеологией, социальной философией и т.д. За пределами же этой системы связей – *второй уровень взаимодействий философской антропологии* – ее связи с конкретными областями нефилософских знаний и представлений о человеке. Заметим, что выведение философской антропологии за общие рамки философии и придание ей статуса полной самостоятельности (как отдельной науки) привело бы к разрушению исторически сложившейся структуры философии, объектом которой выступает универсальная система «Человек-Мир». В таком случае философия утратила бы существенные моменты своей специфики как формы познания, которая традиционно в своей истории рассматривает окружающий мир, непременно взятый вместе с человеком, а не сам по себе в отдельности.

Нам представляется, что *место современной философской антропологии – в центре антропологического познания, в роли его мировоззренческих и методологических оснований*. Данный статус предполагает, что философская антропология призвана решать ряд крупных теоретико-прикладных задач. Назовем те из них, которые имеют, на наш взгляд, наибольшее значение.

Во-первых, в ней должны формироваться методологические основания научного познания человека как уникального явления, многомерной целостности, которая воплощает в себе все потоки бытия, все формы объективной реальности, в которой он существует. Эта проблематика – одна из наиболее сложных и менее всего разработанных к данному времени.

Во-вторых, это осмысление и обобщение того массива знаний и представлений о человеке, который накоплен (и продолжает накапливаться) в различных «нишах», отраслях антропологического познания. Сегодня формирование целостных, интегративных представлений о человеке (вопрос этот поднимается уже достаточно давно, начиная со времени советской философии и науки) важно как никогда ранее, и эту задачу тоже призвана решать философская антропология.

В-третьих, задача философской антропологии состоит еще и в том, чтобы преодолеть отрыв двух сложившихся основных форм антропологического познания – научного и вненаучного и, организовав их конструктивный диалог, сближать в формах органичного взаимодополнения и синтеза.

Иногда исследователи полагают, что философская антропология призвана также давать разного рода жизненно-практические рекомендации и советы,

которые могли бы помогать человеку решать основные проблемы своего существования. Что ж, с этим нельзя не согласиться, ведь философское знание должно в тех или иных формах «входить» в жизнь людей, делать ее более осмысленной, сознательной и целеустремленной. Философия – это ведь не просто «любовь к мудрости», а еще и воплощение, носитель вечных истин человеческого бытия. Для человека ведь в конечном счете наиболее интересным и важным всегда был и будет оставаться *сам человек*, и философская антропология призвана предлагать ему прежде всего смысложизненные ориентиры, что особенно актуально в наше время - время радикальных социальных трансформаций и глобальной неопределенности.

Судя по всему, сегодня, когда философская антропология уже практически преодолела традиционный («классический») образ человека, преобладает тенденция к частичности, фрагментарности и даже детализации в антропологических исследованиях. Возможно, что это - симптом нашего времени, знак его культуры, но возможно, что это есть и определенная стадия таких исследований. «Целое окончательно ускользнуло», - замечает один из современных авторов П.Д.Тищенко [7, с. 31]. По его мнению, в современной познавательной ситуации единой науки о человеке «быть не может. Как не может быть одного на всех языках» [3, с. 55]. Нет единого основания для такой науки, да и сами ее претензии на универсальный статус вряд ли убедительны. В связи с этим более верным будет постижение человека в рамках «междисциплинарной кооперации», когда интегративный синтез различных форм антропологического познания возникает в ходе возникновения и осмысления конкретных познавательных проблем.

Многообразие исследовательских тематик в современной российской философской антропологии есть признак ее динамичного состояния. Но дальнейшее развитие философской антропологии рождает, в числе других, и вопрос о ее границах, «разделительных» («демаркационных») линиях. На наш взгляд, они есть и проходят они по объекту исследования, по проблемному полю, по целям и методам исследования, в иных плоскостях. Разумеется, данные границы могут быть в чем-то относительно и подвижны, поскольку философская антропология существует в контексте общего потока развивающегося антропологического знания, формируя в итоге *Общую идею человека* и тем самым заявляя о своих статусных позициях. К тому же, и этот статус тоже требует своего постоянного уточнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барулин, В.С. Социальная философия: учебник / В.С.Барулин. – 2-е изд. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 560 с.
2. Гуревич, П.С. Вселенная по имени человек / П.С.Гуревич // Свободная мысль. – 1991. - № 14. – С. 56-66.
3. Как возможна единая наука о человеке? (материалы семинара) // Человек. – 2004. - № 1. – С. 49-60.
4. Развитие научных и гуманистических оснований философии: итоги и перспективы // Вопросы философии. – 1992. - № 10. – С. 87-102.
5. Смирнов, С.А. Современная антропология. Аналитический обзор / С.А.Смирнов // Человек. – 2003. - № 4. – С. 86-94.

6. Спасибенко, С.Г. Введение в социологию человека / С.Г.Спасибенко // Социально-гуманитарные знания. – 1999. - № 4. – С.14-26.
7. Тищенко, П.Д. Институт Человека как философская идея / П.Д.Тищенко. – 2008. - № 6. – С. 30-42.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

П.В. ГРИГОРЬЕВ

**ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
БИОСФЕРНОЙ ПРИРОДЫ**

Рассматриваются вопросы становления культуры биотехнологической социализации биосферной природы, поскольку социализация природы в жизни общества имела большое значение для выживания и исторического развития человечества.

Сегодня вопрос развития биотехнологий и их влияния на человека, на становление и развитие техногенной цивилизации, ее культуры активно обсуждается в мире на разных уровнях. Особое внимание уделяется трансформирующему воздействию биотехнологий на растительный, животный мир, а также человека. В последнее время ведется немало дискуссий о клонировании живых организмов и даже человека, особенно выращивания его органов про запас. Одни ученые видят в биогенных технологиях большие перспективы и пользу для развития человечества, а другие опасаются, как бы это не привело к трагедии – к гибели и биосферы, и человека. На протяжении всего взаимосвязанного развития общества и природы формировались и определенные типы их взаимоотношений, жизненного прогресса, а соответственно и социоприродной среды: 1) природно-биосферный (от возникновения человека на Земле до появления первого типа производящей экономики – экономики земледельческого общества), поскольку люди, подобно животным, пользовались биосферными плодами, лишь незначительно изменяя устоявшуюся целостность былой биосферы; 2) природно-социальный (включает земледельческий, т.е. доиндустриальный период), когда люди занялись производящей экономикой и уже стали использовать и соответственно уничтожать большие массивы земель, богатых гумусом; 3) наконец – социоприродный, начинающийся с промышленной революции, которая дает начало техногенному развитию общества [4, с.171-184].

В природно-биосферном периоде, безусловно, были уже определенные изменения антропогенного характера, поскольку кроманьонцы значительно подорвали свою «кормовую базу», уничтожив на суше значительные ресурсы крупных животных. Но серьезным антропогенным изменениям в биосфере положила начало сельскохозяйственная неолитическая революция. С этого

периода человек начинает производить домашние продукты питания, создавая сельскохозяйственную культуру, определенными методами одомашнивание диких животных и растений, способами искусственного отбора формируя от века к веку лучшие породы живых организмов и выносливых к более суровому климату растений. Особенно активное влияние на биосферную природу начинается в техногенную эпоху, когда человек пытается социализировать окружающую природу на основе науки, научных разработок и использования в массовом производстве машинной техники и новейших технологий. Главным фактором успешного развития общества становятся научно-технические производительные силы, при помощи которых общество превращается постепенно в социотехноприродный организм. В последнее время в жизнь активно входит геновая инженерия, которая трансформирует земной биосферный мир.

Техногенность не преодолевается в индустриальном мире, она переходит и продолжает дальше развиваться в постиндустриальном, только усложняясь и интегрируясь с социумом и биосферой, делая мир все более и более искусственным. Современное техногенное общество работает на удовлетворение растущих потребностей населения при помощи и за счет массового роста и развития сверхсложных техники и технологий, а эти потребности развиваются без осмысления той технократической культуры, которая вводится изо дня в день, не заботясь о судьбе диких растений и животных, да и о своей судьбе.

Именно это сочетание первозданной биосферной природы, земледельческого человека, его орудий труда, которыми он оперировал для своего обустройства, и создавало традиционную культуру с ее нравственными нормами и другими особенностями напряженной трудовой жизни и деятельности. Эта культура была пронизана повседневным человеческим трудом, коллективностью, соборностью, сопереживаниями общинных сограждан, человечностью. Все это мы стали терять под воздействием буржуазного и определяемого им техногенного общественного развития, о чем немало написано известными мыслителями Н.А.Бердяевым и Э.Фроммом, которые рассматривали лишь первый этап становления такого социума как индустриальный. В своей работе «Человек и машина» Н.А.Бердяев писал, что техника отрывает человека от Земли, ставит предел пассивному животнорастительному пребыванию его в материнском лоне, лоне матери-земли, *matra-mater*, что через нее создается новый космос [1, с.208].

Под воздействием научно-технического прогресса складывается, по сути, постбиосферный искусственный мир, поскольку общество все больше и больше создает живые организмы на основе биотехнологий и генетических модификаций. Создаются и распространяются не только трансформированные биосферные организмы (одомашненные, окультуренные, социализированные), но и организмы, которые не являются устойчивыми в биосферных условиях жизни и требуют особых, техногенно-искусственных условий существования,

например клонированные, генетически модифицированные, трансгенные и другие. Этот пласт новых форм жизни рождает и новую культуру человечества, убивающую, по сути, прежние ее биосферные формы.

Увеличение темпов формирования искусственного мира, направленность научно-технического прогресса на удовлетворение стремительно растущих потребностей населения обуславливают примат экономических и материальных ценностей в жизни социума. Особенно подхлестывают этот процесс современные буржуазно-рыночные отношения: стремление богатых мира сего бесконтрольно концентрировать богатства, навязывая обществу свои рационально-техногенные решения во имя получения богатств посредством не только эксплуатации человека, биосферной природы, но и избыточной машинной индустрии и искусственного предметного мира. Установка на непродуманное технологическое покорение природы и избыточную техносферизацию планеты может оказаться роковой для социальной и природной жизни [5, с.169-179; 6, с.31-39; 7, с.93-110], порождая культуру безудержного потребления и техногенного уничтожения жизни на Земле. Это – гибельная культура, она не оставляет места для гуманной человеческой культуры, нормальных человеческих отношений, пронизанных гуманизмом, а традиционную богатую биосферной жизнью культуру превращает в технократическую. Биологическая эволюция сменяется культурной эволюцией, которая проявляет себя в усилении технико-технологического ее содержания.

С развитием цивилизации в конце XX века, переходом на планетарный, общечеловеческий уровень, заменой земледельческого способа производства промышленным, а впоследствии и технологическим, происходят изменения в области культуры. В культуру входят социально выработанные способы, средства и механизмы деятельности; существенные изменения в способе производства общественной жизни приводят к соответствующим изменениям в основании культуры. Тысячелетние программы человеческой деятельности, которые обеспечивали воспроизводство земледельческих форм социальной жизни, стали терять свои ценности и заменяются новыми ценностями, которые актуальны для постиндустриальной цивилизации. К новым феноменам культуры, как отмечает В.С.Степин, «могут быть отнесены знания о закономерностях изменения объектов, еще не втянутых в орбиту массового практического освоения, новые приемы и методы мыслительной деятельности, новые идеалы общественной жизни, нравственные поступки, которые могут превратиться в эталоны поведения людей в будущих социальных общностях»[9.с.286].

Культура становится массовой: это проявляется прежде всего в преобладании однотипности производства, однотипности и массовости серийно производимых вещей, однотипности духовной жизни. Земледельческая культура практически сменилась урбанистической культурой, которая органически связана с нарастающим промышленным и техническим развитием, с интенсификацией технико-технологических процессов. Эту культуру

породила, наряду с миром техники, искусственным миром, индустриально-техногенная цивилизация. В дальнейшем эта культура развивалась и усложнялась уже в постиндустриальную эпоху; своей избыточной материальностью, искусственностью она подавляет и уничтожает первозданную биологическую природу. Урбанистическая реальность и техногенный мир порождают «две природы»: искусственный неживой мир и искусственную жизнь, которые органически связаны между собой, но качественно отличны. «Искусственная жизнь» – это культурный феномен, который создан человечеством в связи с потребностями современного общественного прогресса. Новый мир живых существ, созданный человеческим разумом и руками человека, относится к понятию культуры, а если быть точным – к биокультуре. Эта новая эпоха, которую уже называют постбиосферным миром. В техногенной цивилизации появляются новые культурные ценности, которые возникают, прежде всего, для решения многих проблем существования и развития общества, но противоречат существованию биосферы. Такая культура может рассматриваться как явление античеловеческое и антибиосферное не только в своих технических элементах, но и в духовных аспектах. Она стала социально и техногенно доминировать над биосферно-природным миром. Человек, существующий в подобной культурной парадигме, для получения социальных благ вынужден в самом себе уничтожать биосферно-природные задатки.

Сегодня обостряются социокультурные проблемы, которые связаны не столько с ростом и распространением техники, технологии и урбанизации, сколько с недостаточностью понимания системного культурно-смыслового назначения техники и науки. Главной особенностью перехода биосферы в техноноосферу, в новую культурно-техногенную реальность является мощное нарастание интеллектуальности человеческой деятельности и жизни, технократической интеллектуальности общественного развития. Такая интеллектуальность проявляется и в материальной, и в духовной культурах, то есть во всей культурной жизни трансформирующейся планеты. В то же время такая интеллектуальность является ограниченной, поскольку интеллект не проникает в сущность современной эволюции земного мира, а лишь поверхностно схватывает ее. При крушении биосферно-природного и становления постиндустриально-надприродного мира изменения происходят не только в экологии животных и растений, но и в экологии человека. Это проявляется в потерях человеком своих природных свойств и ущербном развитии социальных и техногенных.

Человек становится зависимым от качества техносферы, науки, техники и медицины, он становится во многом биотехносоциальным существом. Сейчас человек теряет свои природные свойства, отдаляется от естественной природы и становится во многом надприродным существом, то есть является составным элементом техногенной культуры, которую породил. Так, А.Гулыга справедливо отмечает: «Биологические факторы дополняются социально-

техническими, в результате чего достигается преодоление смерти и возникновение нового типа мыслящих существ. Человек превращается в «сверхчеловека» [2, с.93]. Речь в данном случае идет не об «отмене» смерти, поскольку все явления имеют свой конец, а о том, что человек, управляемый целевыми факторами, опосредованными элементами культуры, разного рода социальными потребностями, перестал зависеть от естественного отбора, а стал привязан к культурно-биосоциальному эволюционному процессу. Техносфера формирует у человека новое материально-культурное достояние, которое соперничает с биоприродой, уничтожая ее. Техника с момента своего возникновения пыталась преобразовывать среду, природу, человека, общество, это в свою очередь определяет развитие культуры и цивилизации. Индустрия активно влияет и на изменения в общественном развитии и культуре. Разрастающаяся техногенность земного мира и урбанизация влияют на формирование нового человека, его образ жизни, соответствующую ему культуру. Технопарки на Западе, которых насчитываются многие сотни, а теперь и в России редко ставят целью деятельности сохранение биосферы, ее возрождение, а их основная задача – найти способы производства новых видов продукции, новых, более производительных машин, чтобы производство поставить на поток, и т.п. Культуру человеческого ручного труда вытесняют и заменяют машины, что является опасным для жизни. Автор настаивает только на замене тяжелого ручного труда, от которого необходимо избавляться, поскольку он разрушает человеческое тело и психику. Автор настаивает и на сохранении ручного творческого труда, его культуры как составной части традиционной культуры и в целом человеческой ценности.

В процессе развития техногенного общества происходят серьезные изменения в биосферной природе: естественные животные и растения заменяются биоискусственными, которые формируются с помощью деятельности человека. Они уже не развиваются в естественной среде, а это приводит к тому, что культура воспроизводства жизни на планете меняется, и на смену традиционным культурным ценностям сохранения биосферной жизни мы выдвигаем, того не осознавая, антибиосферно-культурные ценности воспроизводства жизни.

Конечно, создание растений с уже заданными свойствами облегчает процедуры и время выращивания, решает продовольственные проблемы, но в тоже время остается опасность пагубного влияния трансгенных растений на человека и другие виды, а это ведет к уничтожению одних видов и превосходству других. В Брянской научно-философской школе уделяется большое внимание изучению вопроса техногенного изменения биосферной сущности человека. Происходит вытеснение биосферного человека социотехноприродным, что характерно для техногенного мира в результате одностороннего использования достижений науки, техники и технологии [3, с.105-118]. Не случайно, в современной России стремительно развиваются патологические процессы и болезни, особенно в загрязненных городах.

Сегодня человек уже не откажется от использования современных технических средств, проникновения науки в природу и естественную жизнь человека, но здесь необходима определенная мера, которая нарушена человеком; человечество должно разумно и взвешенно воздействовать наукотехникой на природу так, чтобы она саморазвивалась, чтобы нам сохранить биосферу и биосферную жизнь, благоговейно-культурное отношение к природе, создав новую культуру взаимодействия общества и биосферы, общества и природы.

В эпоху социально-техногенного развития увеличилось и воздействие человека на биосферные почвы: мы их уничтожаем, сбрасывая в отвалы вместе с химикатами и отработанное биологическое вещество, которое создавалось биосферной природой на суше на протяжении сотен миллионов лет. Истощение земель, уничтожение плодородных почв ведут к расширению биотехнологий, а вместе с этим – к увеличению производства некачественной пищи, недостатку в ней микроэлементов. Это, в свою очередь, заставляет нас производить биологически активные добавки (БАДы), (на Западе их потребляют 70–80% населения, тогда как в России, где лучше сохранились биосферные почвы и богатство естественной жизни, всего 3–5 %). Да, городскому человеку необходимы добавки биологически активных веществ, поскольку он порывает с природой. Это еще одно из весомых доказательств того, что мы должны развивать и утверждать новое, благоговейное отношение к биосферной природе, к той культуре, которая существовала издревле у народов мира, особенно восточных.

Большинство биотехнологических производств обладает избыточной техногенностью, несовместимостью с биотическим круговоротом веществ, а используемые биотехнологические продукты не имеют пока соответствующей экологической ценности и пагубно влияют на человеческий организм и его здоровье, вызывая множество заболеваний среди детей и молодых людей. Конечно, мы должны совершенствовать биотехнологии, делать продукт более безопасным, но без глубокого понимания биосферных процессов и утверждения культуры сохранения ценнейшего биосферного биологического вещества (даже в биотехнологических производственных процессах) нам не сохранить жизни на нашей пока что цветущей планете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Berdyaev N. Man and machine / N.Berdyaev //Philosophy and Technology. - L., 1972.
2. Гулыга, А. Быть не праздным пассажиром. Русский космизм: наследие и наследники. Критические заметки / А.Гулыга //Литературное образование. – 1987. – №7. – С.70.
3. Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С. Демиденко. – Брянск, 2006.
4. Демиденко, Э.С.Техногенное развитие общества и трансформация биосферы /Э.С.Демиденко, Е.А. Дергачева. - М., 2010.

5. Дергачева, Е.А. О противоречивости научной и технико-технологической рациональности в техногенном общественном развитии /Дергачева Е.А.// Вестник Воронежского госуниверситета. Серия. Гуманитарные науки. – 2006. - №1.
6. Дергачева, Е.А. Техногенная рациональность и ее функции в модернизации современного социума /Е.А. Дергачева// Вестник РУДН. Серия. Философия. – 2007. – №1.
7. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности /Е.А. Дергачева – Брянск, 2005.
8. Историческая поступь культуры: земледельческая, урбанистическая, ноосферная.- Брянск, 1994.
9. Степин, В.С. Философское познание в динамике культуры / В.С.Степин // Человек в системе наук. – М., 1989.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК 101.1:316
ББК 87.6

Э.С.ДЕМИДЕНКО

**ОТ БИОСФЕРЫ – К ТЕХНО-НООСФЕРЕ:
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ**

Представлены некоторые понятия и термины, раскрывающие современные тенденции развития жизни на планете, среди которых деградация и разрушение биосферы, формирование техносферы и постбиосферного, техно-ноосферного земного мира, социотехноприродной эволюции жизни предстают как ярко выраженные явления глобального масштаба.

Биосфера – (от греч. bios – жизнь и sphaire – шар) – одна из важнейших оболочек (сфер) Земли, ее наружная оболочка, в которой протекают, развиваются и усложняются геобиохимические жизненные процессы на протяжении около 4 млрд. лет. Ее состав и энергетика определены в своих существенных чертах длительной прошлой и современной деятельностью эволюционирующего живого вещества. В 1875 г. австрийский геолог Э. Зюсс, наряду с введенным до него понятием атмосферы – газовой оболочки Земли, обосновывает понятия об оболочках земной поверхности: *литосферой* он назвал твердую оболочку, *гидросферой* – водную, *биосферой* – всю область, охваченную жизнью в литосфере, гидросфере и атмосфере.

Системно-целостное учение о Б. получило свое фундаментальное развитие и обоснование в трудах русского ученого В.И. Вернадского. Он создал концепцию Б. как специфической оболочки Земли, которая в своих основных параметрах – физических, химических, энергетических – определяется не

только геологическими процессами, но и прошлой и нынешней деятельностью живых организмов.

Наиболее полно концепция Б. была разработана В.И. Вернадским в работе «Биосфера» (1926) и во многих последующих трудах. Нынешняя биосфера представляет собой всего лишь израненную человечеством крону древа, его вершину, древа, уходящего своими историческими корнями в глубины геологических и биосферно-биологических пластов. Биосфере предшествовала протобиосфера с определенными условиями для возникновения и развития жизни на Земле. Жизнь зародилась в водных бассейнах (как утверждают ученые, в первичном Мировом океане) около 4 млрд. лет назад в виде примитивных протобиогенозов, а вместе с ней зарождается Б. как совокупность всех экосистем, или биогеоценозов, которой предстоит стать единой системой. Б. прошла свои этапы развития и насчитывает шесть эр – катархейскую, архейскую, протерозойскую, палеозойскую, мезозойскую, кайнозойскую. Первые две эры, длившиеся не менее 1,6 млрд. лет, включали доклеточные организмы – бактериоподобные, бактериальные и водоросли. Около 2 млрд. лет назад началось бурное развитие жизни в воде, а около 450 млн. живые организмы стали заселять сушу, где их эволюция заметно ускорилась и в результате соотношение числа видов животных и растений в Мировом океане и на суше составляет примерно 1:5. За весь период эволюции Б. на нашей планете было около 500 млн. видов живых организмов. Сейчас ученые насчитывают их немногим более 2 млн. Основными факторами эволюции Б. считаются абиотические (геологические, космические), биотические (изменчивость, т.е. мутации, наследственность, борьба за существование, естественный отбор), а также антропогенные.

В.И. Вернадский рассматривал Б. как поверхностную оболочку планеты, в которой существует и развивается жизнь и которая сама постоянно изменяется геобиохимическими процессами. Он ввел понятие «живое вещество», охватывающее микроорганизмы, растения и животных. Его исследования, проведенные на большом эмпирическом материале, показали, что Б. сформирована жизнью и постоянно поддерживается в жизнепригодном состоянии благодаря биогенно происходящему обмену атомами между живой природой и ее неживым природным окружением. Изучение атомарных обменов между живым и неживым веществом привело к созданию биохимии, а с позиций этой науки была обоснована ведущая роль биогенного обмена веществ в совокупности химических процессов, происходящих на поверхности нашей планеты. И, несмотря на то что масса живого вещества чрезвычайно мала по отношению к массе земной коры (составляя 10^{-7} ее часть), через тела живых организмов в течение 13 лет проходит в 10 раз больше углерода (важнейшего строительного материала организмов), чем содержится во всей земной коре. Почти весь свободный кислород в Б. образован и поддерживается деятельностью живых организмов, в результате чего окислительные процессы на поверхности Земли идут в миллионы раз интенсивнее, чем в безжизненных пространствах Вселенной. Отсюда и вытекает обоснованное В.И.Вернадским

положение о геологической функции живого вещества, создавшего за несколько миллиардов лет своего развития особую планетную оболочку (35-40 км толщиной), или своеобразный «дом» живого вещества планеты, и поддерживающую ее важнейшие жизнеобеспечивающие свойства. Б. представляет собой совокупность живого вещества на планете в единстве с окружающей его природной средой, с которой живое вещество обменивается веществом, энергией и информацией. Б. включает в себя: 1) нижнюю часть атмосферы – тропосферу, где активная жизнь проявляется на высотах до 10-15 км; 2) всю гидросферу до глубин свыше 11 км; 3) верхнюю часть литосферы. В.И. Вернадский обратил внимание на неравномерность распределения жизни в ее активном состоянии.

Существенную роль в понимании развития жизни на нашей планете сыграл русский ученый-естествоиспытатель В.В. Докучаев, который установил, что почвы представляют собой особые естественно-исторические тела, сформировавшиеся на поверхности Земли в результате воздействия на протяжении многих сотен миллионов лет на горные породы климата (солнечного тепла и атмосферной влаги), растительных и животных организмов. Непрерывный слой живого вещества с высокой активностью занимает всю водную толщу и узкой полосой простирается по границе литосферы и тропосферы (где он включает почву и подпочву с находящимися в них корнями растений, грибами, микроорганизмами и почвенными животными), и приземную часть тропосферы (с надземной частью растений с массой их пыльцы, спор и семян). Этот слой В.Б.Сочава (1944) назвал *фитосферой*, а Е.М.Лавренко (1949) – фитогееосферой, поскольку основными накопителями являются растения. Если мощность фитосферы в океанах достигает более 11 км, на суше она измеряется десятками метров со всем циклом развития организмов. В настоящее время примерно 92% видов живых организмов организует свою жизнь в почвах или на почвах и строят свой организм из веществ, находящихся в них. Для обозначения весьма насыщенного современной жизнью слоя используется термин «экосфера» – слой Б., в котором биогенная миграция атомов количественно преобладает над переносом элементов физическими факторами. Экосфера, рассматриваемая как глобальная экосистема и оболочка планеты с ее наибольшей насыщенностью жизни, по площади составляет треть земной поверхности.

Для Б. характерен непрерывный круговорот вещества и энергии, в котором живые организмы играют активнейшую роль. Такой круговорот называют биосферным или биотическим. Благодаря круговороту, биосфера не только аккумулирует, но и перераспределяет огромные потоки вещества и энергии. В.И.Вернадский назвал его «организованностью биосферы». Важное место здесь занимает геохимическая деятельность живого вещества, а сам процесс круговорота возможен только благодаря химическим свойствам циклических, или органогенных, элементов, которые сохраняют способность к многочисленным химически обратимым процессам. Благодаря таким

процессам, наружная область планеты видоизменена и даже сформирована жизнью, что позволило В.И.Вернадскому включить ее в состав Б.

Б. включает не только взаимодействующие и связанные между собой сложными биогеохимическими циклами миграции вещества, тропосферу, гидросферу, литосферу, но и другие структуры Земли, генетически связанные с живым веществом. По В.И.Вернадскому, вещество Б. состоит из семи разнообразных, но генетически взаимосвязанных частей: живого вещества, биогенного вещества, косного вещества, биокосного вещества, радиационного вещества, рассеянных атомов, вещества космического происхождения. Б.А.Минин (1974) вводит понятие «электромагнитная биосфера», которое (как электромагнитные поля) можно рассматривать восьмым элементом Б. В пределах Б. всегда встречается либо живое вещество, либо следы его биогеохимической деятельности даже в слабонасыщенных жизнью регионах «былых биосфер». Газы атмосферы (кислород, углекислый газ, азот), каустобиолиты (нефть, уголь), известняки, осадочные породы в своей основе созданы живым веществом.

Живое вещество – одна из самых могущественных геохимических сил планеты и обладает рядом уникальных свойств, выполняя следующие биогеохимические функции: 1) газовые – миграция газов и их превращения; 2) концентрационные – аккумуляция веществ из внешней среды; 3) окислительно-восстановительные – превращения кислорода, азота, железа, марганца и других элементов и веществ; 4) биохимические и геохимические функции, связанные с деятельностью человека (техногенез – форма созидания и превращения вещества в Б., стимулирующая ее переходы в новое состояние, например, в *биотехносферу*, в *биотехногенное развитие жизни*, *техно-ноосферу* и т.п.). Эволюция Б. органически связана с появлением и развитием человека и коллективного разума людей – философии и науки, с взаимоотношениями общества и биосферы, формированием техносферы, уничтожением биосферных ресурсов и т.п.

Б. как единая саморазвивающаяся миллиарды лет система жизни обладает исключительным качеством не только единства живых организмов, но и живого вещества планеты с ее неживым окружением, косным веществом. Это такая оболочка Земли, в которой живое вещество определяет химический состав Б. (*биосферная химия*) и энергетические процессы в атмосфере, гидросфере, верхнем слое литосферы и почвенном покрове. Сама же Б. как динамическая система регулируется живыми организмами: ее можно рассматривать и как жизнь более высокого порядка – как особую форму движения материи. Она не только воспроизводит сформированные ранее биологические организмы, но и творит более высокоорганизованные (например, человека). С точки зрения системного и синергетического подходов, активной частью Б. является совокупность всех экосистем (биогеоценозов). В основе функционирования и креативных возможностей Б. лежит не просто биологическая, а биосферная продуктивность, где ведущую роль играет живое вещество. Если В.И.Вернадский впервые рассматривал Б. как системное единое

целое, то Дж.Лавлок охарактеризовал ее как «единую живую целостность», управляющую своими частями и саморазвитием. Вместе с тем следует выделить по исторической и специфической эволюции две части Б.: 1) *континентальную, или литосферную*, и 2) *океаническую, или гидросферную*.

Огромная роль в развитии Б. принадлежит ее активным составляющим, которые к сожалению, разрушаются современным человечеством. Обычно говорят о разрушении и даже деградации Б. без указания на ее основополагающие составные части. Б. – система достаточно сложная. В самом общем виде она представляет собой живое вещество планеты Земля со своим окружением, с которым живое вещество обменивается веществом, энергией и информацией.

В этой связке можно вычлнить основополагающие факторы существования и развития биосферы, среди которых: 1) *живое вещество* (В.И.Вернадский), составляющее фундаментальную основу биосферы; 2) *почвы* как биокосное вещество, содержащее насыщенный строительный материал из микроэлементов биогенного вещества (погибшего живого), косного и микроорганизмов, 3) *углеродосодержащее вещество* – биогенное из отложений былых биосфер в сочетании с другими химическими элементами, на основе которых и строится каркас живого вещества, 4) *биогенные обменные процессы* между живым веществом и его *биосферно-природным окружением*.

В учении о Б. выделяются следующие основные аспекты: 1) энергетический, отражающий связь процессов в биосфере с космическими излучениями (прежде всего – солнечными) и радиоактивными процессами в недрах Земли; 2) биогеохимический, освещающий роль живого вещества в распределении и поведении химических элементов в Б. и ее структурах; 3) информационный, показывающий принципы организации и управления, реализуемые в биосферной природе – как между организмами, так и между живой и неживой природой; 4) пространственно-временной, отражающий формирование и эволюцию различных структур Б. в геологическом времени в связи в связи с особенностями пространственно-временной организованности живого вещества в Б. (проблемы симметрии, биоаккумуляции и др.); 5) социальный, показывающий многогранные глобальные и региональные воздействия человечества на структуру и функции Б. в процессе изъятия ископаемых биосферных ресурсов, преобразования ландшафтов, выхода в космос, разрушения отдельных структур и областей Б. и т.п.; 6) социально-техногенный, отражающий характер изменения биогеохимических процессов, трансгенных обменных процессов и миграции атомов, изменения биотического круговорота веществ в Б. в процессах замещения Б. и ее пространств *техносферой* с ее искусственной химической составляющей, антропогенными загрязнениями и изменениями живого вещества и природных сред отходами производства и применением искусственных ксенобиотиков и т.п. (этот аспект только начинает изучаться учеными). Разрушение Б., уничтожение естественных ландшафтов, перевод естественных почв в сельскохозяйственное производство, химическое загрязнение искусственными ксено-биотиками,

формирование техносферы и другие процессы негативной социализации ведут к уничтожению Б. В то же время техногенное общественное развитие с его нарастающей наукой, научными знаниями, существенным увеличением креативных институтов и специалистов, создающих постбиосферные живые организмы, а также переход населения из Б. в техносферу, производство в ней продуктов питания и многие другие процессы говорят о переходе жизни на нашей планете от ее естественных, биосферных форм к искусственным, постбиосферным, или техно-ноосферным.

Предсказанный В.И. Вернадским и Э. Леруа нарастающий процесс социализации Б. и ее переход в ноосферу (как более высокий качественный уровень биосферы) практически идет в другом направлении – формирования на Земле глобальной социотехноприродной системы с ее дальнейшей социотехноприродной эволюцией. Основой такой системы становится *техногенный креативный социум*, перестраивающий биосферно-природный мир планеты Земля и переводящий нынешнюю биосферную эру кайнозоя в первую искусственную социоприродную (по сути социотехноприродную) эру, которую можно назвать эрой *ноозоя*, т.е. сотворенной коллективным человеческим разумом (или наукой, по В.И.Вернадскому). Такой переход Б. (с ее гибелью) в *техно-ноосферу* как искусственный мир жизни может и не состояться, если ООН и ведущие государства мира не предпримут усилий по сохранению неразрушенной части биосферы, ее реконструкции и существенного восстановления.

Активные части биосферы – понятие введено Э.С.Демиденко в связи с активным разрушением человечеством основных частей биосферы, определяющих сотни миллионов лет развитие жизни на нашей планете. Обычно говорят о разрушении и даже деградации биосферы без указания на ее основополагающие составные части.

Биосфера – система достаточно сложная. В самом общем виде она представляет собой живое вещество планеты Земля со своим окружением, с которым живое вещество обменивается веществом, энергией и информацией. В этой связке можно выделить основополагающие факторы существования и развития биосферы, среди которых в первую очередь является: 1) *живое вещество* (В.И.Вернадский), 2) *почвы* как биокосное вещество, содержащее насыщенный строительный материал из микроэлементов биогенного вещества (погибшего живого), косного вещества и микроорганизмов, 3) *углеродосодержащее вещество* – биогенное в отложениях былых биосфер в сочетании с другими химическими элементами, на основе которых и строится каркас живого вещества, 4) *биогенные обменные процессы* между живым веществом и его *биосферно-природным окружением*. Именно эти части биосферы сейчас более всего разрушаются человеческой деятельностью, что ведет к гибели биосферы, скорее всего, уже в первой половине третьего тысячелетия. См.: *Биосфера*.

Антропогенные изменения биосферной жизни – представляют собой определенную систему, которая формируется под воздействием комплекса социально-техногенных условий, приводящих не только к коренным изменениям в жизнедеятельности человечества, но и в ходе его усиливающейся научной и практической активности – к коренным изменениям в биосферной жизни. Во-первых, человек уже на ранних стадиях своего развития начинает изменять биосферу: уничтожает крупных животных, лесные и другие природные пространства, почвы и гумус в них. Во-вторых, на основе создаваемых орудий труда, а затем и развитых научно-технических производительных сил он стремительно трансформирует и уничтожает биосферу во всех ее составляющих частях. В-третьих, в ходе удовлетворения своих возрастающих потребностей он создает техносферу как неживой искусственный вещественно-предметный и электромагнитный мир, сокращающий биосферные пространства и биологическую активность. В-четвертых, на основе интеграции «био», «социо» и «техно» формируется уже постбиосферный мир жизни с преобладанием искусственной среды – живое вещество приобретает взамен *биосферно-природной оболочки* своей жизни новую, *техносферную оболочку*, что коренным образом изменяет характер биогенного обмена в земном пространстве из-за насыщения его новым, постбиосферным химическим окружением. В-пятых, на основе биосферных живых организмов создаются и расширяются при помощи новейших биотехнологий генетически измененные, трансгенные организмы, формирующие уже постбиосферный, техно-ноосферный мир.

Биосферная форма движения материи. Понятие впервые введено в научный оборот в 2010 г. Э.С. Демиденко. Как известно, Ф.Энгельс среди других выделил биологическую и социальную формы движения материи. На протяжении почти 4 млрд. лет биологическая форма движения материи осуществлялась в рамках биосферы, в границах биосферной системной целостности. Но с развитием техногенного общества и разрушением биосферы она переходит в другие, постбиосферные формы эволюции: в связи с этим мы можем говорить о биосферной (или, точнее, биосферно-биологической) и постбиосферной (социально-биологической и даже социально-искусственной) формах развития жизни. Если почти за 4 млрд. лет на земном шаре возникло примерно 500 млн. видов живых организмов, из которых осталось немногим более 2 млн. (изменяющиеся при крайне низкой *продуктивности биосферных технологий*), то с развитием общества создаются наукой *социально-технические технологии* с неимоверно высокими скоростями изменения живых организмов.

Биосферная форма жизни, или биосферно-биологическая модель жизни – саморазвивающаяся на земном шаре на протяжении почти 4 млрд. лет целостная система биологической жизни, которая сейчас изменяется под воздействием общественных систем с производящей экономикой. В

земледельческом обществе изменения этой формы жизни происходили в ходе мягкой социализации, когда структура и состав биологического вещества не изменялись существенно. С переходом же к *социально-техногенной эре развития жизни* биологическое вещество приобретает техногенные качества – в нем теряется былая гамма микроэлементного состава, вводятся вещества, вызывающие негативное воздействие на биосферное биологическое вещество, включая и человеческий организм. Исходя из этого, автор в монографии «Техногенное развитие общества и трансформация биосферы» (2010) вводит в научный оборот три понятия, характеризующие ступени и модели эволюции биосферы: *биосферно-биологическая, социально-биосферная и социально-биологическая*, осуществляющиеся на базе *социотехноприродной эволюции жизни*.

Биосферное биологическое вещество – понятие впервые вводится в научный оборот Э.С.Демиденко наряду с уже существующим понятием биологического вещества. На основе социального опыта, а затем и достижений науки люди начали не только видоизменять живое биосферное вещество (микроорганизмы, растения и животных) в ходе одомашнивания, окультуривания, мягкой социализации, но и создавать принципиально новые организмы, особенно при помощи генетических изменений и трансгенных трансформаций. В своей книге «Постчеловеческое будущее» Ф.Фукуяма отмечает, например, тот факт, что введение в человеческий зародыш различных генов других организмов для приобретения желательных для человека свойств может породить существо, которое вряд ли можно уже назвать человеком, поскольку оно будет в себе содержать также гены многих животных и растений. Следовательно, *биосферное биологическое вещество* отличается от *постбиосферного биологического* не только фактом искусственности и технологиями своего создания, но и структурой и/или составом, функциями и другими особенностями. Возникшая проблема *постбиосферного биологического вещества* как научная и социально-практическая особенно остро встает в связи с разрушением биосферы как саморазвивающейся системной целостности и необходимостью поддерживать жизнь на планете на основе создаваемых человечеством новейших биотехнологий для поддержания и дальнейшего развития жизни. Биосферное биологическое вещество обычно разделяется на *живое* и *биогенное* (лишенное жизни биологическое вещество), но в определенных условиях сохраняющее в себе биологическую и генетическую структуру даже многие тысячи лет, что породило научное направление воссоздания утерянного биоразнообразия на планете. В то же время учеными упускается из виду существование еще одного класса биосферного вещества, своим разнообразием образующего определенное неживое окружение: *природно-биосферную оболочку живого вещества*. Этот класс веществ создан почти 4-миллиардным периодом развития биосферы, поскольку живое вещество формировало свое окружение, с которым оно

обменивается в процессе поддержания и воспроизводства своей жизни веществом (биогенными его элементами), энергией и информацией.

Этот класс безопасных в своей основе для биосферы и жизни веществ можно назвать *земным биосферным домом*, который мы, к сожалению, стремительно разрушаем под разными предлогами, создавая, прежде всего, только себе благоприятные условия жизни, игнорируя безопасность живого биосферного вещества – его животных, растений, микроорганизмов, а также и созданного ими «биосферного дома». В ходе *техно-ноосферного развития общества* формируется уже *природно-техногенная оболочка живого вещества*.

В свою очередь, *живое биологическое вещество* можно разделить на такие группы или даже классы: а) *живое биосферное биологическое вещество*, получившее в биологии название дикой живой природы, которое создается на основе естественных *биосферных технологий* в процессе саморазвития биосферы; б) *живое биосферное социально-окультуренное биологическое вещество*, изменяющее свою биологическую структуру на основе *мягкой социализации*, сохраняя микроэлементный типичный для организма состав; в) *живое биосферное техногенно-биологическое вещество*, когда биосферное биологическое вещество частично изменяет на основе антропогенных химических и иных целенаправленных воздействий и загрязнений живых биосферных организмов свой элементный состав и приобретает некоторые новые качества (положительные или отрицательные), пополняя их под воздействием производства, технических процессов и технологической обработки на основе биосферных технологий; г) *живое постбиосферное биологическое вещество*, которое уже создается с использованием достижений научно-технической революции в виде интеграции самых различных организмов (их мы называем *техно-ноосферными*) и будет пополняться новыми видами живых организмов. В итоге последнее возобладает на планете, если человечеству не удастся сохранить биосферу как саморазвивающуюся систему жизни, или хотя бы ее остатки с нынешним биосферным генофондом в обширных заповедных местах планеты.

Можно предложить и классификацию живых организмов: 1) *биосферные живые организмы*; 2) *биосферные окультуренные живые организмы*; 3) *биосферно-техногенные живые организмы*; 4) *постбиосферные живые организмы*. Первые являются итогом развития на планете биосферы и представляют живую дикую природу. Вторые появляются в процессе *первичной мягкой социализации живой природы – окультуривания и одомашнивания* диких растений и животных на основе искусственного отбора и применения биосферных технологий; этот процесс продолжается и сейчас в домашнем хозяйстве, поскольку социализация происходит без применения генетически трансформирующих живое вещество технологий. Так, например, одомашнивание лося практически только начинается. Генезис же процесса социализации диких растений и животных относится к периоду перехода к земледелию, когда некоторые общины стали высаживать дикорастущие злаковые растения и плодовые деревья и приручать животных. В период

неолита и аграрных революций (8-10 тыс. лет до н.э.) во многих регионах мира появляется уже устойчивое земледелие и скотоводство. Именно с переходом к производящей экономике на смену *природно-биосферной модели жизни* активно начинает приходить *социально-биосферная модель жизни*, а вслед за ней – *социотехнобиосферная* как переходная в нынешнем тысячелетии к *постбиосферной, социально-биологической, или социотехнобиологической*. В своих основных чертах *социотехнобиосферная* модель жизни начала устанавливаться примерно три столетия назад вместе с формированием техногенного общества в Западной Европе и, видимо, через три века перейдет в социально-биологический тип жизни, когда будет окончательно разрушена биосфера. Этот процесс может предотвратить человечество, если оно будет организовано в мировом масштабе, притом с преодолением *либерально-экономического прогресса*, навязанного людям капитализмом. Что касается живых организмов, то их можно разделить на такие типы: а) *биосферный живой организм*; б) *биосферно-социализированный живой организм*; в) *биосферно-техногенный живой организм*; г) *генетически модифицированный живой организм*; д) *трансгенный живой организм*. Последние два типа относятся к постбиосферным живым организмам.

Биосферное человечество – понятие, отражающее как природу отдельного человека, так и природу всего развивающегося человечества с периода его сотворения биосферой и до периода промышленной революции. Мощная машинная техника стала изменять не только биосферную природу, создавая искусственный окружающий мир, но и изменять самого человека, трансформируя и в определенной степени даже разрушая его биосферно-природные и формируя в нем *техногенные качества* (притом весьма стремительно в конце XX – начале XXI веков). Человек, активно создавая искусственные условия для своей многообразной жизнедеятельности, сам все более и более становится существом искусственным, или постбиосферным. Таким образом, человечество, урбанизируясь и техносферизируясь, изменяет свои качественные характеристики, развивая *социально-техногенные* и разрушая *биосферно-биологические*. Пожалуй, первым, кто это ясно осознал, был американский исследователь Д.Вайнер. Еще в конце XX в. он писал, что человечество все дальше отодвигается от природы, разрушает ее и, таким образом, разрушает свою собственную природу; индустриальный человек утрачивает свои природные свойства.

Закат *биосферного человека и человечества* еще не осознается, но факты об этом свидетельствуют достаточно ярко. Одна из первоочередных задач – необходимо предпринять все для спасения биосферы и биосферной жизни, что позволит в определенной мере сохранить и *биосферное человечество*. Эти задачи должны быть подкреплены конкретными программами, среди которых единение с природой выступает как самая простая, доступная и первейшая.

Второй программой, более сложной, но тем не менее осуществимой пока, является снятие *отрицательной техногенности* на всех этапах развития

биосферной жизни и жизнедеятельности человечества. Это далеко не простая задача, поскольку необходимо будет провести разделительную линию между *положительной и отрицательной техногенностью*, а для этого глубоко изучить это явление.

Третьей, еще более сложной программой сохранения и успешного развития биосферного человечества должна стать программа реконструкции, существенного возрождения и развития биосферы, но уже на новой стадии социоприродного развития. Как известно, основой биосферной части литосферы являются почвы как результат развития биосферы на протяжении сотен миллионов лет. И если мы за 10 тыс. лет израсходовали и уничтожили более половины почв, а сельскохозяйственных биосферных почв остается примерно на 150-200 лет эксплуатации, то на суше к былой биосфере возвратиться нельзя; возрождать же биосферу необходимо по специальным технологиям и с переводом в иное состояние, но биосферное, с сохранением *живого биосферного биологического вещества*. Это касается и самого человека, наполнившегося в техногенную эпоху искусственным веществом, особенно искусственными ксенобиотиками. Для возврата «на круги своя» потребуются свои специфические программы.

Биосферный земной мир – понятие, отражающее определенное состояние земного мира при наличии и саморазвитии биосферы. Поскольку биосфера сейчас стремительно разрушается (разрушена треть ее *активных частей* за два последних столетия техногенного общественного развития), то может наступить ее разрушение как саморазвивающейся природной системы. В связи с этим мы можем говорить о *добиосферном, биосферном и постбиосферном земном мире*.

Эти понятия вводятся Э.С. Демиденко для более глубокого осмысления нынешнего земного мира и его завтрашнего состояния, если человечество не предпримет соответствующих мер по сохранению и развитию биосферы. Уничтожение биосферы – это трагедия для человечества и той формы жизни, которая развивалась на протяжении 3,5–3,7 млрд. лет. Безусловно, можно жить и на той планете, искусственную жизнь которой развивает человечество, но будет ли полноценной такая жизнь? Мы живем пока что на прекрасной саморазвивающейся планете, почему же нам ее не сохранить, применив всю силу нашего научного разума. Ведь при таком неразумном, эгоистическом хозяйствовании уже через 2–3 столетия биосферы не станет. Останутся разве что биосферные организмы в сочетании с искусственными, сотворенными человеком. Притом вряд ли надолго.

Биотехнологии в системе биосферной жизни. Биосфера и биосферная жизнь эволюционировали на планете на протяжении почти 4 млрд. лет. С появлением человека и его активной деятельности, особенно с периода индустриализации и техногенного развития общества, они начали катастрофически разрушаться. Исследования Н.Ф. Реймерса показывают, что за

период развития человечества биосфера потеряла 40 % *биосферного зеленого покрова земной суши*. Работы Э.С. Демиденко показывают: в 1800-2000 гг. потери составили треть живого вещества планеты, гумуса в почвах, биогенного вещества в отложениях «былых» биосфер. Основой земной биосферы являются почвы, на которых базируется четыре пятых живых организмов планеты. За 10 тыс. лет земледелия использовано и уничтожено 2 млрд. га плодородных земель, а оставшихся 1,5 млрд. га, на 2/3 разрушенных, хватит лишь на 1,5-2 века их эксплуатации. Более того, из почв изымаются химические элементы, на основе которых строится живой организм; ежегодные их потери составляют 0,5-0,7%, а в течение последних 3-х веков их эксплуатации в западных странах 75-80%. С разрушением почв теряется и качество естественных продуктов питания. Если в начале XX века для пополнения организма суточной нормой железа человеком нужно было съесть 2 яблока, то в его конце – свыше двадцати. Процессы истощения земель неизбежно ведут к расширению биотехнологий. Они вызвали производство БАДов на Западе, где их потребляют 70-80 % населения (а в России и СНГ всего 3-5%). Следует отметить, что антропогенные изменения почв в индустриальных государствах составляют свыше 90%, тогда как в России - 50%. К тому же надо бы иметь в виду, что высокая эффективность БАДов определяется использованием в основном *биосферного живого и биогенного вещества*, т.е. диких растений и животных. Сегодня же сами биотехнологические производства и их продукты в целом не такие уж и безопасные, как их пытаются представить ряд производителей, особенно когда они создаются людьми без глубоких знаний и понимания эволюции биосферы и биосферной жизни, современного техногенного развития. Так, США страдают от засилья биотехнологий. За последние 20 лет рост американца в среднем уменьшился на 1,5-2 см, а их организм от ожирения превращается в «мешок мяса с костями», в котором «растворяются» мускулы и округляется тело. «Болезни цивилизации» растут как грибы после дождя. Так, при проведении скрининга новорожденных генетически обусловленных заболеваний в «полуцивилизованной» России выявлено только 4, тогда как в «высокоцивилизованных» США – все 30. В последних и средняя продолжительность жизни на 2 года меньше, чем в бедной, но «биосферной» пока Кубе, и на 6 лет меньше, чем в Японии. Биосферные морепродукты, развитая медицина и здоровый образ жизни играют свою положительную роль в Японии и в Кубе.

Исследования в 28 развитых странах мира за период 1960-1980 гг. показали: от антропогенных загрязнений онкология легких у некурящих женщин выросла в 10 раз, а у курящих - более чем в 200 раз. В XIX веке об онкологии легких от курения и речи не было, поскольку табак выращивался на биосферных почвах, без минеральных удобрений и химии, которая применяется сейчас при производстве табака и папиросы. К тому же канцерогены техногенных загрязнений соединяются с никотином и накладываются на ослабленную иммунную систему человека. Это приводит к тому, что у курящих женщин выкидыши в 6 раз чаще; начинающая курить

школьница имеет в 9 раз меньше шансов родить ребенка, чем некурящая. Лекарства и биодобавки, сделанные из пригородных растений, не добавляют здоровья человеку. Широко известен случай, когда на свадьбе скончалось семь человек из-за смешивания водки с шиповником, собранным в районе химического комбината. Вот почему биотехнологический процесс неотделим и от техногенности развития общественного организма, техногенных почв и их продуктов и т.п. Так, например, в поселках вокруг биотехнологических заводов рождается более 30 % детей с генетическими и иными аномалиями, а импортируемые в нашу страну биотехнологические продукты имеют на треть меньше микроэлементов и витаминов, чем наши, российские. Не случайно сплошная диспансеризация школьников в России в 2002 г. показала, что 60% из них с патологическими болезнями (а сейчас уже 70%), вполне здоровых - всего 4-5%. Биотехнологическое производство перспективных полифункциональных продуктов назрело для снятия белкового, витаминного и микроэлементного дефицита в организме населения в техногенную эпоху. Это позволяет сделать выводы: а) биотехнологические производства в основной массе обладают большой техногенностью, несовместимостью с биотическим круговоротом веществ, о чем свидетельствуют генетические аномалии при рождении детей в их окрестностях; б) получаемые и используемые биотехнологические продукты в массе не обладают соответствующей биосферной (и экологической) ценностью и заметно трансформируют человеческий организм и его здоровье; в) биотехнологические процессы нужно рассматривать и оценивать только в системе биосферной жизни, ее сохранения и возрождения; г) биотехнологический процесс и его продукт не должны разрушать системную целостность биосферы, ее организмов, сохраняя сложившееся биосферное биоразнообразие; д) само биотехнологическое производство должно быть полностью изолировано от биосферы, а его продукты – обладать полноценными биосферными свойствами; е) нужно полноценное использование не только биосферного живого вещества, но и биосферного биогенного вещества для производства продуктов питания как для человека, так и для окультуренных животных; ж) нужно строительство специальных биотехнологических производств для получения полноценных продуктов питания из биосферного биологического вещества для беременных женщин, детей, больных людей, спортсменов и т.п.; з) необходимо создание на основе биосферных технологий высококачественных растений и животных для полноценного питания человечества; и) необходимо широкое внедрение вермитехнологий и создание производств вокруг городов с целью наиболее полного использования бытовых и иных биологических отходов в городах; к) нужно формирование новых биотехнологий, направленных на восстановление биосферы и возрождение биосферной жизни.

Техно (от греческих *techne* – искусство, мастерство) – одно из основных понятий *философии социально-техногенного развития жизни (мира)*, рассматривается как компонент процесса или явления, имеющий искусственное

(техническое) происхождение, но при этом органически входящий в комплексный сложный объект – предмет, явление, процесс. Применяется как синоним искусственного.

Техно-ноосфера (от греческих *techné* – искусство, мастерство, а в нашем понимании – искусственное, *noos* – разум и *sphaîra* – шар) – понятие, отражающее содержание наружной оболочки планеты, наступающего земного мира как искусственного, создаваемого усилиями человеческого разума (науки) и организованного на научной деятельности труда с целью удовлетворения насущных потребностей общества и индивидов. В основе понятия находится предложенное французским математиком и антропологом Э.Леруа в 1927 г. термин «*ноосфера*». Э.Леруа был знаком с исследованиями В.И.Вернадского, его идеями о биосфере, преобразовании поверхности Земли биосферными организмами и нарастающем преобразовании планеты уже человечеством на основе невиданных ранее производительных сил человечества, роли науки и коллективного труда в этих преобразованиях. Э.Леруа обратил внимание на два крупнейших события на планете за всю историю ее эволюции: 1) восхождение живого из неживого и 2) гоминизацию биосферы, т.е. социализацию в современном ее понимании. Под ноосферой Э.Леруа понимал главным образом мыслительную деятельность людей, накопление и передачу знаний и социализацию на этой основе биосферы. Предложенная им мысль о переходе биосферы в ноосферу на основе социализации, по сути, осталась без разъяснения. Понимание ноосферы было позже развито в трудах французского палеонтолога и священнослужителя П.Тейяра де Шардена. Ноосферу он представлял как мыслящий пласт планеты, непрерывно расширяющийся и восходящий к некоему знаку Омега, что означает божественное предназначение разума в космической эволюции. Вместе с тем он в книге «Феномен человека» обращает внимание на то, что в ходе процесса ноосферизации происходит восхождение искусственного, которое сменяет естественное. На это, к сожалению, не обращают должного внимания исследователи его творчества.

В.И.Вернадский принимает не только термин «ноосфера», но и идею Э.Леруа о переходе биосферы в ноосферу, вкладывая в них материальное содержание. Ноосфера у него не сводится только к совокупности мыслей, идей и знаний. Концепция ноосферы является логическим продолжением материалистической теории биосферы. Если живые организмы на протяжении сотен миллионов лет преобразовывали литосферную поверхность планеты, то этим еще в большей степени занимается развившееся человечество на основе коллективного разума (науки) и целенаправленного ассоциированного труда населения. Процесс творения ноосферы у В.И.Вернадского предстает как эволюционно закономерный. Последователи В.И.Вернадского не совсем верно понимают и его учение о биосфере, и учение о ноосфере.

Живые организмы на поверхности литосферы формируют особую среду своей жизни – природно-биологическую оболочку, каковой является в основном атмосфера и почва. Именно на почвах и в них развивается, проживает и кормится за их счет 92% видов живых организмов планеты. Как-то непривычно говорить о почвенном составе морей и океанов, но и там создается

живыми организмами природно-биологическая оболочка (среда) их жизни. Мы обычно говорим о биосфере как едином целом, но в биосфере мы можем выделить ее литосферную и океаническую природно-биологическую оболочку. Понятие биосферы включает в себя совокупность живых организмов в органической взаимосвязи со средой их обитания, их своеобразным домом, из которого они черпали постоянно вещества для своей эволюционирующей жизни. Ноосфера по В.И.Вернадскому – это развившаяся на основе коллективного человеческого разума и труда биосфера, высшее и последнее ее состояние; биосфера, сливающаяся с человечеством в единое целое. Были ли у крупного ученого, исследовавшего глубоко биогеохимические и биогенные обменные процессы, доказательства возможности улучшения биосферы человеком и достижения этой слитности? Да, были. На протяжении многотысячелетнего отрезка земледельческой истории человечества оно социализировало (одомашнило и окультурило) очень многие биосферные, т.е. дикие, растения и животных. Это была *мягкая социализация*, не изменявшая существенно структуру и состав биологического вещества. В.И.Вернадский ведь связывал новый этап в геологической истории Земли с созданием человеческим разумом «культурной биогеохимической энергии». Но размер этой энергии вышел в XX веке далеко за пределы гуманного разума. В связи с бурным ростом численности человечества и его цивилизационных потребностей и даже прихотей разум используется человеком сейчас не для сохранения своего земного биосферно-природного дома, его обустройства. Он направлен на создание невиданных ранее научно-технических производительных сил, при помощи которых мы рвем на куски «биосферный дом» ради строительства своего «частного дома» с насыщением его мыслимыми и немыслимыми богатствами, притом по принципу, кто сколько «урвет». Нынешняя *либерально-экономическая цивилизация* порождает на каждом шагу индивидуализм, рвачество, эгоизм, неорабовладельчество, прикрываясь «правами человека».

В статье «Кухня третьего рейха» («Аргументы недели».2011, №3/244) довольно ярко показано, как гитлеровцы кормили военнопленных и угнанных в Германию на работы граждан: подливали им химические добавки для придания приятного вкуса некачественной и несъедобной пище. Сейчас в мире капитализма такой «бизнес» становится нормой. «По мнению проректора Московского университета пищевых продуктов Александра Колеснова, 60% напитков, продаваемых в РФ под видом соков, – нахимиченные фальшивки. Так называемые гранатовые соки – фальсификат практически на 100%». В беседе с Э.С.Демиденко он уточнил, что исследовал не все соки, а сделал по 10 контрольных закупок соков разных фирм. Но и по ним можно судить, в каком направлении и развивается современная мировая цивилизация: капиталистический рынок ежедневно, ежечасно наполняет ее техногенностью, несовместимой с биосферной биологией человека. И не стоит винить В.И.Вернадского, что мир развивается совсем не так, как это было еще в начале XX века, когда сохранялась надежда у крупного ученого и других гуманистов на формирование в мире ассоциированного (т.е. коммунистического)

человечества с его гуманным коллективным разумом, передовой гуманной наукой.

Теперь же человечество, состоящее из цивилизованных кроманьонцев, развивавшееся около двухсот тысяч лет в природно-биосферной оболочке жизни, строит свой новый дом, который мы называем техносферой. На первом этапе своей биосферной эволюции оно уничтожило основную массу крупных животных и вынуждено было перейти к земледелию. На своем втором этапе, – с эпохи неолита, примерно 10 тыс. лет назад, – оно практически уничтожило (использовало для своей жизнедеятельности) абсолютное большинство плодородных почв, переходя постепенно к строительству первичной техносферы – небольших поселений, хозяйственных объектов и отдельных зданий. Третий этап развития человечества начинается с промышленной революции конца XVIII в., когда социально развившееся человечество начинает активно строить свою особую, оторванную от природной, жизненную оболочку, свой технодом – техносферу, включающую крупнейшие города и иные поселения, производственную и социально-бытовую инфраструктуру, транспортные магистрали, огромный мир машинной техники, искусственные электромагнитные поля и многое другое искусственное. Крайне опасными в техносфере являются сейчас синтезированные химические вещества, которых в коммерческом обороте находится более 65 тысяч и только примерно 1% из них прошел сертификацию на токсичность.

Техно-ноосфера создается стихийно на основе непродуманного техногенного развития общества и земного мира. Она приходит на смену разрушаемой земной биосфере. В этом понятии отражается иное понимание ноосферы, ее содержания, чем у В.И.Вернадского и его современных последователей; оно нашло обоснование в основном в трудах Э.С.Демиденко и В.А.Кутырева, ученых Брянской научно-философской школы исследования социотехноприродных процессов.

Материальной основой техно-ноосферы является техносфера и мир трансформированных (окультуренных) биосферных растений, животных и микроорганизмов плюс созданных небiosферных организмов в лабораториях учеными на основе научных знаний. Все активные жизненные процессы на земном шаре, скорее всего, будут происходить в техногенной оболочке с широким использованием биотехнологий. Человечество уже создало, например, не только сельскохозяйственную инфраструктуру, но и биопромышленность с огромными скоростями протекания биологических процессов. Биосфера в ходе разрушения не только теряет свои креативные функции, но передает их новой *социоприродной метасистеме*, на основе которой формируется техно-ноосфера. Таковы пока что тенденции развития земного мира, которые могут быть изменены, если прогрессивные силы придут к власти (на что надежды, прямо скажем, пока нет).

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК 101.1:316
ББК 87.6

Е.А.ДЕРГАЧЕВА

СОВРЕМЕННОЕ ТЕХНОГЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Рассматривается современное техногенное общество и его характеристики. В техногенном (индустриальном и постиндустриальном) обществе в результате воздействия науки, техники, технологии и техносферы на весь ход планетарной жизни происходит постепенная интеграция социальных, техносферных и природно-биосферных процессов и явлений и формирование искусственной социотехноприродной системы.

Техногенное общество (цивилизация), техногенный социум, техногенная общественная система – понятие, которое вначале использовалось как синоним индустриального общества (цивилизации), пришедшего на смену аграрному, традиционному обществу.

Техногенное общество – это во многом уже постаграрная общественная система на индустриальной и постиндустриальной ступени общественного развития и рационализации, генезис которой осуществляется преимущественно на основе наукотехники и создаваемой ею предельно урбанизированной среды – техносферы. Наукотехника и техносфера в целом, взаимодействуя с социумом и биосферой, подчиняют, трансформируют и разрушают их и тем самым изменяют качественные характеристики традиционного (земледельческого) общества и биосферной природы. Данное понятие в обществоведческих исследованиях имеет только индустриальную, технико-технологическую направленность развития. Техногенное общество некоторыми исследователями односторонне идентифицируется только с промышленным развитием и формированием *техносферы* – особой оболочки планеты, совокупностью технических и технологических объектов, процессов и отношений по поводу преобразования социоприродной среды в целях наилучшего соответствия социально-экономическим потребностям человека. Техногенное общество включает, наряду с социализированными формами биосферной и остатками естественной природы, биотехнологическую, генетически модифицированную, постбиосферную живую природу (формирующуюся *технобиосферу*). Техносфера является посредником в системе «общество – человек – биосфера». Человечество целенаправленно создает техносферу для повышения комфортности жизнедеятельности, степени удовлетворения потребностей в социально-экономическом, социокультурном развитии, обустройстве быта, активизации социальных и биологических процессов и т.п. Техногенное общество представляет собой во многом уже социотехноприродную систему, развивающуюся на основе техногенеза и трансформации биосферы, ее живого вещества и приобретающую благодаря этому новые социотехноприродные качества. В свою очередь, совокупность национальных техногенных общественных систем образуют в отдельных регионах техногенные цивилизации, а совокупность последних – сообщество техногенных цивилизаций.

Понятия «техногенная цивилизация» и «техногенное общество» получили теоретическое, хотя и неоднозначное обоснование, в работах В.С.Степина (1989), Э.С.Демиденко (2000), Е.А.Дергачевой (2005) и ряде других исследований.

В.С.Степин впервые поставил вопрос о формировании техногенной цивилизации и начал исследовать ее предысторию и современное развитие. Понятие «*техногенная цивилизация*» было введено им в статье «Научное познание и ценности техногенной цивилизации» (1989), опубликованной в «Вопросах философии» [9].

В.С.Степин справедливо связывает зачатки генезиса техногенной цивилизации с эпохой «осевого времени» (VII-IV вв. до н.э., К.Ясперс), когда происходит зарождение демократии античного полиса, различных философских систем и прароботов теоретической науки. Он относит демократию к необходимым составляющим техногенного общества, то есть рассматривает благоприятную политико-правовую среду как стимул для общественного развития. Однако развитие науки и демократии в античности еще не могло способствовать формированию техногенного общества, поскольку не был пройден процесс первоначального накопления капитала, который бы создал благоприятные экономические условия для развития полноценной теоретической науки и промышленного переворота. Это стало осуществимым в Англии и других странах Западной Европы во второй половине XVIII–XIX веков. Земледельческое общество развивалось в биосфере медленно, так как ограниченные возможности мускульной энергии человека и животных были естественными сдерживающими факторами такой эволюции. Традиционные общества были ориентированы на поддержание стабильности сложившихся социальных структур, видов и целей деятельности.

В.С.Степин выделяет следующие основные ценностные ориентации техногенной цивилизации: 1) ценность объективного и предметного знания и соответствовавший ей принцип самооценки объективной истины; 2) установку на систематический рост и новизну знания о мире как результат исследования, не учитывая при этом в понимании техногенности общественного развития комплекс всех процессов *техногенеза*. Именно в эпоху Просвещения, по мнению В.С.Степина, человек подошел к той стадии своего развития, когда уже были сформированы мировоззренческие установки, составившие основу последующего развития техногенной цивилизации в XIX–XX веках.

Становление техногенной (машинной) цивилизации В.С.Степин далее связывает с промышленной революцией в Западной Европе, утверждением научной рациональности, возникшей в XVII–XVIII веках, системным взглядом на природу как на предмет и неограниченный источник для преобразований, индустриализацией, быстрым изменением техники и технологий благодаря систематическому применению в производстве научных знаний, возникновением капитализма и коренным преобразованием социоприродной среды жизнедеятельности. Техногенная цивилизация проходит три стадии: преиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Следование принципам науки и научной рациональности В.С. Степин рассматривает как

условие технико-технологического и социального прогресса техногенной цивилизации.

Действительно, человеческий разум и порожденные им техника, машина, технологии относятся к «рацио», но коренное преобразование общества и земного мира на принципах технорационализации, искусственности жизни и ее среды начинается с зарождения машины – машинной техники, технологии и энергетики. По мнению автора, техногенная цивилизация стала формироваться в эпоху преиндустриального развития в XV–XVIII веках в Западной Европе в центральной промышленной зоне (Лотарингской оси, протянувшейся на 1,6 тыс. км от Манчестера в Англии до Турина в Италии). Как показывают исследования С.Куровского, на этой территории на протяжении двух тысячелетий была самая высокая концентрация населения в Европе и необходимые условия для развития аграрного производства, ремесла и промышленности. Концентрация населения и экономической деятельности создала благоприятные условия для технико-производственных нововведений, развития науки еще задолго до промышленной революции конца XVIII века. Уже в середине XV века здесь использовались высокие доменные печи, возникли первые мануфактуры, появилась потребность в научных исследованиях и т.п. В XVI веке нужды нарастающей промышленности (крупных мануфактур), мореплавания и торговли потребовали теоретического и экспериментального решения конкретных задач. Период преиндустриального развития подготовил промышленную (и техническую) революцию конца XVIII века, а затем и стремительное индустриальное общественное развитие, которое и положило начало формированию техногенного общества и техногенного мира.

Определенными ступенями формирования техногенного общества являются признанные социологами исторические периоды развития общественных систем: преиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное, или информационное общество. Вполне оправданно автор статьи предложила их назвать преиндустриально-техногенное, индустриально-техногенное и постиндустриально-техногенное (информационно-техногенное) общество. Ведь здесь учитываются не только структурные, деятельностные и многие содержательные характеристики взаимосвязей и взаимодействий людей, их социальных групп, но и изменения структуры и состава биосферного биологического вещества, интеграции его с «техно» как порожденным человеком искусственными веществами, полями, технологиями и т.п.

Ценности техногенной цивилизации не подвергались сомнению до последней трети XX века, когда перед человечеством остро встал целый ряд проблем глобального масштаба, порожденных капиталистическим научно-техническим развитием, среди которых наибольшую озабоченность мировой общественности вызывает проблема грядущей глобальной социально-экологической катастрофы. С целью поиска предпосылок для трансформации науки в принципиально новое, гуманистическое состояние В.С.Степин рассматривает исторические этапы становления научного познания в сочетании

с характером общественного развития. Особое внимание он обращает на менее благоприятный сценарий мирового развития, характеризующийся сохранением и воздействием западных идеалов и ценностей потребительского общества на другие культуры, что приведет к нарастанию экологического, антропологического и других глобальных кризисов. К сожалению, такой капиталистически-эгоистический, порочный, финансово-прибыльный, утилитарно-потребительский сценарий развития социума мы наблюдаем сейчас в глобальном масштабе (с ним, кстати, связан и развернувшийся в 2007–2009 гг. мировой финансовый кризис). И преодолеть его в ближайшие десятилетия и даже столетия не представляется возможным ввиду агрессивной экспансии капитализма в его транснациональной американоцентричной форме и глобального доминирования финансово-экономических показателей.

В статье «Демократия и судьбы цивилизации» [12], написанной совместно В.С.Степиным и В.И.Толстых, будущее планетарное постиндустриальное общество рассматривается уже как *посттехногенная цивилизация*, поскольку происходит пересмотр и выработка стратегического выхода человечества и природы из кризисов, которые породила техногенная (т. е. индустриальная) цивилизация, хотя мы пока что такого «выхода» на планете не наблюдаем в постиндустриальных общественных системах. Авторы статьи полагают, что, наряду с посттехногенной цивилизацией, будут существовать общества техногенного (индустриального) и даже традиционного (земледельческого) типа. По убеждению автора, В.С.Степин односторонне ограничивает (вместе с В.И.Толстых) исторические рамки техногенного общества индустриальной общественной системой. В такой трактовке понятие «техногенный» невольно сводится к понятию «индустриальный», хотя техногенность, о чем говорят статистические и социологические факты, не преодолевается в постиндустриальном обществе и многие исследователи интуитивно постиндустриальный мир наиболее развитых стран называют техногенным. Так, США как постиндустриальный социум перерабатывают более половины сырьевого и энергетического потенциала планеты и создают примерно половину общепланетарных отходов, выбрасываемых в мировой океан, тем самым «закрепляя» техногенную направленность собственного развития.

В более позднем исследовании В.С.Степин отмечает [10, 11], что постиндустриализм нельзя рассматривать как продолжение техногенного развития и усложнения технического прогресса, так как «в этом случае не ставится проблема изменения базисных ценностей, речь идет только о тех переменах, которые вносят новые технологии в образ жизни, социальные коммуникации, отношения между государствами». И далее он утверждает: «Постиндустриальное развитие не является простым продолжением техногенной цивилизации. Его, скорее, следует интерпретировать как переход к новому типу цивилизационного развития». Этот промежуточный этап он справедливо связывает с необходимостью формирования в культуре новых мировоззренческих и этических установок.

Трактовки техногенной цивилизации, представленные в работах других авторов (Т.А.Артамоновой, В.А.Беляева, Е.В.Гореловой, В.Г.Горохова,

А.А.Грицанова, Г.Г.Дилигенского, А.Д.Иоселиани, В.В.Казютинского, А.Ч.Какеева, Н.И.Киященко, И.И.Кравченко, С.В.Макеева, И.Н.Махониной, Н.Н.Моисеева, Л.А.Осьмук, И.А.Пеккера, К.С.Пигрова, А.С.Рагозиной, В.М.Розина, Э.Сандагийн, Д.А.Тимакова, А.Циньяня, В.Ф.Четко, А.Н.Чумакова и др.), разделяют идейное содержание работ В.С.Степина об особенностях индустриального типа общественного устройства, его научного и технико-технологического обеспечения (с различными вариациями и акцентами на отдельных элементах и процессах), необходимости преодоления кризисных социально-экологических явлений и дестабилизирующего потенциала техногенной цивилизации.

Если В.С.Степин и его последователи восхождение общества на более высокую ступень развития цивилизации связывают с изменением в техническом базисе общества и необходимостью смены культурно-ценностных ориентиров, то представители Брянской научно-философской школы социотехноприродных исследований (Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова, А.Ф.Шустов, Н.Н.Лапченко, С.Н.Чувин) рассматривают различные изменения в общественном организме сквозь призму трансформаций в социуме, биосфере и техносфере, осуществляемые на базе наукотехники, что приводит к нарастанию техногенности общественного и природного развития и изменению самой модели эволюционного социоприродного генезиса, в которой доминирующей системой становится глобализирующийся техногенный социум, переподчиняющий и уничтожающий биосферу и ее жизнь и насаждающий с помощью техники и техносферы новые закономерности социотехноприродного развития процессов жизни. Указанные философы опираются на диалектику историко-системных исследований, философию истории, науки, техники, техносферы и ноосферы, реальные факты современного развития; они убедительно показывают, как на смену биосферной жизни приходит техно-ноосферная, то есть искусственная, постбиосферная. Глубокий анализ техногенного общественного развития не может быть осуществлен без учета современного социотехноприродного перехода жизни на планете.

Автор статьи вслед за Э.С.Демиденко [1] рассматривает индустриальную и постиндустриальную общественные системы как стадии техногенного общественного развития и усложнения социоприродной эволюции в ходе техногенеза. С прединдустриального периода конца Средневековья и начала Возрождения (XV–XVII вв.), констатирует она, происходит становление техногенной эпохи в центрально-промышленной зоне Западной Европы, когда формируется активное потребительское отношение человека к природе, стремление к обретению власти над ней. Подготовительным этапом становления техногенной эпохи явилось развитие теоретического знания в период Античности, сформировавшее за 2,5 тыс. лет необходимые условия для промышленной революции. Техногенная эпоха включает прединдустриализм, индустриальную и формирующуюся постиндустриальную общественные системы. Ускорению техногенеза способствовали развитие ремесел и торговли, рост и концентрация населения вокруг городов и транспортных путей, географические открытия и завоевания, мореплавание, освоение новых земель.

Это создало условия для развития мануфактур как первых предприятий капиталистического типа, совершенствования ручной техники, первоначального накопления капитала, создания рынка свободной рабочей силы, зарождения рыночной экономики и промышленного производства, строительства промышленных капиталистических городов, формирования новых, научно-технических производительных сил в их капиталистической форме и обусловило необходимость теоретического и экспериментального решения технических задач, то есть развития науки. Именно в этот исторический период были заложены все необходимые предпосылки для ускоряющегося становления глобальной техногенной общественной системы, налаживания экономических и политических связей, благодаря чему и сформировалось единое географическое мировое пространство. Создаваемый техногенный мир воспринимался тогда только как капиталистический, а не новый исторический поворот в социоприродном развитии планеты.

Началась борьба между европейскими странами за колонии и расширение торгово-экономического, политического и культурного влияния западноевропейских морских держав в своих колониальных империях. Колониализм стал мощным рычагом в становлении не только европейской, но и мировой экономики. Для западноевропейских держав колонии представляли рынки сбыта продукции, объекты приложения промышленного капитала и источник дешевого сырья. С помощью колоний осуществлялся процесс первоначального накопления капитала, что дало возможность создать благоприятные экономические условия для развития полноценной теоретической науки и промышленного переворота в конце XVIII века вначале в Англии, а затем в других странах Западной Европы и России (XIX в.). Именно в Англии во второй половине XVIII века произошла первая в истории промышленная революция. В других странах Западной Европы необходимые условия для промышленного переворота, индустриализации и урбанизации были созданы лишь в XIX веке. Таким образом, Великобританию можно считать первой страной, где началось становление и развитие техногенной общественной системы. Инновации и основанные на них трансформации, произошедшие в экономической, технико-технологической и научной сферах жизни общества в XV-XVIII веках, привели к зарождению и становлению новой капиталистической формации как особой формы постаграрного, индустриального общества.

Промышленная (индустриально-техническая) революция стала определенным рубежом между традиционной (аграрной) и техногенной общественными системами, инициировала создание качественно нового типа среды обитания людей – трансформированной биосферной и создаваемой техносферной, положила начало второму крупному этапу научно-технического прогресса и подготовила НТР середины XX века. Это было логичным продолжением производящей экономики, начавшейся в эпоху неолитической революции (X–VIII тыс. до н.э.), когда человечество переходило в массовом порядке от приспособления к природе к ее сознательному, целенаправленному преобразованию.

Основой формирования техногенного общества, его определяющей сущностной характеристикой является коренное изменение в ходе индустриальной революции деятельностно-энергетического потенциала человечества – смена естественных производительных сил искусственными, научно-техническими. Со времени техногенной (индустриальной) революции существенно меняется характер совокупных производительных сил общества: основную энергетическую нагрузку вместо человека и животных (как это было в аграрном обществе) стала нести техника, а с развертыванием научно-технической революции (НТР) – и наукотехника. В начале XXI века преимущественно ручным трудом занята еще половина населения мира, но доля выполняемых ими работ составляет примерно сотую часть, а на долю промышленной энергетики приходится до 99% объема всех работ в мире. Благодаря наукотехнике в мире формируется во многом уже постаграрное общество: вначале индустриально-техногенное, а с конца XX века индустриально развитые капиталистические страны переходят на новую стадию развития – постиндустриально-техногенную, информационно-техногенную. Глобализирующееся под воздействием научно-технического прогресса и других факторов техногенное общество головокружительными темпами меняет весь социоприродный мир, внедряя в него компоненты техносферы.

Второй сущностной характеристикой развития техногенной общественной системы является формирование техносферы как основы искусственного материального мира на базе индустриализации и технико-технологической модернизации. Началось целенаправленное формирование техносферы, в границах которой нарастали научная, технико-технологическая и экономическая рационализация производства, а затем и общественной жизни. Города стали центрами не только промышленного производства и процессов интенсивной техносферизации, но и урбан-техногенной жизнедеятельности населения. Развитие новой ступени техногенеза шло в направлении постепенного вытеснения естественных природных систем и процессов и замещения их искусственными комплексами. Нарастающий генезис техносферы [8] наглядно подтверждается показателями роста урбанизированности планеты – за два последних столетия (XIX–XX вв.) население планеты возросло в 6 раз, а городское население – почти в 70 раз (до 3,5 млрд человек), достигнув почти половины жителей Земли, особенно быстрый рост отмечался во второй половине XX века. В XXI веке техносфера получает свое дальнейшее развитие и усложнение.

Третьей сущностной характеристикой техногенной общественной системы является нарастающее изменение биогеохимических процессов и циклов в результате активной техносферизации биосферы, то есть замещения биосферной химии искусственной, техносферной (ксенобиотиками, технобионтами) и насыщения жизненного пространства планеты техникой и технологиями.

Автором впервые вводятся в научный оборот и разрабатываются такие сущностные характеристики техногенного общества как формирование техногенной экономики и ее либерально-рыночной природы, нового типа

рациональности – техногенной. Автор обосновывает, что постиндустриализм вслед за индустриализмом является этапом усложнения техногенеза. В этой связи она впервые выделяет индустриально-техногенное и постиндустриально-техногенное общества [2-7].

Четвертой сущностной характеристикой техногенного общества является формирование техногенной экономики, в которой на базе наукотехники создается промышленное производство. Индустрия, с одной стороны, активно загрязняет в процессе своего функционирования биосферу в индустриальном обществе, а с другой стороны, при повышении показателей экологичности производства продуцирует искусственные, небiosферные вещества и избыток товаров и тем самым инициирует процессы химического и физического загрязнения в экосистемах и организме человека в постиндустриальном обществе.

Пятой сущностной характеристикой техногенной общественной системы является возникновение на рубеже XIX–XX веков в условиях индустриального капиталистического хозяйствования (а впоследствии и советского социалистического) нового типа рациональности – техногенной, представляющей совокупность экономической, научной и технико-технологической рациональностей. Если в развитых капиталистических странах рационализация общественного устройства была направлена, в первую очередь, на повышение экономической эффективности научно-технических решений, то в странах индустриального социализма, отстаивающих неэкономические приоритеты, был взят курс на улучшение социальных показателей жизнедеятельности. Комплексное воздействие указанных рациональностей на социоприродные системы привело к противоречивым последствиям индустриального и постиндустриального развития обществ – их нарастающей социализации и трансформации в надприродно-искусственное, постбиосферное состояние.

Шестой сущностной характеристикой техногенного общества является техногенная трансформация человека, сопровождающаяся разрушением его природных качеств и нарастающей эволюцией социальных.

Автор исследует и выделяет следующие содержательные характеристики техногенной общественной системы: 1) индустриальный и постиндустриальный социотехногенез на базе наукотехники; 2) техногенность среды жизнедеятельности человека и техногенные продукты питания, когда жизнь в техносфере становится неотъемлемым атрибутом человеческого существования, создания основных жизненных установок и особенностей питания; 3) формирование урбанистического (урбан-техногенного) образа жизни, детерминированного функционированием урбан-технологических комплексов; 4) автоматизированные, роботизированные и механизированные процессы труда во всех отраслях общественного производства при возрастающей значимости высококвалифицированного умственного труда; 5) поляризацию стран мира по уровню индустриального и постиндустриального развития, что выражается в противостоянии между более развитыми и менее развитыми техногенными обществами мира по степени их участия в

производстве информационно-научекожих технологий; 6) информационно-сетевую систему управления общественными институтами, связанную с достижениями информационно-коммуникативной революции, информатизацией, формированием глобального сетевого пространства информационных коммуникаций, то есть информационной системы техногенного общества; 7) техно-информационный характер человеческого общения и образования, опосредуемый расширяющимися возможностями телекоммуникационных средств связи; 8) урбан-техногенную культуру, основными чертами которой становятся технологизм, бесчеловечность, потребительство, индивидуализм при одновременном возрастании уровня образованности и профессионализма населения; 9) формирование социально-техногенных потребностей и интересов человека, что выражается в высоком темпе их динамичности, создании технологий социально-психологической мотивации новых потребностей, их избыточном удовлетворении; 10) электронизированный и роботизированный домашний быт; 11) техногенную доместификацию труда, объединяющую домашние хозяйства и непроеизводственные виды деятельности; 12) искусственные электромагнитные поля, которые позволяют на новом уровне осуществить разнообразные социотехноприродные процессы.

В начале XXI века техногенные общественные системы и соответствующие экономические хозяйства объединяют страны Западной Европы, Северной Америки, Японию, Австралию, вступившие на путь постиндустриализма, Россию и страны, вышедшие из бывшего Советского Союза, Китай и индустриализирующиеся страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и ряд других. В постиндустриальном капиталистическом обществе, которое возникает в ходе научно-технической революции (середины XX в.) в наиболее индустриально развитых странах Запада в 70–80-х годах XX века, приоритеты смещаются от технологизации производства к технологизации интеллектуальных процессов, от экономики производства товаров – к производству услуг, преимущественно наукоемких и информационных, осуществляется децентрализация, демассификация, компьютеризация производства, непрерывный характер приобретают инновации, технологии проникают во все сферы общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С.Демиденко. – М., 2003.
2. Демиденко, Э.С. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы / Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева. – М., 2010.
3. Демиденко, Э.С. Философия социально-техногенного развития / Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова. – М.; Брянск, 2011.
4. Дергачева, Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации / Е.А.Дергачева. – М., 2009.
5. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А.Дергачева. – Брянск, 2005.

6. Дергачева, Е.А. Философия техногенного общества / Е.А.Дергачева. – М., 2011.
7. Дергачева, Е.А. Формирование техногенной общественной системы / Е.А.Дергачева. – Брянск, 2009.
8. Попкова, Н.В. Философия техносферы / Н.В.Попкова. – М., 2007.
9. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации В.С.Степин // Вопросы философии. – 1989. – №10.
- 10.Степин, В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен В.С.Степин // Вопросы философии. – 2006. – №2.
- 11.Степин, В.С. Цивилизационного развития типы / В.С.Степин // Глобалистика: Международный энциклопедический словарь. – М.; СПб.; Н.-Й., 2006.
- 12.Степин, В.С. Демократия и судьбы цивилизации / В.С.Степин, В.И.Толстых // Вопросы философии. – 1996. – №10.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

ББК 74.580.050

УДК 373.49

З.А.КОЧЕРГИНА

ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Выявлена роль среднего профессионального образования в развитии толерантного сознания будущего специалиста. Обоснована необходимость создания образовательной среды, обеспечивающей формирование широкого кругозора. Охарактеризованы используемые в учреждениях среднего профессионального образования методы и формы обучения, направленные на формирование толерантности.

Специфические проблемы России в условиях перехода к демократическому обществу и рыночной экономике заключаются в смене ценностей и социальных приоритетов, росте социальной напряженности, обусловленной расслоением общества. Решение этих проблем во многом зависит от уровня образованности общества, от способности людей использовать социальный опыт, выраженный в знаниях, умениях, ценностях, способах творческой деятельности. Именно поэтому встают новые задачи перед системой профессионального образования (СПО). СПО – основа формирования трудовых ресурсов страны – является важнейшей составной частью российской образовательной системы. Она развивается в тесном взаимодействии со сферой труда, со всеми отраслями экономики и социальной сферы. Согласно ст. 23 Закона РФ «Об образовании», СПО имеет целью подготовку специалистов среднего звена: удовлетворение личности в углублении и расширении

образования на базе общего, среднего (полного) общего или начального профессионального образования.

В ГОС СПО РФ унифицированы требования к общепрофессиональной подготовке выпускника, в частности, по специальности 0603 «Финансы» в т.ч. в части формирования его профессиональной культуры, профессионализма. Выделим следующие требования:

а) подготовка конкурентоспособного на рынке труда и профессионально мобильного специалиста;

б) повышение уровня общей и профессиональной культуры работников, формирование новых ценностных ориентиров;

в) овладение выпускниками технологиями социального диалога и социального партнерства, толерантностью.

Данные требования отражают содержание образования в профессиональной школе, т.е. тот конечный результат, к которому необходимо стремиться учебному заведению, тот уровень и те достижения, которые выражаются в категориях знаний, умений, навыков, личностных качеств. Нельзя не отметить, что учреждения системы СПО выполняют ряд общественно значимых функций. Среди них можно выделить следующие:

- передача подрастающему поколению социального опыта человечества – профессионального образования;

- социализация юноши ради адаптации будущего взрослого к тому типу общества, который сложился в данное время;

- обеспечение посредством развития личности саморазвития общества.

Очевидно, что образовательные учреждения и особенно те, что дают среднее профессиональное образование, являются ведущими институтами социализации, значимость которых в современных российских условиях значительно возрастает. По нашему мнению, учреждения системы СПО призваны стать позитивным воспитательным пространством, способствующим максимальному раскрытию индивидуального творческого потенциала студентов и их социальной адаптации в стремительно меняющемся мире.

Профессиональное образование, являясь неотъемлемым звеном существующей технократической культуры, прежде всего обращает внимание на состояние профессиональной подготовки молодых людей, забывая, что время юности наиболее благоприятный период становления личности человека. Юность – завершающий этап первичной социализации, которая имеет три главные задачи: подготовка к труду, подготовка к семейной жизни, к выполнению гражданских обязанностей. Именно здесь особый смысл приобретает формирование у студента системы ценностных ориентаций, способности к диалогу, толерантности, ответственности за свои поступки.

Программы подготовки специалистов среднего звена насыщены большим числом спецдисциплин, но среди них практически отсутствуют такие, которые

помогали бы будущему специалисту овладеть знаниями, навыками, умениями делового межличностного взаимодействия, помогали бы формировать у сегодняшнего студента целостную картину окружающего материального и духовного мира, прививать ему ценности духовные, культурные, нравственные в их национальном и общечеловеческом понимании. По нашему мнению, данная ситуация определила особенности ценностных ориентаций студенческой молодежи. Как показывают данные социологических исследований [1, с.13-15], за последнее десятилетие произошли серьезные изменения в системе ценностных ориентаций россиян. В число лидеров входят ценности материальные: материальному отдается приоритет над духовным. Россия переживает кризис ценностей и, соответственно, всей системы социализации подрастающего поколения.

В настоящий период идет активный поиск путей развития СПО, совершенствования учебно-воспитательного процесса. В профессиональном образовании, по мнению Е.Сахарчука [5, с.154-157], отчетливо прослеживаются две парадигмы подготовки специалистов. Технократическая парадигма определяет главной задачей подготовки специалиста вооружение его прочными знаниями, главным образом своего предмета; гуманитарная ориентирована на «человеческое измерение» в определении всех компонентов профессиональной подготовки специалистов. Человек культуры – центральная идея этой парадигмы, а для образования – главная цель.

Опыт показывает, что обучение, исключаящее духовно-нравственную составляющую и ориентированное лишь на передачу максимального объема знаний и усвоение профессиональной технологии не обеспечивает профессиональную успешность специалиста и неизбежно влечет кризис социокультурной и личностной идентичности. Обучение эффективно лишь в той мере, в которой ему удастся пробудить человеческое в человеке: его духовность, интерес к самопознанию и к самоопределению. Помня о том, что культура и образование являются ведущими факторами общественного прогресса и развития цивилизации, а образование – способом социализации личности и преемственности поколений, мы вправе утверждать, что формирование профессиональной культуры будущего специалиста возможно через создание особой образовательной среды – культуросообразной, помогающей прививать студентам социокультурные качества, способствующей развитию у них толерантного сознания.

В работах отечественных педагогов, в частности П.Осипова [4, с.32-33], отмечается чрезвычайная важность понимания учебного заведения как социально-культурной системы, функции которой не ограничиваются подготовкой человека к профессиональной деятельности. Учебное заведение – это форма трансляции и воспроизводства культурных норм, ценностей, идей, пространство генерирования общественной идеологии. Огромную роль в этом

процессе играют предметы гуманитарного цикла, которые несут в себе большой нравственно-воспитательный потенциал.

Однако в соответствии с ГОС СПО РФ в учебных планах на изучение этих дисциплин выделяется незначительное количество часов: в среднем, 23-25% от общего объема теоретической подготовки [6, с.75], что на наш взгляд является негативным моментом. В то же время возможно отметить как положительную тенденцию тот факт, что в образовательных стандартах учреждений СПО значительно увеличены нормативы времени (наряду с образовательными) на элективные курсы (предметы по выбору), причем доля последних составляет около 20% в нормативах учебного плана. Дисциплины по выбору или факультативные дисциплины играют важную роль в воспитании студентов, в развитии их интересов и ценностных ориентаций, т.к. ориентированы на формирование активной жизненной позиции и позитивного отношения к другим людям, культуры взаимодействия, толерантного поведения. Опираясь на утверждение Н.Г. Ярошенко [8, с.2-6] о том, что принцип обеспечения гибкости, вариативности и открытости профессионально-образовательных программ предполагает выделение инвариантной и вариативной частей содержания профессиональной подготовки, т.е. возможности для выбора и свободного проектирования содержания образования, мы считаем необходимым ввести в учебные планы образовательных учреждений СПО предмет «Культурология», что значительно расширит возможность гуманитарного образования. Так как в профессиональной подготовке специалистов ведущим компонентом являются дисциплины, ориентированные на обучение профессиональной деятельности, а главный конечный результат – способность, готовность к успешному выполнению профессиональных задач, логично сделать вывод о необходимости увеличения доли учебных дисциплин (таких, как «Культурология»), выполняющих вспомогательную роль и обеспечивающих общее развитие, формирование мировоззрения и широты кругозора, ценностного отношения личности к действительности, т.е. об увеличении учебного времени, отводимого для изучения гуманитарных циклов. В решении общих образовательных задач преподавания социально-гуманитарных дисциплин, среди которых – изучение студентами феномена человека, способов его деятельности и духовно-нравственных ценностей, ведущая роль, безусловно, принадлежит культурологии. Данный предмет имеет ярко выраженный интегративный характер, синтезирует и обобщает полученные студентами знания по социально-гуманитарным дисциплинам. Несмотря на значимость культурологической подготовки, в реальной жизни в учреждениях систем СПО она не занимает соответствующего места.

Специфика обучения в СПО заключается в своеобразном сочетании различных видов учебных занятий, которые определяют выбор различных методов и форм обучения, направленных на практическое ознакомление с

профессиональной деятельностью и приобретение студентами профессиональных умений, а также на формирование профессионально значимых качеств личности и ценностных ориентаций. Охарактеризуем используемые в образовательных учреждениях СПО методы и формы обучения, направленные на развитие толерантного поведения. Особую значимость мы придаем методам формирования сознания личности. Это методы разностороннего воздействия на сознание, чувства, волю студента. Необходимость применения этих методов вытекает из дидактического принципа единства сознания и деятельности. Перевод человеческой культуры в индивидуальную форму существования предполагает обращение к сознанию, которое включает в себе обобщенное и систематизированное представление о законах, принципах, нормах жизни, морали. Приобщение к социальным ценностям делает возможным формирование у студентов понятий, суждений, оценок всего того, что лежит в основе взглядов и убеждений. Формирование сознания преимущественно связано со способами словесного воздействия на личность. Поэтому столь важна такая форма обучения как лекции, дидактическими целями которых являются сообщение новых знаний, систематизация и обобщение накопленных, формирование на их основе взглядов, убеждений, мировоззрения, развитие познавательных и профессиональных интересов. В учебном процессе в колледже возможно применение различного типа лекций, например: вводной, проблемной, лекции с использованием мультимедиа технологий и т.д.

Лекции дополняются семинарскими занятиями. Данная форма организации обучения направлена на углубленное изучение наиболее важных и сложных разделов учебного курса. Дидактическими целями семинарских занятий являются углубление, систематизация, закрепление знаний, превращение их в убеждение, проверка знаний, привитие умений и навыков самостоятельной работы с книгой, развитие культуры речи, формирование умения аргументировать свою точку зрения. На семинарском занятии осуществляется принцип совместной деятельности, что реализуется при обсуждении выдвинутых вопросов: студенты овладевают научным аппаратом, учатся оперировать терминологией, овладевают искусством устного и письменного изложения материала. Поскольку содержание обучения в СПО сочетает теорию и практику, распространенной формой организации учебного процесса является практическое занятие.

Дидактическая цель таких занятий – формирование у студентов профессиональных и практических умений. Студенты на практических занятиях получают различные задания: характер этих заданий таков, что учащиеся анализируют различные процессы, состояния, явления; на основе анализа проектируют свою деятельность, намечают конкретные пути решения той или иной практической задачи, упражняются в формировании устойчивого

навыка, вырабатывают аналитические, проектировочные, конструктивные умения.

В качестве содержания обучения выступают учебная информация и комплекс задач, заданий и упражнений, обеспечивающих формирование определенных мировоззренческих, гражданственных и профессионально значимых личностных качеств, потенциальные возможности усвоения определенной суммы знаний, овладение определенной системой умений и навыков (в частности, таких, как ориентация в проблемных, конфликтных, стрессовых ситуациях) на основе таких культурных ценностей, как толерантность, сотрудничество, культура взаимоотношений и общения, основанного на ненасилии.

Очень продуктивным является использование в образовательном процессе активных форм и методов обучения (АМО), которые опираются не только на процессы восприятия, памяти, внимания, но и на творческое, продуктивное мышление, поведение, общение. Инновации в СПО часто связываются с внедрением АМО, с использованием игровых приемов. По мнению Т.Ю.Скибо [7, с.17-18], в контексте обучения и воспитания студенческой молодежи возможно выделить два аспекта активных методов: 1) активное взаимодействие преподавателя и студента, студента и студента, группы в процессе освоения профессионально-предметного знания с целью повышения его эффективности как дидактическое средство формирования творческого профессионального мышления; 2) обучение навыкам социально-психологического взаимодействия, воспитание культуры общения, умения жить среди людей, развитие толерантного сознания.

В современных условиях в системе среднего профессионального образования усиливается внимание к моделированию профессиональной деятельности в учебном процессе, которое реализуется через деловые игры. Деловая игра является формой воссоздания предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности специалиста: моделирования тех отношений, которые характерны для этой деятельности, моделирования профессиональных проблем, реальных противоречий и затруднений, испытываемых в типичных профессиональных ситуациях. По свидетельству Т.М.Карасевой и Е.И.Ясус [2, с.29-30], использование игр в учебном процессе повышает эффективность обучения: установлено, что при лекционной форме изложения учебного материала усваивается не более 20% информации, в деловой игре – до 90%; введение деловых игр в учебный курс на 30-50% сокращает время, необходимое для изучения дисциплины при более эффективном усвоении учебного материала; повышает заинтересованность обучаемых, делает процесс обучения творческим; позволяет совместить усвоение теоретических знаний с отработкой практических навыков в условиях, максимально приближенных к реальным. Игровой метод создает условие для

эмоциональной вовлеченности студента в учебный процесс: благодаря этому легко воспроизводятся знания, которые были приобретены ранее, и без специальных усилий усваиваются новые. В игре рождается плодотворное соревнование, подчиненное социально-значимой идее – успеху общего действия и достижению поставленной цели.

Необходимо выделить особую роль социально-психологических тренингов [СПТ] как системы активной подготовки к общению, целью которой является повышение компетентности в сфере культуры взаимодействия. СПТ представляет собой совокупность методов формирования умений и навыков самопознания, общения и взаимодействия людей в группе; он применяется для формирования и совершенствования общей коммуникативной готовности личности. В процессе СПТ вырабатываются и корректируются нормы личностного поведения, межличностного взаимодействия. В ходе СПТ возникают попытки отразить, осмыслить себя в ситуации общения, что является обязательным для любого обучения. Особый интерес представляют коммуникативные тренинги, проводимые в целях формирования и совершенствования культуры общения личности. Тренинги направлены на развитие навыков самопознания и саморегуляции общения и межперсонального взаимодействия, умений профессиональных и умений культуры общения, толерантного взаимодействия. Наряду с тренингами, широкое распространение в СПО получил еще один метод активного обучения – дискуссия, в частности поведенческая. Дискуссия характеризуется различием позиций в соединении с попыткой поиска позиции, которую могли бы принять ее участники. С точки зрения Н.Л.Моревой [3, с.89], поведенческая дискуссия, направленная на формирование убеждений, является мощным средством воспитания и развития толерантности. Она направлена на формирование собственного отношения к нравственным категориям (добро-зло, любовь-ненависть, справедливость-несправедливость и т.д.). Здесь решающую роль играют не факты и аргументы, а собственные оценки учащихся, система их ценностей. Все формы дискуссии обладают уникальным педагогическим инструментарием и в связи с этим способны стимулировать инициативу и продуктивный обмен мнениями, развивать рефлексивное мышление, повышать восприимчивость и толерантность к новым идеям.

Нельзя не отметить интенсивное внедрение в настоящее время в учебный процесс СПО информационных технологий, в частности мультимедиа технологий. Под мультимедиа технологией мы понимаем совокупность аппаратных и программных средств, которые обеспечивают восприятие человеком информации одновременно несколькими органами чувств. При этом информация предстает в наиболее привычных для современного человека формах: аудиоинформации (звуковой), видеоинформации, анимации. Мультимедийные презентации представляют

собой набор страниц (слайдов), содержащих текст, формулы, рисунки, звуковые и видеофрагменты. Преподаватель может самостоятельно подготовить интерактивное мультимедийное приложение к процессу обучения по любой дисциплине. В презентацию можно включать самые разнообразные материалы, чередовать изображения с рассказом, цитированием. С помощью мультимедийной презентации можно создавать сценарий урока. Сценарий урока представляет собой фактически его мультимедийный конспект, содержащий краткий текст, основные формулы, рисунки, анимации, и используется на уроке с применением мультимедийного проектора.

Если традиционная форма ведения урока заставляет преподавателя постоянно обращаться к мелу и доске, то использование сценариев высвобождает большое количество времени, которое можно употребить для дополнительного объяснения материала, позволяет рационально организовать урок, сделать его более наглядным и насыщенным, концентрирует внимание студентов. Обучение становится занимательным и эмоциональным, принося эстетическое удовлетворение студентам и повышая качество излагаемой преподавателем информации. По нашему мнению, существенные результаты в обучении дает интерактивная лекция, так как она сочетает в себе преимущества традиционного способа обучения под руководством педагога и индивидуального компьютерного обучения. Интерактивная лекция имеет эмоциональную окраску благодаря использованию в процессе ее изложения компьютерных слайдов. Это способствует лучшему усвоению учебного материала студентами. Методически грамотное структурированное построение учебной информации и покадровое предъявление информации способствует более организованному усвоению содержания образования, оптимизирует восприятие, осмысление и запоминание учебного материала, обеспечивает более тесную связь учебной информации с живым словом преподавателя.

Изложенное позволяет нам утверждать, что роль среднего профессионального образования в развитии толерантного сознания будущего специалиста достаточно велика. Необходимо создавать в учреждениях системы СПО определенную образовательную среду, которая помогла бы обществу сформировать у молодежи гуманную модель поведения, ведущим элементом которой является толерантность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Добрынина, В. Ценностные ориентации учащихся и студенческой молодежи: Особенности и тенденции / В.Добрынина, Т.Кухтевич // Alma mater. – 2003. - №2.
- 2.Карасева, Т.М. Комплексное практическое занятие – деловая игра / Т.М.Карасева, Е.И.Ясус // Среднее профессиональное образование.-2002. - №7.

3. Морева, Н.Л. Педагогика среднего профессионального образования / Н.Л.Морева.- М.: Кафедра - М, 1999.
4. Осипов, П.Н. Особенности профессионального развития студентов традиционных и инновационных учебных заведений / П.Н.Осипов // Специалист.-2000. - №5.
5. Сахарчук, Е. Коллективный субъект образовательного процесса / Е.Сахарчук // Высшее образование в России. – 2003. - №4.
6. Семушина, Л.Г. Содержание и технологии обучения в средних специальных учебных заведениях: Учебное пособие для преподавателей СПУ / Л.Г.Семушина, Н.Г.Ярошенко – М.: Мастерство, 2001
7. Скибо, Т.Ю. Использование игровой технологии как условие самоидентификации личности / Т.Ю.Скибо // Специалист. – 2001. - №10.
8. Ярошенко, Н.Г. Проблемы корректирования содержания среднего профессионального образования в условиях внедрения нового поколения ГОС СПО / Н.Г.Ярошенко // Среднее профессиональное образование. – 2003. - №2.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК.34

ББК. 67

В.В. КРАВЧЕНКО

**ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ГРАЖДАН
КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТЕ РФ)**

Рассмотрены основные формы деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации по правовому просвещению граждан. Показано, что правовое просвещение граждан является одним из факторов развития правовой культуры общества.

Высокий уровень преступности среди граждан Российской Федерации, к сожалению, является одним из признаков настоящего времени. Построение правового государства, указанного в ст.1 Конституции Российской Федерации, невозможно при наличии столь серьёзных проблем в восприятии гражданами правовых норм. Отсутствие правовых знаний либо их низкий уровень находятся в ряду причин, порождающих высокий уровень преступности и правовой нигилизм в нашем обществе. Не вызывает сомнений необходимость оперативного решения вопросов правового нигилизма. Разумеется, столь важные задачи не могут быть выполнены путём использования однократных мер и в кратчайшие сроки. Требуется система мероприятий по изменению ситуации в лучшую сторону, что, безусловно, потребует и определённого времени для их воплощения. Реализация программ по развитию правовой культуры непосредственно связана с деятельностью различных институтов, активно работающих на территории нашего государства. В числе данных институтов находится институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Перечень полномочий указывает, что его основная деятельность непосредственно связана с защитой нарушенных прав и свобод. Однако, помимо рассмотрения жалоб о нарушении прав и свобод, уполномоченный способствует также «правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты» [8, ст.1].

Следует отметить, что подобный институт действует не только на федеральном уровне. В соответствии с законом субъекта Российской Федерации может учреждаться должность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (далее Уполномоченный) [8,Ст.5].

В настоящее время более чем в половине субъектов нашего государства создан и активно работает институт Уполномоченного. В тех субъектах России, где ещё нет данного института, проводятся необходимые мероприятия по его созданию. В числе недавно образованных, но активно действующих институтов по правам человека – институт уполномоченного в Орловской области, в Республике Карелия. Как и на федеральном уровне, работа по правовому просвещению граждан стоит в ряду приоритетных задач уполномоченного. Это утверждение находит прямое подтверждение в законодательных актах субъектов Российской Федерации [4].

Одной из форм реализации деятельности уполномоченного в данном направлении является распространение информации в области прав и свобод через средства массовой информации. Анализ показывает, что уполномоченный использует все доступные для осуществления указанной цели возможности – газеты, радио, телевидение. При этом применительно к печатной информации можно сделать вывод, что помимо официальных периодических изданий в субъектах Российской Федерации создаются специальные издания, непосредственно связанные с деятельностью уполномоченного, например «Вестник уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан», «Права человека в Кузбассе», «Вестник уполномоченного по правам человека в Брянской области», «Вестник уполномоченного по правам человека в Архангельской области» и другие.

Эффективную помощь в вопросах прав и свобод представляет создание официального сайта уполномоченного. Наличие данных сайтов значительно упрощает поиск необходимой информации об институтах по правам человека как на территории субъекта Российской Федерации, так и в целом в государстве и за его пределами. Создание подобных электронных ресурсов согласуется с основной задачей, поставленной Президентом Российской Федерации перед Советом по развитию информационного общества в России, «создать и информационные, и институциональные предпосылки для интеграции в глобальное информационное общество» [7].

Одним из важнейших направлений в правовом просвещении является участие уполномоченного в реализации соответствующих региональных программ. При этом деятельность уполномоченного проявляется не только на этапе уже сформированной, действующей программы. В ряде субъектов Российской Федерации уполномоченный принимает самое непосредственное участие в их создании, выступает в числе их инициаторов. Так, в 2004 году уполномоченный по правам человека в Брянской области выступил с инициативой разработки областной программы развития гражданско-правового

образования на 2006- 2010 годы. Данная инициатива была поддержана органами государственной власти, представителями общественности. Программа была создана, и в настоящее время осуществляется поэтапная реализация. Не меньшее значение имеет практическая работа по организации и проведению тематических мероприятий, направленных на правовое просвещение граждан в субъекте Российской Федерации. В числе таких мероприятий – организация научно-практических конференций, в которых принимают участие преподаватели, студенты, работники аппарата уполномоченного и другие специалисты в области прав и свобод человека. Необходимо отметить положительную тенденцию в проведении подобных конференций, которые приобрели характер ежегодных. Как правило, данные мероприятия посвящены знаменательным событиям, связанным с правами и свободами человека. В частности, в декабре 2008 г. была проведена научно-практическая конференция, организованная уполномоченным по правам человека в Брянской области совместно с филиалом Орловской региональной академии государственной службы в городе Брянске - «Конституция и права человека в XXI веке», посвященная 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека [1]. Также 10 декабря 2009 года ко дню прав человека по инициативе уполномоченного и при содействии Московского психолого-социального института и Брянского ИПКРО был проведён круглый стол «Соблюдение и реализация прав человека: взгляд молодежи» [2].

Не меньшее внимание уделяется работе по правовому просвещению и среди учащихся средних учебных заведений. Регулярный характер приобрела практика проведения мониторинга гражданско–правового образования в образовательных учреждениях [3]. Аппаратом уполномоченного организуются встречи со школьниками, где разъясняются основные вопросы, связанные с правами человека на территории Российской Федерации и за её пределами.

Системный характер приобрела работа по проведению конкурсов среди преподавателей, журналистов, студентов, школьников. Тематика подобных конкурсов достаточно обширна и охватывает весьма широкий перечень вопросов, связанных с правами человека и гражданина. Среди названий конкурсов можно выделить такие, как «Мир, в котором я хочу жить», «Права человека – глазами ребенка», «Лучший журналист, освещающий проблему защиты прав и свобод человека», «Лучшее информирование в средствах массовой информации о защите прав и свобод человека», «Правовое государство в России: проблемы и перспективы», «Угрозы безопасности в современном мире и права человека», «Права человека в условиях

глобализации», «Шаг в будущее», «Правовые знания – основа правовой культуры» и многие другие. Внимание к данным конкурсам не ослабевает и число граждан, принимающих в них участие, не снижается.

Работу по правовому просвещению жителей по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты институт уполномоченного проводит также совместно и с другими институтами. Например, достаточно тесно реализуется взаимодействие с библиотечной системой, которая, безусловно, обладает значительными возможностями в вопросах распространения информации среди своих читателей. В Брянской области это реализуется путём совместной работы уполномоченного с Публичным Центром правовой информации на базе Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева (открыт с января 1999 года) [5]. Анализ деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации показывает, что правовое просвещение граждан является важным и актуальным направлением деятельности данного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Брянской области в 2008 году» // [сайт]. URL : <http://www.uphbrk.ru>
2. Доклад «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Брянской области в 2009 году» // [сайт]. URL : <http://www.uphbrk.ru>
3. Доклад «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2009 год» [сайт]. URL : <http://ombudsman39.ru>
4. Закон Брянской области от 8 декабря 2004 года N 80-3 «Об уполномоченном по правам человека в Брянской области».
5. Кожанова, Н.И. Правовая информация как общественное достояние и обеспечение доступа к ней в Брянской области. Опыт работы библиотек области с Аппаратом уполномоченного по правам человека / Н.И.Кожанова. URL : <http://www.ifap.ru/library/book065.doc>
6. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. № 237. 25.12.93.
7. Медведев, Д.А. Вступительное слово на заседании Совета по развитию информационного общества в России / Д.А.Медведев // [сайт]. <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2009/02/212834>
8. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Российская газета. N 43-44. 04.03.97

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

В.В. КРИВОШЕЕВ

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА А.А. ЗИНОВЬЕВА

Рассматривается методология социального анализа А.А.Зиновьева.

Отношение к творчеству *Александра Александровича Зиновьева* (1922–2006) как в нашей стране, так и за рубежом было и остается, как известно, далеко не однозначным. И дело даже не только и не столько в каком-то умолчании о нем, которое всегда было присуще авторам научных статей, монографий. Прежде это еще как-то можно было объяснить пресловутым антисоветизмом А.А.Зиновьева. Но и сейчас, когда в обстановке идеологического плюрализма, казалось бы, можно было ожидать открытого обсуждения положительных и негативных моментов любых точек зрения, научных позиций, относительно А.А.Зиновьева этого также не происходит. Мои попытки вызвать многих своих коллег на неофициальный, не ограниченный рамками протокола конференций, семинаров разговор об этом удивительном ученом, публицисте наталкиваются на явное сопротивление. Исключения, конечно, есть, но они лишь еще более явным делают общее правило. Не могу не вспомнить в этой связи своей недавней беседы с одним из крупнейших отечественных социологов, когда вдруг совершенно неожиданно для себя я почувствовал раздражение, даже ярость при моей попытке хоть как-то обсудить с собеседником отдельные идеи зиновьевской «Русской трагедии». И еще одно примечательное наблюдение. Просматривая текст докторской диссертации, мой научный консультант, также очень известный, как говорят в таких случаях, маститый ученый, совершенно неожиданно для меня попытался снять цитату из А.А.Зиновьева, а когда увидел мое явное замешательство и более того, стремление отстоять мысль Александра Александровича, вычеркнул его характеристику «философ и социолог» и оставил только «философ».

Между прочим именно эти, что называется сюжеты, невольно заставили еще более обстоятельно разобраться с «феноменом Зиновьева». Потрясающе, как А.А.Зиновьев оказывался неудобным всем: одновременно и догматикам от якобы марксизма, и либералам плюралистам. И тем, кто всегда делал вид, что живет в некоем идеальном мире, и тем, кто подавал себя в качестве человека с открытым сознанием, свободным в своем мирозерцании. Но порой беспощадные оценки, размышления, открытая позиция А.А.Зиновьева неожиданно были востребованы, вызывали вдруг интерес, причем, даже у его вчерашних критиков и недругов. Любопытно вспомнить, что после возвращения на родину в конце 90-х годов единственная газета, которая

публиковала статьи А.А.Зиновьева, была коммунистическая «Советская Россия». Как будто забыв прежнюю критику А.А.Зиновьевым советского строя, вчерашние хулители ученого с большой охотой публиковали его рассуждения о кризисе советского коммунизма, о бездарном горбачевском социальном менеджменте, обернувшимся разрушением некогда единой державы. И еще один момент. Всегда было так, что «официальные» читатели могли и не воспринимать какого-нибудь автора, замалчивать его, но у него находились иные поклонники. Так и в случае с А.А.Зиновьевым, кроме остепененных чиновников от социологии, никак не желавших понимать и принимать его несокрушимую социальную логику и своеобразную манеру изложения, у него оказался благодарный массовый читатель, который всегда поддерживал социолога, философа. И его произведения, которые издаются и переиздаются теперь и в России, что называется, не задерживаются на магазинных и библиотечных полках.

Такое обстоятельное вступление потребовалось для того, чтобы попытаться отделить личностное неприятие А.А.Зиновьева многими его коллегами, которое, наверное, можно объяснить какими-то чертами характера и самого Александра Александровича, от жесткого сопротивления его методологии, методологии совершенно необычной и непривычной, ломающей стереотипное представление о многих принципах социального познания. В силу этого представляется важным разобраться, во-первых, в чем заключаются содержательные и методологические особенности работ А.А.Зиновьева, а во-вторых, почему он сам, его творчество, вызывая одновременно и интерес, и явное непонимание, в любом случае заставляют во многом по-новому осмыслить и историю, и сегодняшней день российского общества, его взаимодействие с иными социумами.

Одно из основных направлений критики А.А.Зиновьева, критики порой скрытой, неявной, заключается в том, что в его трудах *не содержится указаний на эмпирические исследования*, замеры. И это делает, с точки зрения многих ученых, все написанное А.А.Зиновьевым лишь плодом его фантазии, а высказанные соображения, выводы остающимися без необходимого подтверждения, опоры. Наиболее распространенным упреком в адрес А.А.Зиновьева является утверждение, что без отнесения к данным эмпирических исследований все теоретические построения и возможные концепты выглядят не более чем недоразумением, случайным изыском, личным мнением, и не более того. Об этом достаточно открыто заявлено, к примеру, в одной из редакционных статей в «Социологических исследованиях». Тут же содержится и указание на противоречие: эмпирические исследования слабо связаны с теорией, а теоретические размышления оторваны от данных конкретной социологии [6, с.3-5]. Получается, что и работы А.А.Зиновьева оказываются не более чем частной точкой зрения, плодом воображения. Данная позиция критиков А.А.Зиновьева представляется не столько спорной (вероятно, бесспорных положений в социальной науке вообще нет и быть не может), сколько излишне категоричной, односторонней. А вот с этим уже трудно согласиться. И вот почему.

Во-первых, предпочтение, выделение эмпирических исследований в качестве базовой опоры всего и всякого научного поиска, их исключительного, приоритетного начала в познании процессов социальной жизни противоречит всей логике такого исследования. Причем исследования именно современного общества. Ведь сама фиксация фактов, выявление на этой основе существа неких процессов всегда неотторжимы от предварительно заданного концепта, от изначального, если угодно – априорного общего видения той или иной социальной проблемы, которое базируется не на единичном замере, а восходит к (возможно даже интуитивно схваченному) общему видению ситуации. Можно вспомнить, к примеру, что Гегель, наряду с иными способами изучения прошлого, выделял и *рефлексивную историю*, что означало познание исторического процесса на основе предварительного отбора из череды фактов неких главных с точки зрения того или иного историка. Основной задачей рефлексивной истории является обработка исторического материала, к которому историк, по мысли Гегеля, *подходит со своим духом* [5, с.72]. Уже сам выбор того или иного явления для изучения свидетельствует о предварительном осмыслении исследователем этого явления, о наличии априорно занимаемой научной позиции. Давно замечено и иное, а именно, что сами по себе наблюдения и данные, полученные в результате опытов и экспериментов, еще не определяют специфического содержания науки. Формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается научное сообщество в данное время, не без оснований полагал Т.Кун, всегда являются личностные и исторические факторы – элемент по видимости случайный и произвольный. В то же время и наличие этого элемента не умаляет и роли той совокупности фактического материала, на которой основана вся деятельность научного сообщества [5, с.23].

Во-вторых, абсолютизация самой эмпирической основы любого теоретического поиска вольно или невольно приводит к *преувеличению значения способа фиксации фактов*, роли инструментария, которым пользуется исследователь в ходе измерения социального явления. Ссылки авторов на результаты опросов, которые на первый взгляд адекватно и вполне репрезентативно выявляют предпочтения и мнения, порой завораживают читателей, не позволяя наиболее определенно установить, насколько сам инструмент (анкета, опросный лист интервьюера и т.п.) выглядит безупречно, может ли он гарантировать достоверность получаемой информации.

В-третьих, скорость изменений, свойственная современной социальной жизни, ныне такова, что всегда есть опасность опубликовать, обнародовать данные о том, каким объект был, пусть недавно, но именно был, а не о том, каким он является в настоящее время. Не всегда способствует преодолению такого недостатка и мониторинг, который по основным слагаемым социального самочувствия российского социума осуществляют Аналитический центр Ю.А. Левады, Всероссийский центр изучения общественного мнения, и многие другие социологические центры. Динамику изменений отношения людей к каким-либо явлениям социальной жизни с помощью мониторинга отследить и оценить, конечно, можно. Но более детальное взглядывание в сущностные черты той или другой проблемы с помощью только эмпирической социологии,

на наш взгляд, дается все с большим трудом именно в силу высокой динамики социальных процессов, присущей современному обществу.

И наконец, в-четвертых, к сожалению, не только погрешности измерительного инструмента или высокий темп социальных изменений влияют на «чистоту» изображения в социологическом зеркале, отражающем явления и процессы социальной жизни. Чего греха таить: много, очень много существуют свидетельств, подтверждающих ангажированность некоторых социологических служб и центров, чаще всего осуществляющих деятельность на сугубо коммерческих началах. Использование социологических данных, полученных этими службами, публикация соответствующих сведений, оперирование ими в качестве аргументов в научных дискуссиях не только не в состоянии облегчить задачу понимания социальных явлений, но напротив, может вызвать лишь дальнейшее затемнение сознания, как массового, так и профессионального.

Разумеется, мы далеки от мысли, что за эмпирической социологией нет будущего или что в современном научном поиске следует избегать опоры на факты, получаемые в ходе разного рода опросов, интервью, с применением метода фокус-групп и т.п. Конечно, речь идет не о призыве отказаться от эмпирических исследований. И все же излишнее сосредоточение внимания только на достоинствах эмпирических данных не может обеспечить точность исследования социальных процессов и явлений. Именно поэтому работы А.А.Зиновьева остаются актуальными, важными с точки зрения сущностного анализа всего происходящего в обществе.

Еще один вопрос, который поднимают критики А.А.Зиновьева, заключается в обсуждении правомочности самого *методологического приема*, используемого социологом. Многим своим произведениям А.А.Зиновьев предпосылает определение жанра, в котором они излагаются – «социологический роман». И эти произведения, в частности, и давнее, «Зияющие высоты», и «Катастрофка», и своего рода итоговое по указанной проблематике «Русская трагедия. Гибель утопии», действительно во многом напоминают художественные. Но именно напоминают, хотя там и действуют некие персонажи, литературные герои. Они взаимодействуют, спорят, высказывают некие соображения, оказываются в разных ситуациях. Словом, социальный анализ не просто сопровождается, но строится на базе художественного изложения существа процессов и явлений социальной жизни. Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что значительная доля содержания в каждом произведении А.А.Зиновьева приходится на диалоги. Это позволяет автору обеспечить столкновение различных подходов, точек зрения, принципов рассмотрения социальных явлений. И все же что-то весьма существенное мешает оценивать произведения Зиновьева как сугубо художественные. Философия и социология Зиновьева неизбежно присутствует во всем, о чем он рассказывает.

Дело в том, что художественный образ рождается у А.А.Зиновьева на основе, можно сказать, предельного обобщения реально действующих акторов. Затем эти акторы–образы помещаются в определенное социальное пространство, погружаются в конкретные ситуации, начинают действовать не на основе вымысла, а опять-таки базируясь на обобщении реальности. В этом

отношении и диалоги Критика с Автором [2], и Чернов, Белов, Маодзедунька [4], Сталинист [3], все их суждения, поведенческие акты, ситуации, в которых они оказываются, не могут оцениваться только как художественное допущение. Все содержание высказываний вымышленных персонажей являются концентратом социальной реальности, ее наиболее полным, сфокусированным выражением. Например, сформулированная Беловым позиция «социологического цинизма», в сущности своей отнюдь не вымышлена. Биография, описание поведенческих актов Белова потребовались А.А.Зиновьеву для того, чтобы показать реальное место в социальной жизни России тех, кто комфортно и безбедно живет и даже преуспевает за счет мнимой борьбы с недостатками общества [4, с.290-291].

Или, к примеру, обратимся к оценке А.А.Зиновьевым роли в социальной жизни СССР трудовых коллективов, их отличия от деятельностных социальных объектов на Западе. Разве нельзя не увидеть за приведенными обобщениями реалии, саму действительность? А.А.Зиновьев полагает, что вся жизнь советского человека проходила в неких социальных клеточках, среди которых особое место занимали коллективы. Для выполнения своих функций клеточка-коллектив получала от общества средства вознаграждения сотрудников за труд и необходимые средства деятельности. Причем очень часто все эти средства получались вне связи с результатами хозяйственной деятельности коллектива. Все сотрудники клеточек являлись наемными рабочими или служащими. Указанные клеточки – суть социальные структурные элементы общества. В этих клеточках люди не только трудились, но и проводили время в среде знакомых и друзей, обменивались неделовой информацией, развлекались, занимались спортом, общественной работой, участвовали в самодеятельных творческих объединениях, получали жилье, места для детей в детских садах, путевки в дома отдыха, пособия и т.п. Повторяя за А.А.Зиновьевым весь этот длинный перечень, мы также переходим и к логичному выводу: советское общество создало особую социальность, а коллективы оказались носителями основных, главных социальных отношений того общества, которое российский социолог называет *подлинно коммунистическими* [2, с.134-135]. Стало быть и разрушение советского типа общественного устройства предполагало и на деле означало уничтожение этих первичных социальных клеточек, формирование на их месте деятельностных образований по западному образцу. Естественно, что ментальность, социальные привычки российских граждан по-своему нацелены, осмысленно или безотчетно, на сопротивление указанному преобразованию. Данным обстоятельством, скорее всего, можно объяснить и многие трудности, стоящие на пути трансформации российского общества. Конечно, А.А.Зиновьев мог бы сослаться на конкретные выкладки, данные эмпирических исследований, статистику и т.п. Но разве приведенный анализ не содержит концентрата действительности и реальных процессов, свойственных российской социальной жизни?

Тесно связано с анализом роли первичных социальных клеточек и еще одно, пожалуй, самое значительное достижение предлагаемого А.А.Зиновьевым подхода к выявлению сущности социальной действительности. Речь идет о предельно точном определении роли и места

КПСС в политической системе советского общества. Очевидно, что без такого определения невозможно понять многое из происходившего в начале 1990-х годов, да и в современном российском обществе. Ведь если определять место КПСС как действительно политической партии, то все шаги по *департизации* социальной, политической, экономической, духовной жизни, по строительству реальной многопартийности выглядят логичными, последовательными. Но если подойти к оценке КПСС с позиции А.А.Зиновьева, то оказывается, что кажущаяся простота и внешняя логичность теоретических построений рассыпаются, не выдерживают натиска предельно обобщенного фактов. А.А.Зиновьев определяет КПСС как *саму государственность* [4, с.389]. Иными словами, эта якобы политическая организация в реальном своем положении выполняла роль несущей конструкции всей политической системы. Это была всевластная организация, которая олицетворяла собой и государственное устройство, и все цементирующие основы общественного устройства. Причем довольно продолжительное время. Вскоре после 1917 года происходит сращивание аппарата компартии с государственным и хозяйственным аппаратом управления, партия становится единым с ними организмом. В силу этого, А.А.Зиновьев фиксирует: «Крах КПСС равносителен краху нашей государственности, а значит – страны вообще» [4, с.389]. Именно такие выводы делают понятными, раскодированными, демифологизированными все события последнего десятилетия. И разрушение советского строя, и разрушение СССР, появление национальных образований на месте единой, но федеративной страны были бы невозможны, если бы не был нанесен удар в сердцевину советской /российской государственности. Получается, что демократические силы в конце 1980-х – начале 1990-х годов острием критики и сопротивления метили в КПСС, в ее политический монополизм, а попали в самые основы государства, его устройства.

Не потому ли даже в конце первого десятилетия XXI века Россия все еще определяет способы самоуправления муниципальных образований, занимается укрупнением регионов, отработывает взаимодействие федеральных и региональных органов власти и другие проблемы своей государственности, что недавно сама эта государственность в результате непродуманных действия элиты оказалась разрушенной. Зиновьев хорошо видел изъяны советского строя. Можно вспомнить, например, его «Зияющие высоты», в которой беспощадно критиковался бюрократизм, двоемыслие советской номенклатуры, ее нежелание или неумение решать реальные проблемы общества. Но, раскрывая роль компартии, показывая ее место в социально-политической системе общества, А.А.Зиновьев делал это не с целью оправдания или напротив критики существовавшего строя, а занимался этим, говоря веберовским языком, как врач, т.е. стремясь вполне объективно выделять основные моменты социальной жизни. Он ставил диагноз, указывал на узловые пункты проблемы. А.А.Зиновьев, конечно, не соглашается с существовавшим всевластием КПСС. Но ведь это была реальность, и воздействие на нее с целью изменения требовало значительных усилий, времени и большей рациональности тех, кто намеревался реформировать существовавшую социально-политическую систему.

Обращение к наследию А.А.Зиновьева, этого замечательного представителя социологического знания, позволяет расширить наше представление о социальной реальности, получить еще одну возможность обогатить способы и методы познания действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель, Г. Философия истории / Г.Гегель // Философия истории: Антология. – М., 1995.
2. Зиновьев, А.А. Катастрофка / А.А.Зиновьев. – М., 2003.
3. Зиновьев, А.А. Русская трагедия. Гибель утопии / А.А.Зиновьев. – М., 2002.
4. Зиновьев, А.А. Сталин – нашей юности полет / А.А.Зиновьев.. – М., 2002.
5. Кун, Т. Структура научных революций / Т.Кун. – М., 2003.
6. Социологические исследования. – 2002. – № 1.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК 339.9
ББК 65.5

Е.А. ЛАРИЧЕВА

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОРОЖДАЕМЫЕ ЕЮ ПРОБЛЕМЫ

Практически вся населенная часть планеты пронизана нитями мирового рынка, политическим влиянием мировых империй, охвачена последствиями научных открытий и инноваций, возрождением влияния мировых религий, став полем перемещения и контактов миллионов людей с помощью эффективных транспортных средств и систем связи. Человечество все больше ощущает себя единым целым, хотя и разделенным на противоречивые, а то и противоборствующие группировки стран, цивилизаций.

Ю.В. Яковец

Исследуются последствия глобализации: изменение мировоззрения, потеря самобытности и возникновение шаблонного мышления, навязываемого глобальными СМИ.

Глобализация – это новейшая стадия давно идущей интернационализации экономического, политического и культурного взаимодействия разных стран, процессы интеграции их экономических, политических и социальных систем, а также усиливающееся глобальное антропогенное воздействие на природную среду [7, с.10].

Отправной точкой глобализации разные учёные и мыслители называют различные моменты человеческой истории. Так, писатель М. Веллер в сборнике лекций по истории литературы «Перпендикуляр» отстаивает мнение, что

глобализационные процессы происходили в мире всегда. Просто не захватывали всю планету, только часть цивилизованных стран. «Весь тогдашний вокругсредиземноморский мир – был эллинизирован! То была эпоха глобализации по-гречески. Моды, здания, скульптуры, обычаи, политическое устройство. Нельзя не понимать простую и вечную вещь: чья культура мощнее – та и побеждает, и распространяется. <...> А потом был Pax Romana – весь мир по римскому образцу. Да, а теперь норовит Pax Americana – в чем свои плюсы и минусы» [2].

По другой точке зрения глобализация – неизбежный результат развития торговли, налаживания межкультурных связей, узаконивания равноправия полов и развития средств коммуникации [3].

Есть ещё одна точка зрения, основанная на том, что начало глобализации положило разрушение Советского Союза. С окончанием «холодной войны» и исчезновением страха перехода «холодной» войны в «горячую третью мировую» западное общество с воодушевлением принялось осваивать колоссальные территории бывшего идеологического противника. При этом у западных стран временно произошло резкое сокращение расходов на военные нужды, что позволило направить средства на технологическое развитие. Возник своеобразный синергетический эффект из-за сочетания финансов с организационными усилиями и знаниями и умениями эмигрантов из бывшего «соцлагеря» [4, с.374].

Как бы то ни было, глобализация – процесс неизбежный, в незначительных масштабах не раз повторявшийся в человеческой истории. Но на сегодняшний день он охватил весь земной шар, и спрятаться от него с развитием коммуникаций уже невозможно.

Если раньше, переступая порог собственного дома, человек осознавал, что мир огромен, таинственен и непостижим, что на карте есть белые пятна, неисследованная, неописанная ещё никем Terra Incognita... Если раньше письма шли неделями, а то и месяцами, путешествие из пункта А в пункт Б могло длиться годами... Если в те совсем ещё недавние времена человек ощущал себя микроскопической песчинкой в пугающем безразмерном мире... То сегодня один звонок с мобильного телефона, один клик компьютерной мышкой способен соединить человека с любой точкой на планете. Мир стал маленьким. Более того, с увеличением скорости передачи информации и скоростей движения транспорта он стал микроскопическим, растеряв всю свою загадочность, но приобретая...

А что, собственно, приобрета? Как изменили нас и нашу среду обитания глобализационные процессы?

Прежде всего, изменилось восприятие мира. С началом глобализационных процессов мировоззрение и культура людей начали «выравниваться». Данный

процесс захватил в большей степени детей и подростков. Благодаря развитию коммуникаций, они читают одни и те же книги и комиксы, смотрят одни и те же фильмы. Они равняются на Гарри Поттера, человека-паука, Шрека и прочих литературных и киноперсонажей. Они играют в одни и те же компьютерные игры. То есть им прививаются одни и те же стереотипы мышления, лишь с небольшими национальными различиями, которые всё больше стираются. Прибавьте к этому интернет и развитие индустрии туризма. Современная молодёжь – находка для участников массового рынка: больше нет нужды адаптировать рекламу и слоганы, учитывая локальные особенности [5].

С одной стороны, нивелируется сегментация общества. С крушением уникальности культур теряется самобытность, уходит национальное самосознание, забываются национальные языки небольших сообществ, становясь диковинками для лингвистов. Отпадает надобность в целых пластах национальных культур и традиций.

На фоне этих процессов гонка за прибылью подменяет собой необходимость в духовном развитии. С другой стороны, интеграционные процессы в обществе и технический прогресс лишают людей возможности развития, ибо «большой мир», приходя в малые селенья, постепенно лишает людей самобытности, то есть традиционной почвы под ногами, дезориентирует. Не все члены общества принимают такие изменения. С наступлением эры глобализации депрессия считается одним из опаснейших заболеваний, лишая людей энтузиазма, снижая способности к творческому мышлению и созидательному труду как таковому.

Глобальное общество навязывает новые законы, меняет структуру поглощаемых им стран. Параллельно набирают силы процессы возрождения местной культурной идентичности. «Местный национализм оживляется в ответ на глобализационные тенденции, на ослабление контроля со стороны традиционного государства» [3, с. 31], возникают движения антиглобалистов.

Сильные страны борются за раздел сфер влияния, навязывают слабым свои законы, закрывают доступ к технологиям, ограничивают рынки сбыта местной продукции, то есть тормозят развитие: «Рынки новых технологических принципов носят не просто управляемый, но по сути внутренний для крупных субъектов мировой экономики характер и контролируются ими не столько коммерчески, сколько наиболее жестко – организационно... Каждая страна оказывается в свой технологической нише, от которой зависит и её значимость, и ключевые экономические партнёры» [4, с.144-145]. Так, США проигрывают Европе по качеству мобильной связи, Европе и Японии – по качеству автомобилей, Японии – в ряде компьютерных технологий. Потому что в этом нет нужды для США, «они владеют более эффективными способами зарабатывания денег, и при нужде просто оплачивают услуги специалистов,

зарабатывающих на порядок меньше», ибо подобное отставание «вызвано не невозможностью, но ненужностью повторения или превышения уже достигнутого кем-то результата» [4, с.146].

Остальным странам достаётся, то, что достаётся – по мере устаревания технологий развитые влиятельные державы «сбрасывают» их менее удачливым соседям. И соседям ничего не остаётся, как пользоваться отсталыми технологиями, ведь подняться на уровень выше им уже не дадут. Технический прогресс несётся вперёд, не оглядываясь на неудачников, и, чтобы успевать за ним самим, необходимо возглавлять научно-техническое движение. А отстающим странам подобное не под силу из-за отсутствия ресурсов.

Страны «догоняющие» превращаются в вечных догоняющих, в прицепы к локомотиву в гонках по рельсам прогресса. Технологическая зависимость становится само собой разумеющейся. К ней привыкают сами жители, привыкает их правительство. Отставание становится неопровержимым стереотипом. В 1957 году американский психолог Леон Фестингер выпустил книгу «Теория когнитивного диссонанса» [8], где аргументированно доказал, что люди смиряются с многократно повторяемыми утверждениями, пока внутренние противоречия, тот самый диссонанс, не превысит предельно допустимого уровня. После чего в сознании человека эмоциональная окраска событий сменяется на полную противоположность. Но развитым странам удобно поддерживать взгляды «догоняющих» стран как можно дальше от «точки кипения», иногда соглашаясь – да, вы творческие, вы талантливые, ещё чуть-чуть – и вы сумеете повторить наши успехи. То есть, им выгодно поддерживать «тление» национальной гордости в безопасных масштабах, чтобы не перешагнуть критический рубеж.

Итак, с одной стороны, глобализация даёт возможность доступа к информации, с другой – тормозит развитие. Неуклонно увеличивается разрыв между самыми развитыми и самыми отстающими странами, что является возможным источником нестабильности.

Нестабильность растёт и потому, что развитые общества пропагандируют терпимость к маргинальным слоям населения. Налогоплательщики задаются вопросом – с какой стати они обязаны кормить вполне здоровых, трудоспособных тунеядцев, живущих за счёт пособий и социальных выплат. На фоне этого в богатые страны растёт поток мигрантов из более бедных и менее развитых районов. При этом в бедных районах происходит замещение трудовых ресурсов. Уезжают на поиски лучшей жизни, как правило, наиболее сильные, инициативные, хорошо образованные люди, то есть те, на образование которых были потрачены немалые средства, те, которые могли бы принести пользу собственной малой родине. На их место приезжают из ещё более бедных регионов новые мигранты. Они, как правило, менее образованные, менее

квалифицированные. Это влечёт дополнительные издержки местных работодателей на адаптацию и обучение вновь набранных трудовых ресурсов. То есть из-за ухудшения качества рабочей силы регион беднеет. К тому же приезжие не всегда принадлежат к коренным народностям, населяющим выбранную ими территорию. Культурные различия не способствуют взаимопониманию между мигрантами и местным населением. На строительство культурных «мостиков», а впоследствии на ассимиляцию могут уйти десятилетия. С притоком гастарбайтеров у части работодателей исчезает потребность в инвестировании в новые технологии, в техническом перевооружении производства. Дешевая рабочая сила не только вытесняет местные трудовые ресурсы, но и тормозит прогресс. Экстенсивный рост в перспективе снижает конкурентоспособность продукции, и получается, что тактические планы реализуются в ущерб стратегических.

И всё же – лидерство стран-флагманов глобализации не в уникальных способностях к инновациям, не в уникальности применяемых ими технологий управления: «Наиболее важны монополизация технологий формирования сознания и, главное, метатехнологий» [4, с.241]. Метатехнологии – это технологии, само применение которых делает для применяющего их невозможной конкуренцию с их разработчиком [4, с.140]. К таким технологиям относятся технологии, основанные на возможности прямого доступа к информации пользователя (сетевой компьютер, современные технологии связи и т.д.) и организационные технологии, преобразующие культуру не только объекта, но и субъекта их воздействия (технологии организации управления, технологии формирования массового сознания и др.) [4, с.141-142]. Доступ к средствам массовой информации также даёт великую власть. Пресловутые «почта, телефон, телеграф», по достоинству оцененные большевиками в 1917 г., трансформировались как в уже привычные, так и в новейшие средства связи. Добавьте к этому знание человеческой психологии, как индивидуальной, так и массовой, знание социальной инженерии.

Понимая рычаги воздействия, умея просчитывать шаги вперёд и предвидеть результаты своих действий, можно перевернуть мир. Так осуществляется управление. Инструменты PR`а и экономические инструменты, социальная инженерия вершат судьбы континентов, а не только отдельных государств и регионов.

Современные информационные технологии влияют на человечество и способствуют глобализационным процессам едва ли не сильнее, чем прочие факторы. Поэтому они заслуживают особого внимания [1, 6]. В нынешнее время развития науки и техники формы передачи информации постоянно совершенствуются и становятся более изощрёнными. Начиная от печатного слова и заканчивая технологиями 3- 4- и больше D. Телевидение, радио, газеты

и интернет переносят слушателей, зрителей и читателей на сотни тысяч километров. Человек совершает перемещения в пространстве и времени, не вставая со стула, получает возможность наблюдать затерянные страны и эстрадных див почти так же чётко и ясно, как если бы стояли от них на расстоянии вытянутой руки.

Благодаря развитию коммуникаций, мир сжался до размеров пшеничного зерна. Кажется, протянешь руку к пульту или клавиатуре, и вот ты общаешься с человеком на противоположенной стороне земного шара или даже смотришь репортаж с международной космической станции, ощущая свою частичную причастность к событиям. Миллионы людей в одно и то же время читают и смотрят одни и те же новости, сериалы и передачи, сопереживая, негодуя и веселясь. Жертвам землетрясения, произошедшего где-нибудь в Индии, сопереживает весь мир. С развитием коммуникаций множество вроде бы не касающихся нас событий врывается в нашу жизнь, отнимая время, душевные силы, волнуя или, наоборот, воодушевляя, подвигая на определённые действия. И игнорировать эту силу нельзя никаким образом.

Давайте определимся с функциями СМИ. Во-первых, это развлекательная и просвещающая. Во-вторых, манипулятивно-управленческая функция. СМИ влияют на культурные и социально-психологические ценности, изменяя наши установки, модели поведения и восприятия реальности. Возвращаясь с работы, заканчивая учёбу и домашние дела, семья собирается у, порой, единственного «окна в мир», «лучшего друга» – телевизора. И впитывает предлагаемую информацию, принимает навязываемые мифы и стереотипы, которые для них становятся реальностью (порой единственной). Герои сериалов и звёзды шоу-бизнеса могут стать для некоторых более близкими людьми, чем собственная семья. И в этом тоже «заслуга» СМИ. СМИ становятся и средством ведения войны. Всем памятно события в Грузии, когда развёртывание информационной войны едва не подорвало престиж России в мире, или недавнее событие – сообщение в новостях грузинского канала «Имеди» о нападении России на Грузию, с показом движущихся танков и бегущих солдат. Данное сообщение спровоцировало панику в Тбилиси и вызвало волну негодования, после того, как по ТВ объявили, что это всего лишь шутка. Подобная «вольность» не только подрывает доверие к собственному руководству Грузии, но и наносит вред престижу Российской Федерации в глазах рядового населения Грузии. Многие подумают: «Раз наше ТВ так «шутит», выходит, на подобные «шутки» есть все основания».

Выделяют ряд теорий массовой коммуникации [6]:

1. Теория социального научения, заключающаяся в том, что люди усваивают модели поведения, глядя, как окружающие ведут себя определенным образом, а затем имитируя их действия. Роль СМИ приобретает здесь

значимость, когда примеры, демонстрируемые в них, становятся источником научения.

2. Теория культивирования. Экстенсивное, многократное воздействие СМИ (в первую очередь ТВ) на протяжении продолжительного времени постепенно меняет представление о мире и социальной реальности.

3. Теория социализации. СМИ, благодаря продолжительному воздействию, становятся источником наших знаний о мире и нашей роли в нем. Например, благодаря телевидению дети социализируются и начинают исполнять взрослые роли намного раньше, чем это было несколько столетий назад. Влиянию СМИ приписывается «сглаживание» дихотомий «маскулинность – фемининность» и «политик – обыватель», следствием которого становится более андрогинное поведение и оценка политических кандидатов в соответствии с личными стандартами.

4. Теория использования и удовлетворения. Так, СМИ выполняют обучающую роль, создают иллюзию избавления от одиночества, являются фоном для какого-либо дела и т.д.

5. Навязывание повестки дня. СМИ формируют общественное отношение и интерес к важным вопросам с помощью информационных сообщений. СМИ нет необходимости указывать, как нам следует думать; ибо они и так определяют, о чем нам следует думать, выдавая определёнными порциями ту или иную информацию.

6. Когнитивная (конструктивистская) теория основывается на том, что люди усваивают информацию, интерпретируя ее в соответствии с уже имеющимися у них знаниями и представлениями, а также контекстом, в котором получено сообщение. Усвоение телевизионной программы предполагает постоянное взаимодействие содержания программы со знаниями, которыми мы уже обладаем. Мы всегда активно осмысливаем то, что видим и слышим, и наши мысли становятся важной частью конструктивного процесса познания. Например, человек с оппозиционными политическими убеждениями иначе отреагирует на выступление кандидата от партии власти, чем сторонник этой партии.

Каждая из теорий указывает на то, что манипулирование человеческим сознанием – вещь обыденная. Зная особенности восприятия и переработки информации в памяти человека, можно достаточно эффективно управлять общественным мнением. Результатом является навязывание пассивному большинству образцов-эталонов, с помощью которых оно судит о себе и других. СМИ конструируют в нашем сознании новую, иллюзорную реальность, ложный мир, дающий человеку забвение и возможность удовлетворения своих примитивных прихотей и желаний. Но, поскольку каждый из нас представляет собой личность, пусть даже учтённую в составе безликой массовой аудитории,

мы способны к анализу, интерпретации и отфильтровыванию лишней для нас информации.

Восприятие зависит от существующей в нашем сознании картины мира, социального положения, культурного развития, вероисповедания, возраста, пола. Как бы СМИ ни пытались навязывать нам своё мнение, мы всё равно будем критично относиться к нему, поскольку избирательно относимся не только к самой информации, но и к её источнику. Восприятие информации зависит и от того, одни ли вы мы получаем, или находясь в группе людей. В каждом отдельном случае реакции будут различными.

Простой пример управления сознанием – раздувание страха ядерной войны. Кинофильмы, видеоигры и литература постарались на славу, создавая яркие картины разрушения, упадка человеческой цивилизации в случае военного конфликта. С одной стороны, СМИ предостерегают человечество от самоуничтожения, с другой – провоцируют страхи и психозы у подверженной влиянию подобной информации аудитории. Подобными страхами легко управлять, о чём свидетельствует война в Ираке. СМИ помогают управлять людьми. И управлять людьми гораздо легче с ростом их специализации. «Широкие специалисты в узких областях», как и люди малообразованные, могут довериться «экспертам», «знатокам», ибо считают их более компетентными, чем они сами. В этом случае СМИ являются источниками готовых моделей поведения, не отработанных на личном опыте индивидуумов-получателей информации.

СМИ способны отвлекать общество от не решаемых в данный момент проблем, дозировать выдаваемую информацию, создавать и контролировать фон к каким-либо социально-экономическим событиям. Дополнительно к этому дезориентирующим фактором является избыточность выплёскиваемой информации. Человек не всегда способен выделить крупницы требующихся ему сведений и/или адекватно оценить те или иные общественно-политические события.

Обладающие информацией и средствами информационного воздействия неизбежно становятся на вершину человеческой иерархии. Как пишет М. Делягин в книге «Драйв человечества» [4, с. 119]: «Базовым социальным противоречием глобализации стало противоречие между «информационным сообществом», участвующим в разработке и применении технологий формирования сознания, и объектом применения этих технологий – остальными социальными слоями и группами». То есть возрастающее разделение людей по степени участия в создании и использовании информационных технологий является результатом глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, Д.Е. PR: теория и практика: учеб. / Д.Е.Баранов, Е.В. Демко, М.А.Лукашенко [и др.]; под ред. М.А.Лукашенко. – М.: Макет ДС, 2010. – 328 с.
2. Веллер, М. Перпендикуляр / М.Веллер. – М.: АСТ, 2008.- 352 с.
3. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
4. Делягин, М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М.Делягин. – М.: Вече, 2008. – 528 с.
5. Калинина, Ю. Поколение Y / Ю.Калинина // Бизнес-журнал. -2010. - №9. – с. 40-48.
6. Харрис, Р Психология массовых коммуникаций / Р.Харрис. - СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, Издательский дом НЕВА, М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. - <http://evartist.narod.ru/text5/>
7. XXI век – вызовы и угрозы/ под общ. ред. д.т.н. Владимирова; ГСИ ГЗ МЧС России. – М., 2005. – 304 с.
8. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л.Фестингер. – СПб.: Речь, 2000. – 317 с.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

ББК 67.0+87

В.М.ЛОБЕЕВА

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Б.Н.ЧИЧЕРИНА

С позиций системного подхода проанализирована концепция правового статуса личности, созданная Б.Н.Чичериным. Выделены, систематизированы и исследованы основные структурные элементы правового статуса личности. Акцентированы те моменты, которые связаны с мировоззренческой позицией философа. С учетом современного состояния науки, общественно-политической практики даны комментарии к некоторым актуальным, а также спорным положениям и выводам Чичерина.

Б.Н.Чичерин - один из основоположников и ведущих представителей знаменитой «государственной школы» в российской историографии и политико-правовой науке. В его научном творчестве отчетливо прослеживается устойчивый интерес к проблеме правоотношений личности и государства. Важной составляющей этих правоотношений в развитом обществе Чичерин признает правовой статус личности. Ученый считает, что в таком обществе посредством права можно обеспечить и защитить свободу личности, которая трактуется им как метафизическая сущность человека и как критерий цивилизованности общества и государства.

Целью данной статьи является проведение системного анализа идей, изложенных в ряде сочинений философа и образующих концепцию правового статуса личности. Автору статьи представляется, что актуальность темы статьи заключена в универсальном характере самой проблемы, поскольку правовой статус личности – это важный показатель объективации ее свободы, закрепленной в праве.

Обозначенная проблема исследуется Чичериным в философско-правовом и политическом аспектах. Ученый утверждает, что поскольку свобода есть прирожденное и не подлежащее отчуждению право индивида, то именно она, а также разум и воля человека составляют «истинное основание всякого права» [10, с.94]. Признание свободы лица закрепляется правом и становится выражением равенства всех граждан перед законом. Такое равенство отличает общества гражданские (общества нового времени) от древних и средневековых обществ и служит одним из критериев цивилизованности. Отчасти именно поэтому, выстраивая концепцию правового статуса личности, Чичерин часто обращается к проверенному временем английскому правовому и социальному опыту, признавая его прогрессивность и рациональность, видя в нем своеобразный юридический эталон.

Проблеме правового статуса личности посвящены многие страницы фундаментальных сочинений мыслителя. В «Философии права» дано философское обоснование правового статуса личности. Конкретизируются основные положения концепции в «Общем государственном праве». В «Собственности и государстве» главным объектом анализа становится право собственности и некоторые вытекающие из него права, например, обязательственные и наследственные права.

Основные права личности, декларируемые правом разных стран, Чичерин классифицирует и анализирует. В итоге он выделяет право гражданства (подданства), группу личных прав и группу политических прав. В самом построении классификации правовых групп (на первом месте находятся личные права) Чичерин исходит из классической либеральной традиции, согласно которой в течение долгого времени политические права, то есть права на участие во власти рассматривались как вторичные.

В то же время политическая сфера всегда воспринималась сторонниками классического либерализма как потенциальный источник угрозы личным правам человека. Объективной основой такого восприятия политической сферы общественным сознанием стала выраженная во все времена претензия политической сферы преобладать над частной жизнью, а общественные интересы ставить выше личных интересов. Поэтому публичное право и в своих принципах, и в правовых нормах закрепляет приоритет общего над частным. Если в гражданских правоотношениях все их субъекты равны, то в публичных – субординированы, при этом характер субординации определяется политической властью. Отсюда следует, что привнесение принципа субординации в гражданско-правовую сферу неизбежно ее деформирует, так как подорвет принцип равенства субъектов.

Следует отметить, что сам перечень прав в концепции Чичерина во многом совпадает с современным представлением о правах и свободах человека, в том числе и с перечнем прав, которые закреплены в действующей Конституции Российской Федерации и важнейших современных международных правовых актах.

В современной российской юридической науке в качестве относительно самостоятельных принято выделять следующие группы прав и свобод человека и гражданина: личные, политические, социальные, экономические, культурные. Как собственно личные права и свободы трактуются те, которые охватывают фундаментальные аспекты свободы личности, выражают гуманистические основы жизни общества, защищают пространство личной жизни человека, свободу от вмешательства извне. Политические права рассматриваются как тесно связанные с суверенитетом народа, обеспечивающие участие народа в политической жизни, осуществлении государственной власти, управлении делами государства и позволяющими оказывать влияние на деятельность властных структур. Социальные, экономические и культурные права и свободы понимаются как имеющие важнейшее значение для жизни человека и позволяющие всесторонне раскрыться человеческой личности.

Перечень провозглашенных и гарантируемых современным законодательством прав и свобод граждан, естественно, шире, чем это было в XIX веке, когда создавалась концепция Чичерина. Однако следует помнить об исторических особенностях того времени, а также важно обратить внимание на то, сколь объемно семантизируются и толкуются Чичериным названные права. При этом условии становится понятным, что обозначенные правовые векторы, в случае их адекватной реализации, могли бы обеспечить цивилизованное существование и комфортное самоощущение человека. К этому следует добавить, что как истинный представитель государственной школы и философ-западник ученый считал государство обязанным гарантировать права и свободы личности. По его мнению, это должно способствовать развитию России по европейской модели и сближению страны с Европой. Чичерин относил Россию к числу европейских стран, которая не вырабатывает неведомых миру начал, а развивается, как и другие, под влиянием сил, объективно господствующих в мире.

Отметим также, что ученый не ставит вопрос о безграничности прав человека, напротив, подчеркивает их ограниченность законом. Очевидно также и то, что отдельные выводы, оценочные суждения в квалификации правового статуса личности продиктованы субъективными моментами, например, сословной принадлежностью самого Чичерина. Представленные замечания позволяют по достоинству оценить весьма прогрессивную и гуманистическую концепцию отечественного мыслителя.

Гражданство (подданство) рассматривается как важнейшее право человека. Право гражданства определяется ученым как принадлежность лица к государству, выражающаяся в сочетании прав и обязанностей. Основным способом приобретения гражданства ученый полагает сам факт рождения от родителей определенного подданства. Феномен двойного гражданства

оценивается Чичериным отрицательно, поскольку гражданство рассматривается им как «отношение всецелое, которое не может делиться. Человек может пользоваться теми или другими правами в разных государствах; он всегда обязан подчиняться законам той страны, где он находится; но своим лицом он принадлежит только одному отечеству» [6, с.210].

Показательным здесь является то, что ученый с либеральными взглядами входит в известное противоречие со своими же высказываниями, когда, соглашаясь с существующей традицией, утверждает, что «свободное присоединение, которое совершается посредством акта человеческой воли, составляет исключение. Отечество дается человеку, а не избирается им» [6, с.206]. Однако православно-консервативная составляющая мировоззрения мыслителя объясняет такую позицию. Свободный выбор человека кончается там, где явила себя воля Божия. Отечество дается человеку Небесами, а самостоятельный его выбор – это проявление одного из смертных грехов – гордыни. Отдельные комментарии к западному законодательству позволяют увидеть колебания ученого в вопросе о двойном гражданстве. Так, он замечает, что большинство европейских законодательств отказались от этой принудительной связи и позволяют своим подданным свободно принимать другое гражданство. При этом Чичерин отмечает, что в России во второй половине XIX века поступление на службу к иностранному государству без согласия правительства рассматривалось как нарушение верноподданнического долга и считалось уголовным преступлением. Подобную систему Чичерин и называет «принудительной связью» лица с государством.

Личные права принадлежат гражданам как физическим лицам, подчиненным государственной власти. Личными правами определяется отношение личной свободы к государственной власти. К этой группе прав ученый относит право на личную свободу, право на неприкосновенность дома, бумаг и писем, право на свободу перемещения, право на защиту чести, право на свободу совести, право на свободу и неприкосновенность собственности, право на свободу промыслов и занятий, право на свободное заключение договоров, право на свободу слова, включающее в себя свободу преподавания и свободу печати, право на свободу собраний и товариществ, право прощений.

Понимание права личной свободы исходит из общего принципа толкования свободы как метафизической сущности человека. Поэтому анализ личных прав начат именно с права личной свободы. Чичерин считает, что все виды частной зависимости одного лица от другого, возникшие в процессе исторического развития, противоречат свободной природе человека. Показательно, что, даже проявив не редкое в ту пору высокомерие белого человека и назвав негров «менее способными к духовному развитию», Чичерин не отступает от своего главного принципа: человек – свободное существо. Он утверждает, что отрицание человеческих прав у чернокожих людей есть унижение их человеческого достоинства.

Феномен крепостного права Чичерин считает историческим пережитком средневекового порядка организации общественных отношений. Отставание России в общественном развитии перенесло существование крепостного права

в новое время. Поэтому крепостное право трактуется ученым только как временное состояние общества. По его мнению, развитие по пути гражданских отношений непременно приведет к установлению свободы лица, которая будет находиться под охраной государственного закона. В обществе с развитыми гражданскими отношениями, под которыми Чичерин имеет в виду общества нового времени, власть над гражданами может принадлежать только государству и различным его органам.

Вопрос об объеме власти государства над личностью решается Чичериным, исходя из либеральных принципов. Поэтому его суждения можно рассматривать в качестве общих норм гражданского и уголовного судопроизводства, которые во имя общественного порядка допускают различные законные ограничения личной свободы вплоть до полного лишения свободы. Чичерин оставляет за властью право на аресты и штрафы за правонарушения, в которых он видит ущемление прав других лиц, угрозу обществу и государству.

Однако философ настойчиво проводит идею о том, что главной задачей цивилизованного законодательства и системы правосудия в этих условиях становится недопущение произвола со стороны власти. В цивилизованном государстве и гражданском обществе невозможны незаконное лишение свободы, административные ссылки без суда, а потому важным и необходимым условием правовой культуры и правопорядка в обществе признается сама организация судебной системы. В этих утверждениях заметно стремление ученого к преодолению правового нигилизма, пронизывавшего все слои и структуры российского общества. Чичерин связывает закрепление гарантий прав и свобод человека с построением правового государства.

Философ выделяет совокупность прав, ограждающих личное жизненное пространство человека: неприкосновенность дома, бумаг и писем. Вполне в духе современных правовых норм он оговаривает, что их ограничение властями может последовать только в случае очевидной опасности для общества. Во всех иных случаях дом должен оставаться «личной крепостью» человека, а содержание его корреспонденции открываться только ему самому.

Личная свобода человека может реализовываться через право свободного перемещения и право выбора места проживания. Эти права рассматриваются как выражение естественной свободы. В этой связи в ряде сочинений мыслителя можно встретить резкую критику существовавшей в России практики установления черты оседлости для евреев. Подобные политико-административные действия российских властей он трактует только как усугубляющие национально-этническую замкнутость и религиозную исключительность еврейского народа. Подчеркивается, что на рубеже XIX-XX веков в странах, вступивших на путь гражданской свободы, к которым Чичерин относит и Россию, ограничение свободы передвижения и выбора места проживания противоречит началам гражданской свободы и выглядит как пережиток крепостничества.

Важнейшим правом признается право на свободу и неприкосновенность собственности. Формулируя основной юридический постулат в отношении

права свободы и неприкосновенности собственности, Чичерин утверждает, что задача «законодательства нового времени состоит в том, чтобы предоставить собственности полную свободу» [6, с.219], поскольку этим возвышается свобода лица и цена самой собственности. Из принципа свободы собственности выведены право на свободное приобретение собственности лицами всех сословий, право выкупа всех лежащих на земле обременений. В связи с требованием свободного приобретения и движения собственности Чичерин совершенно определенно высказывается в отношении общинного владения землей, называя его пережитком крепостнического общественного порядка.

Задача государства усматривается в установлении общих юридических правил владения, пользования, распоряжения собственностью, а также системы правовых гарантий от произвола властей и самих граждан при реализации права собственности, направленных на его защиту и на обеспечение интересов и безопасности общества.

С правом собственности тесно связано такое личное право как право на свободу промыслов и занятий. Его сущность образует то, что в нем находит свое выражение свобода труда. Ученый отмечает, что вмешательство государства в эту область путем принуждения заниматься определенными занятиями есть не что иное, как посягательство на личную свободу. Однако реализация этого права также становится возможна лишь в новое время, когда бытие гражданского общества приобретает сравнительно самостоятельный характер по отношению к политическому бытию государства. Задача государства при реализации данного права состоит в предоставлении возможности свободного выбора занятий, а также в создании системы контроля за тем, чтобы эти занятия не ограничивали индивидуальную свободу других лиц и не вредили обществу в целом.

Как продолжение права на свободный выбор занятий и рода деятельности рассматривается право на заключение гражданско-правовых договоров. Поскольку договор есть своеобразное выражение человеческой свободы, то всякий свободный человек вправе заключать договоры, определяя по своему усмотрению их условия и содержание. В связи с этим делается вывод, что «свобода договоров составляет коренное юридическое правило, вытекающее из самого понятия о свободе лица» [9, с.195]. Внешними ограничениями данного права выступают закон, чужое право и нравственное начало. Чичерин очень высоко оценивает право на свободное заключение договоров и вместе с неприкосновенностью собственности видит в соблюдении договоров фундаментальное основание свободного и цивилизованного человеческого общежития.

Среди важнейших духовных прав личности Чичерин называет право на свободу совести. В этом праве он видит «неприкосновенное святилище человеческого духа, которого государство не вправе касаться» [5, с.243], без которого невозможна полнота жизни и прочность общественных отношений. Право на свободу совести неизбежно влечет за собой церковную и общественную толерантность, поэтому в цивилизованном государстве наряду с господствующей церковью могут существовать иные конфессии – «признанные

и терпимые». Задачей государства в вопросах вероисповедания становится обеспечение реальной свободы совести, в том числе и для различных религиозных и этнических меньшинств. Такая политика способствует возможности свободного существования и проявления религиозного чувства и благотворно действует на все разнообразие духовной жизни народов и общественную стабильность.

К области духовных прав Чичерин относит право на свободу мысли. Анализ этого права с необходимостью приводит к рассмотрению практически неотделимых от него прав на свободу преподавания и печати. Имея опыт преподавательской работы в Московском университете, ученый понимает, что свобода мысли в преподавании имеет огромное значение, так как формирует не только интеллект, но и нравственность, а также понимание задач государственной жизни.

Свобода мысли проявляется и в свободе печати. Чичерин рассматривает ее как пограничную между личной и политической свободой, что закономерно, так как в печатном тексте неразрывно сосуществуют свободное творчество и его основа - свободная публичная мысль, имеющая целью воздействие на общество. Свободу печати Чичерин оценивает как позитивное достижение цивилизованного общества, поскольку она открывает широкие возможности для индивидуального и общественного самовыражения. Кроме того, свобода печати служит благу общества тем, что становится важным способом просвещения, инструментом в борьбе со всевозможными злоупотреблениями, орудием цивилизованной политической борьбы.

Однако Чичерин правомерно подчеркивает существующую противоречивость в реальном существовании свободы печати. С одной стороны, она нуждается в защите, прежде всего, посредством суда от различных притеснений властей, излишнего рвения цензуры. С другой стороны, в неразвитых, далеких от просвещенности обществах свобода печати «превращается в пустую болтовню, которая умственно развращает общество. Особенно в среде малообразованной разнузданная печать обыкновенно становится мутным потоком» [4, с.526]. Исходя из этого, ученый твердо оговаривает невозможность абсолютной свободы печати в обществе.

Указанное Чичериным противоречие не нашло своего разрешения и сегодня. В современной России на смену восторгам по поводу отмены идеологической цензуры пришли столь же эмоциональные требования ввести государственную нравственную цензуру, ибо то, по поводу чего выражал опасения Чичерин, в условиях нового технического обеспечения свободы печати (информации) приняло не вызывающие опасения формы и масштабы, а угрожающие. Думается, что законодательное введение цензуры необходимо и этот акт не противоречит требованию свободы, ибо вполне укладывается в условие ее ограничения по нравственным мотивам.

Чичерин четко определяет задачу государственной власти по гарантии разумной свободы в данной сфере. Эту задачу он видит в разработке и принятии законов о печати, а также в создании различных судебных и административных мер пресечения, не допускающих нарушения самой печатью

прав личности, государственных интересов, общественной нравственности и стабильности.

Анализируя право на свободу собраний, Чичерин отмечает, что оно является важной формой реализации свободы человека. Однако и здесь подчеркивается необходимость соблюдения законности при проведении собраний. Формулируются требования обязательности предварительного разрешения властей на их проведение, соблюдения общественного порядка во время их проведения. Чичерин правомерно утверждает, что у власти есть законное право на роспуск собраний, не соблюдающих всех установленных правил их организации и проведения.

Требование установления норм, ограничивающих названные права, продиктовано не только осознанием важности цивилизованного общественного порядка. В этом требовании проявляется верность Чичерина своей идее достижения разумной общественной стабильности, без которой он не мыслит развитие социума.

Свобода товариществ оценивается Чичериным как более эффективное в сравнении со свободой собраний право. Однако он обращает внимание на то, что в России в основном получили распространение экономические товарищества. Действительно, политические товарищества (партии или иные объединения) в условиях самодержавной монархии не могли иметь широкого распространения, поскольку государственная власть не спешила создавать правовые условия для становления потенциальной оппозиции.

Анализируя право прошений, Чичерин подчеркивает, что в свободных странах право прошений признается существенным и закрепляется в конституциях. Но особенности российского законодательства в самодержавном государстве заключаются в том, что оно не допускает возможности подачи коллективных политических прошений.

Показательным является то обстоятельство, что, говоря о трех последних из названных прав и свобод (свободе собраний, свободе товариществ, праве прошений), Чичерин каждый раз подчеркивает невозможность их существования в самодержавных государствах. С одной стороны, этим он выражает явное сожаление по поводу политической отсталости России. С другой стороны, считая, что будущее России за конституционной монархией, говорит об этих правах как о политической перспективе, которая может быть реализована в процессе реформирования политической системы страны.

Политические права принадлежат гражданам как участникам власти. Поэтому они трактуются Чичериным как открывающие народу доступ к властно-управленческим решениям и действиям. К собственно политическим правам отнесены право на участие в решениях, лично или через представителей и право на доступ к должностям. Последнее право надо понимать как право избирать и быть избранным. Главный смысл политических прав и их неразрывная системная связь с личными правами состоит в том, что политические права дают возможность защищать личные права. Это становится возможным, если власть зависит от народа.

Ученый проводит всесторонний и глубокий анализ политических прав, а также избирательных систем, существовавших в отдельных странах (Англии, России, Пруссии, Франции). С учетом исторического контекста его суждения и выводы по данным вопросам можно оценить как умеренно либеральные и отражающие исторические и национальные особенности стран и их избирательного права.

В работе «Положительная философия и единство науки» (1891) Чичерин, критикуя некоторые положения теории О.Конта, рассуждает о праве голоса и праве обсуждения. Из контекста следует, что эти права понимаются как проявление политического права на участие в решениях лично или через представителей. Чичерин пишет, что «право голоса и право обсуждения общественных дел неразрывно связаны со свободой. Добровольно отречься от этих прав значит отречься от своего положения, как свободного члена общества, а вместе и от своего человеческого достоинства. Непризнание Контом этих прав показывает грубое непонимание самых основных элементов человеческого общежития» [8, с.9]. Но в «Общем государственном праве» (1894) ученый отмечает, что всеобщее избирательное право «не отвечает существу конституционной монархии» [6, с.180]. Отдавая должное политической прогрессивности и юридической рациональности концепции правового статуса личности, необходимо все же указать на выраженное противоречие в трактовке самим Чичериным столь важного и принципиального вопроса.

Устройство избирательной системы моделируется таким образом, чтобы перевес в представительстве имела наиболее мыслящая и образованная часть общества, способная вместе с монархом быть выразителем интересов всего народа. Следовательно, ученый видит важнейшее условие предоставления избирательного права в наличии политических способностей, под которыми понималась способность к государственному мышлению и готовность к ответственным действиям. Что касается «низших» классов, то Чичерин высказывается за постепенное расширение их избирательных прав и резонно связывает это расширение с ростом политической культуры и политического сознания народа. Если этого нет, то «невозможно дать участие в управлении человеку, не понимающему государственных интересов» [7, с.13]. Необходимо подчеркнуть, что Чичерин отчетливо оговаривает: такое правило действует там, где народные представительства только начинают формироваться, а уровень политической готовности масс невысок или отсутствует вовсе. По мере роста готовности масс политическая свобода и права также становятся их достоянием.

В анализируемой модели избирательного права есть и явно устаревшие, даже архаичные элементы. К ним можно отнести, например, осторожные высказывания о праве голоса для женщин, идею ограничения их права на участие во власти только административной сферой со ссылкой на то, что в этой сфере у женщин могут быть имущественные интересы. Таким образом, женщины недвусмысленно отстраняются от политической власти. Очевидно, что в этом конкретном вопросе Чичерину не хватило научной и политической

дальновидности, чтобы полностью уравнивать женщину в правах с мужчиной хотя бы в правовой теории, критически отбросив утвердившиеся в жизни и науке стереотипы.

Придавая первостепенное значение качеству власти, Чичерин абсолютно определенно высказывается о системе необходимых цензов: оседлости, возрастном, имущественном, образовательном. Если два первых вида носят очевидный характер, то два последних следует пояснить.

Общественная практика давно и многократно доказала, что владение определенным количеством имущества обеспечивает известную степень независимости избранного во власть человека в процессе осуществления им представительной деятельности. Так сложилось исторически и это объяснимо с точки зрения здравого смысла, потому отрицание очевидного есть либо скрытое лукавство, либо откровенное фарисейство. Чичерин делает интересное замечание относительно имущественного ценза: «в отношении к отдельным лицам имущественное мерило может нередко быть ошибочным: бедный бывает способнее богатого. Но в приложении к целым классам этот признак весьма существенный» [7, с.14].

Он указывает на важность образовательного уровня кандидатов. Требование образовательного ценза применительно к условиям России второй половины XIX века выглядит как обоснование права быть избранными только представителям высшего сословия. Но Чичерин не раз уточняет в своих сочинениях, что по мере распространения образования в обществе такой порядок постепенно отомрет.

Этот же принцип действует и при назначении на государственные должности в системе исполнительной власти. Философ подчеркивал, что «польза государства требует назначения способнейших, к какой бы категории граждан они не принадлежали. Поэтому высшее политическое развитие рано или поздно ведет к тому, что государственные должности делаются одинаково доступны всем при исполнении известных условий. Главное заключается в достаточном образовании. Вследствие этого, даже при сохранении сословий, устанавливается общий для всех ценз образования. Посредством него доступ к должностям становится всеобщим правом» [6, с.246]. В этом в конечном итоге усматривается мыслителем политическая целесообразность и перспектива общественного развития.

Важными необходимыми условиями успешной реализации избирательного права признается организационная сторона дела: всесторонне продуманное формирование избирательных округов, составление списков избирателей и их предварительное опубликование, свободное проведение предвыборных собраний и свобода печати. Чичерин отдает предпочтение тайному голосованию, но подчеркивает необходимость процедуры контроля в момент голосования и при подсчете голосов избирателей, а также возможность проверки, в случае необходимости, результатов выборов административными или судебными властями.

В системном анализе было бы неправильным обойти вниманием отдельные суждения, представляющиеся спорными. Так, ученый считает, что

поскольку государственные дела (политические) более важны и сложны, чем административные (местные), то кандидаты на государственные должности обязательно должны иметь хорошее образование (в то время – это университетское образование), чтобы иметь возможность адекватно понимать и успешно реализовывать государственные интересы. В числе аргументов Чичерина есть и такой: уровень ответственности в системе государственной власти выше, чем в местном самоуправлении. Разумеется, это верно лишь отчасти, поскольку власть должна быть ответственной на любом уровне, а местное самоуправление требует от человека столь же хороших знаний и умений, как и высшая государственная власть. Кстати сказать, Чичерин и сам неоднократно прямо или косвенно подчеркивает это в своих «Воспоминаниях», характеризуя образовательный уровень гласных (депутатов) в тамбовском земстве и Московской думе.

Всесторонний анализ правового статуса личности с необходимостью приводит Чичерина и к вопросу об обязанностях, без которых этот статус немислим. Ученый понимает обязанность как признание за одним лицом права требовать от другого лица ее исполнения. Проведя самую общую классификацию, он делит обязанности на две группы: личные, распространяющиеся на всех, включая иностранцев, и политические (служебные), распространяющиеся на граждан.

Важнейшей личной обязанностью называется повиновение закону. Таково самое общее правило в системе отношений «личность - государственный закон». При этом подчеркивается, что «когда известная ограниченная власть или даже отрасль верховной власти преступает назначенные ей законом пределы, обязанность повиновения прекращается. Никто не обязан повиноваться власти, которая действует без законного права или без тех форм, которые закон требует для того, чтобы приказание имело законную силу» [6, с.247]. В возможных многочисленных коллизиях (незаконное сопротивление власти и закону, незаконные требования власти, неясность требований закона, действия власти в чрезвычайных обстоятельствах и прочее) наилучшим их разрешением может быть только независимый суд. В контексте этой весьма недвусмысленно высказанной позиции, совершенно недобросовестной представляется сентенция Герцена, явно извращающая точку зрения Чичерина. Герцен заявляет, что Чичерин «поучал своих слушателей, что еще нет никакой заслуги в том, чтоб исполнять и почитать закон, но что великий долг человека – безусловное повиновение всякому закону, даже несправедливому и нелепому, только потому, что это закон» [1, с.192].

Юридической и нравственной обязанностью философ считает верность, под которой подразумевается образ мыслей, поведение и действия людей, направленные на сохранение собственного государства. Примечательно, что, в понимании ученого, верность предполагает не только верность присяге, что само собой разумеется. Но верность включает в себя и обязанность доносить о преступных замыслах и действиях, угрожающих государству. Не замалчивая того, что общество в принципе плохо относится к самому факту доносительства, расценивая его как безнравственное деяние, Чичерин

подчеркивает: в указанной ситуации донос есть гражданская обязанность, вытекающая из верности, следовательно, является действием моральным.

В рассуждениях о налоговых обязанностях граждан ученый использует старое русское слово «тягло». Здесь справедливыми началами полагаются всеобщность и пропорциональность налогообложения, которые должны быть принципами государственной фискальной политики.

Среди политических повинностей особое значение придается воинской обязанности. Она «вытекает из принадлежности гражданина государству. Всякий обязан защищать свое отечество. Поэтому изъятия здесь не должны быть допускаемы», - справедливо требует Чичерин [6, с.251]. Кроме того, подчеркивается важность такой политической повинности как отправление должности присяжных, требующих от граждан лишь беспристрастности и здравого смысла.

Анализ представлений Чичерина о правовом статусе личности свидетельствует, что ученый, подходя к проблеме с позиций философии права, стремится определить принципиальную, но очень тонкую грань между свободой и дискриминацией. Он понимает, что развитие прав и свобод личности состоит в реализации принципа равенства субъектов правоотношений и в обеспечении максимальной свободы личного выбора. Права и свободы закрепляют реальную автономию лица, поэтому Чичерин ратует за их расширение, упрочение и государственные гарантии, но не замалчивает проблемы обязанностей.

По своей сути концепция правового статуса личности Чичерина для своего времени носила выраженный либеральный и гуманистичный характер. Ценность данной теоретической концепции состоит в том, что она потенциально могла и может в той или иной степени быть теоретической основой для политико-правовой практики. Впрочем, российская монархия второй половины XIX века предоставляла немного возможностей для реализации данной модели. Но сам факт того, что имелась возможность публичного изложения весьма либеральной правовой конструкции, красноречиво свидетельствует об уже существовавшей, хотя, безусловно, ограниченной в условиях самодержавного правления, свободе мысли и слова. Кроме того, сформулированная Чичериным концепция отчетливо характеризует его личную мировоззренческую, гражданскую и научную позицию.

Концепция правового статуса личности является органичной частью философии права Чичерина. Она по достоинству оценена современниками и потомками. Е.Н.Трубецкой в революционном 1905 году подчеркивал, что философию права Чичерина отличают «пламенная вера в достоинство человека, в его безусловную ценность, и редкое в наш век боготворения стихийной массовой силы уважение к свободе человеческой личности» [3, с.353]. С такой оценкой солидаризируются авторитетные современные специалисты в области философии права. Так, академик В.С.Нерсесянц отмечает: «Своей философией права, ... настойчивой защитой государственно-правовых начал и форм либерализма и свободы человека Чичерин внес существенный вклад в

обновление и развитие юридических и философско-правовых исследований в России. Влияние его идей испытали Е.Н.Трубецкой, И.В.Михайловский, П.И.Новгородцев, Н.И.Бердяев и многие другие русские юристы и философы права» [2, с.685].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен, А.И. Новая фаза русской литературы / А.И.Герцен // Сочинения в 9 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. - Т.8. - С.156-208.
2. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С.Нерсесянц. – М.: Норма, 2008.
3. Трубецкой, Е.Н.. Учение Б.Н.Чичерина о сущности и смысле права / Е.Н.Трубецкой // Вопросы философии и психологии. – 1905. – Кн. V (80). – С.353-381.
4. Чичерин, Б.Н. Задачи нового царствования / Б.Н.Чичерин // Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – С.524-538.
5. Чичерин, Б.Н. Наука и религия / Б.Н.Чичерин. – М.: Республика, 1999.
6. Чичерин, Б.Н. Общее государственное право / Б.Н.Чичерин. – М.: Зерцало, 2006.
7. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н.Чичерин. – М.: Товарищество И.Д.Сытина, 1899.
8. Чичерин, Б.Н. Положительная философия и единство науки / Б.Н.Чичерин // Вопросы философии и психологии. – 1891. – Кн. 11. – С.1-48.
9. Чичерин, Б.Н. Собственность и государство / Б.Н.Чичерин. – СПб.: РХГА, 2005.
10. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н.Чичерин // Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – С.21-258.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

ББК 87
Б77

В.В. МИРОШНИКОВ

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ КАЧЕСТВА

Рассматриваются основные положения философии качества.

Качество продукции и услуг в настоящее время стало показателем высокой эффективности труда, источником национального богатства, признаком высокоразвитой экономики, условием достойной жизни. Качество жизни признано международным сообществом одним из главных показателей,

характеризующих развитие стран и народов. Качество предстает сегодня и как особая предметная область познания и системного обучения. Поэтому устаревшими представляются попытки рассматривать проблемы качества и искать их решения только на технологическо-производственном поле. Самой проблеме качества следует придать должное методологическое и философское звучание. Качество является фундаментальным, философским и системным определением социальной политики и общественного развития в XXI веке.

Междисциплинарный и философский подход к исследованию проблем качества, развитый в работах В.В. Бойцова, Ю.В. Крянева, М.А. Кузнецова [1, 3, 7], А.И.Субетто [15], позволил сформировать *философию качества* — новое научное направление, в котором реализуется целостный, синтетический образ управления качеством, охватывающий в интегральном единстве мировоззренческие, социальные, хозяйственные и управленческие проблемы. Поскольку это научное направление относительно молодое, то строгой системы понятий, терминов и принципов здесь еще нет. Однако и на этой ранней стадии и развития логично выделить следующие три основные категории философии качества: *образ качества*, *качество жизни* и *качество хозяйства*. Эти обобщенные понятия отражают отличительные свойства, стороны и основные разделы фундаментальной науки в области качества. Рассмотрим их подробнее.

Образ качества. В этом разделе философия качества пытается ответить на вопрос: что такое качество? Как следует из словаря [16, с. 193]: качество — это философская категория, выражающая существенную определенность объекта, благодаря которой он является именно этим, а не иным. Современный философский анализ показывает, что качество является более сложным и глубоким по смыслу понятием. В работе [1, с.14] отмечается, что качество пронизывает все стороны мироздания и является ключевым фактором социального устройства и деятельности людей. Качественная характеристика имеет фундаментальное значение для понимания человеческой сущности и духовной культуры. Качеством обусловлена целостность природного и социального мира и его многообразие. В весьма сложной и многообразной истории человеческой мысли можно выделить следующие различные вехи понимания качества [1, с.15]:

- *субстратное* — характерное для древних культур и сводимое к характеристике основных природных стихий (огонь, вода, воздух, земля и т.п.);
- *предметное* — обусловленное влиянием производственной деятельности, формированием научных и технических дисциплин (вещи и их свойства);
- *системное* — возникающее в связи с тем, что объектами научного исследования и практической деятельности становятся системы.
- *функциональное* — выражающее тенденцию определить качество через количественные показатели.
- *интегральное* — ориентирующее на синтетический, целостный охват всех сторон и факторов (интегральная модель качества в виде расчлененной на свойства целостности).

С целью развития интегральной модели качества автором предлагается концепция «гармонической целостности» [9, с.38]. Используя эту концепцию,

можно исследовать различные уровни (градации) категории качество: «высокое качество», «низкое качество», «заданное (нормативное) качество» и др. Так, понятие «высокое качество» можно определить следующим образом: «Качество объекта будет высоким, если найдена такая совокупность требований к объекту, при которой достигается сбалансированность величин критериев качества между собой с учетом их соподчиненности и соответствующих пропорций, когда ни одно из требований нельзя изменить (уменьшить или увеличить), не нарушив целостности оптимальной композиции объекта». Такой оптимизационный подход открывает дорогу для применения при исследовании категории «образ качества» философского смысла понятий оптимума, оптимальности и оптимизации [6, с.85]. При этом появляется возможность усовершенствовать параметрическое проектирование в философии качества Г.Тагути [5, с.27–31] путем применения предложенных автором методов оценки и обеспечения устойчивости оптимальных решений [10, с.408–409, 8, с.225–231].

Качество жизни. Эта категория философии качества является интегральной, качественной характеристикой жизни людей, раскрывающей по отношению к обществу в целом критерии его жизнедеятельности, условия жизнеобеспечения, а также условия жизнеспособности общества как целостного социального организма [3, с.8]. На различных этапах цивилизационного развития доминировали лишь некоторые стороны качественной целостности жизни общества. Они нашли свое отражение в ряде категорий: «образ жизни», «уровень жизни», «стиль жизни». Сегодня только таких характеристик общества уже явно недостаточно. Для современного человека существенное значение имеет не только определенный уровень благосостояния, но и качественное состояние природной среды обитания, состояние здоровья, наличие свободного времени, духовно ориентированная жизнь. Качество жизни становится новой цивилизационной парадигмой развития человечества. Структура категории «качество жизни» является весьма сложной. В первом приближении ее можно представить в виде совокупности следующих системно-взаимосвязанных составляющих: качество природной среды, качество здоровья популяции, качество образования, духовное качество, качество ментальности [3, с.9]. В этот список предлагается добавить следующие понятия: качество общества, качество человека, безопасность, качество культуры.

Качество общества следует считать важнейшей составляющей качества жизни. К качественным характеристикам общества можно отнести [7, с.143]:

- целостность, определяющую границы социального пространства, внутреннюю и внешнюю определенность;
- порядок, обуславливающий характер и условия регулирования;
- стабильность, раскрывающую тип развития общества, его устойчивость и преемственность;
- ценности и нормы, выражающие внутреннее пространство целостности общества, характер регулирования поведения людей, межличностных связей и отношений;

- тип отношения (утилитарный, адаптированный, преобразующий, духовно-нравственный) к природному миру;
- системно-структурную упорядоченность, выражающую меры дифференцируемости и стратифицируемости общества;
- общественную безопасность.

Все это и определяет границы мерности качества общества.

Качество природной среды подробно рассмотрено в работе [3, с. 82–130] с различных точек зрения и позиций: системного, элементного и функционального подходов. Отмечается, что в настоящее время большой популярностью пользуется концепция «устойчивого развития», получившая широкое признание после Международной конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Под устойчивым развитием понимается «такое развитие, которое удовлетворяет потребности общества настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Этому вопросу в научной и философской литературе уделяется большое внимание. При этом в сферу философского анализа включается и проблема разработки системных технологий для реализации устойчивого развития [11, 12].

В работе [1, с.213] отмечается, что *качество жизни в его системной целостности определяется духовностью*, ибо она есть определяющее условие жизни человека и человечества. Духовность есть глубинное выражение человеческой сущности и основное условие соединения людей друг с другом. Вопросы духовности изучаются как в религии, так и в философии. Рассмотрим подробнее философский и религиозный подход к решению этой проблемы.

В русской философии духовной жизни человека и общества уделялось первостепенное внимание. Этот вопрос исследовали многие русские мыслители: В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, С.А.Франк, А.С. Хомяков, К.С.Аксаков, К.Н.Леонтьев, С.Н.Булгаков, И.А.Ильин и др. Философский интерес к проблеме духовности и в наше время не ослабевает, т.к. вопрос о духовности в современных условиях, как для мирового сообщества, так и для России является ключевым вопросом. Все переживаемые сейчас человечеством кризисы имеют в качестве общего знаменателя отсутствие духовности.

Современные философы рассматривают духовность как качество, которое состоит из совокупности особых свойств, раскрываемых через систему ценностей [3, с.134]: благо, добро, смысл жизни, идеал, истина, справедливость, красота, вера, надежда, любовь, счастье. Эти ценности определяют направленность духовных усилий человека, выражают их глубину и напряженность, оказывают влияние на то, как и каким образом формируются у людей мотивы их поведения и поступков. Особый интерес философов вызывал и сейчас вызывает вопрос о взаимосвязи творчества и духовности. По мнению русского философа Н.А.Бердяева [2], творение мира не закончено в семь библейских дней: «Задача человека и мира создать небывалое, дополнить и обогатить Божье творение. Мировой процесс не может быть только изживанием и искуплением греха, только победой над злом. Мировой процесс — восьмой день творения, продолжающееся творение. В мировом космическом процессе совершается откровение всех тайн Божьих, тайн творения и

творчества. Мировой процесс — творческий процесс откровения, в котором одинаково участвуют Творец и тварное бытие. В творчестве тварного бытия раскрывается Сын Божий и дух Божий. Творящий человек причастен природе Божественной, в нем продолжается богочеловеческое творение» [3, с.143].

Ключевое значение для того, чтобы придать творчеству его исходный смысл и соединить с духовностью, имеет переход человечества на биосферную и ноосферную основу своего развития. Духовность соединяет, открывает новые перспективы, придает жизненный импульс, вводит смысл в бытие. Одно дело — смотреть на мир глазами завоевателя и потребителя, и совсем иное — смотреть на этот мир глазами любящего его сына, ощущать слитность с ним, помогать ему в раскрытии эволюционных возможностей [3, с.141,143]. Исключительная важность перехода биосферы в ноосферу в том и состоит, чтобы человечество стало сознательным участником планетарно-космического эволюционного процесса, созидания новых форм организованности. Поэтому творчество и духовность являются ведущими факторами этого процесса.

Религиозное понимание духовности отличается от философского (вышеописанного). В религиозном мировоззрении дух рассматривается как выражение сущности человека и Бога, как ведущее условие их связи друг с другом. Внимание к внутреннему духовному деланию, самоочищению имеет глубокий жизненный смысл: человек учится видеть вещи и мир, отношения между людьми в их истинном свете [1, с. 213]. Все религии говорят о духовности, но понимается она в каждой из них по-разному. Вызвано это тем, что религиозное понятие духовности тесно связано с понятием Бога, а оно в каждом вероисповедании свое. Поэтому в каждой из религий в силу своего представления о Боге — свое понимание и толкование духовности.

В христианстве понимание духовности ориентировано на ценности, которые определены Евангелием. Однако и здесь нет однозначности — каждая христианская конфессия имеет свое толкование духовности. Это вызвано прежде всего отличием в методах достижения человеком духовности, т.е. устройства своей духовной жизни.

В православии цель духовной жизни христианина наиболее четко выразил Серафим Саровский: «Стяжание Духа Святого Божьего». Таким образом, духовность человека заключается в том, что в нем совершает действие Святого Духа. Православное понимание духовности базируется на евангельском определении сущности человека и учении о его спасении [4, с.199,203,259,356]. Освоение и применение этого учения при исследованиях качества жизни открывает возможность создания результативных общественных механизмов противодействия глобальному нравственному кризису человечества.

Качество хозяйства. Эта категория философии качества акцентирует внимание на том, как, каким образом организована жизнь общества и индивидов. Качество хозяйства — это такой способ организации жизни общества, который имеет своей целью как достижение материального благополучия своих граждан, так и нравственную осмысленность ими своего бытия [1, с.286].

Актуальной проблемой качества хозяйства является изучение соотношения между такими понятиями как «экономика» и «хозяйство». Эти исследования к

настоящему времени сформировались в специальное научное направление и соответствующую этому направлению — научную школу при МГУ им. Ломоносова, восходящей своими истоками к защищенной в 1912 году докторской диссертации «Философия хозяйства» выдающегося русского философа С.Н. Булгакова.

Создатель и руководитель этой научно-образовательной школы «Философия хозяйства», профессор МГУ Ю.М.Осипов сущность и противоречия между понятиями «экономика» и «хозяйство» описывает следующим образом [14, с.9–26]. Хозяйство вообще — не экономика. Пора это признать. Только особенное хозяйство является экономикой, а именно товарообменное хозяйство, оценочное (когда все подвергается единообразной оценке, имеет цену) и денежное (с деньгами как средством обмена и оценки). Такое хозяйство существует с давних пор, но длительное историческое время имело вспомогательное значение относительно непосредственного натурального хозяйства, дополняло его, обслуживало, хотя временами достигало большого развития, особенно в крупных цивилизациях, на морских, крупных речных и дальних сухопутных (континентальных) путях.

Современная, а лучше сказать, передовая, экономика уже не та экономика, какой была когда-то в момент своего расцвета где-нибудь в середине XIX в., да уже и совсем не та, чем была, допустим, в середине XX в. Экономика уже давно перестала быть просто обслуживающей хозяйство организацией, а является организацией, господствующей над хозяйством, а в самой экономике ведущую роль уже играет «финансизм», под которым полезно понимать все работающее денежное, однако особым образом представленное и организованное производство (ценные бумаги не всегда вроде бы деньги, но тогда это некие заменители денег, их непосредственные партнеры).

Финансовое воспроизводство не реальное воспроизводство, а управляющий этим последним идеальный спутник. Формула $PX-F-PX$, где PX — реальный хозяйственный процесс, а F — финансы, обуславливающие PX , заменена ныне на формулу $F-PX-F$, где уже F полностью определяет PX . Не PX объемлет и ведет F , а F объемлет и ведет PX . Наверху просто «сидит» гигантская суперсистема, представляющая собой управляющую финансовую надстройку над всем управляемым ею хозяйственно-экономическим базисом. Не рынок здесь правит, а рынком правят; не стихийно возникают большие процессы, а при управляющем воздействии концентрированной сознательной воли; не сам по себе идет ход вещей, а идет под непосредственным влиянием централизованных умов. Когда-то была и остается кое-где до сих пор *экономика Премодерна*, т.е. обслуживающая натуру и натуральное хозяйство экономика; затем настало время *экономики Модерна*, обозначившей войну натуре и натуральному хозяйству, их вытесняющей и себе подчинившей, развивающей искусственное хозяйство и обеспечивающей построение искусственного мира; дошло дело и до *экономики Постмодерна*, заявившей о своем полном господстве в мире и занявшейся реализацией не просто искусственного, а в основе своей имитационного и фиктивного хозяйства, когда экономические показатели отражают не природу как таковую или же что-то человеком

созданное, но осязаемое, а нечто просто воображаемое — фикцию, симулякр, пустое ничто (т.е. отражают собою не какую-то внешнюю ценность, а имеют свою собственную ценность как знак самих себя — и не более того). Стоимость для себя, о себе, из себя. Это действительно что-то новое, революционно новое, ранее не бывалое. На земле построен и уже имеет свое историческое место новый мир, он же и иной мир, т.е. неприродный мир.

Вопрос не в том, чтобы непременно отрицать экономику в пользу неэкономического хозяйства, а в поиске меры для экономики, той самой меры, которая не позволяла бы экономике господствовать в свою пользу над хозяйством, жизнью, человечеством. Экономика — это только часть: та, что связана с деньгами. А хозяйство — это все то, что творит человек на земле.

В среду философского исследования качества хозяйства следует включить и проблему *сверхдолжного владения*, которую кратко можно представить следующим образом [13, с.6]. Бизнесмен, как и все прочие люди, приходит в мир с негласным «заданием от Бога». Он умеет (не сам по себе, а в силу дарованных свыше ему талантов) то, чего не умеют другие люди, другие типы людей. Задача предпринимателя — преобразовывать активы (землю, недвижимость, средства производства, товары и деньги, людей, занятых в производстве, бизнес - идеи и пр.) в прибавочную стоимость, прибыль, прирост. Если предприниматель присваивает всю полученную прибыль - покупает особняк, яхту, супердорогие часы и т.п. - у него возникает сверхдолжное владение. Почему сверхдолжное? Потому что должное владение есть владение разумно достаточное. В дореволюционной России, когда уровень духовной культуры и дисциплины во всех слоях был не в пример выше теперешнего, многие купцы и промышленники сами устанавливали себе некий «прожиточный минимум» или лучше сказать «прожиточный оптимум» — конкретную сумму денег, которой, по их мнению, было достаточно, чтобы обеспечить им самим и их семьям достойное житие в течение года. Всё, что получалось ими в виде годового дохода сверх этого «оптимума», автоматически направлялось на цели благотворительности. Таким образом, мы наблюдаем у наших русских предков феномен служения, то есть пример осознанной жизни сразу в двух плоскостях — материально-физической и духовной. Таков общий смысл понятия «должное владение».

К изложенному можно добавить, что для решения практических задач повышения качества хозяйства в различных организациях России предлагается [11, 12] создавать социально-ориентированные системы менеджмента качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология русского качества / сост. Б.В. Бойцов, Ю.В. Крянев, М.А. Кузнецов, В.Н. Азаров, Т.П. Павлова, В.Ю. Крянев; под ред. Б.В. Бойцова, Ю.В. Крянева. – 3-е изд. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2000.
2. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства / Н.А. Бердяев. – М., 1994. – Т.1.
3. Бойцов, Б.В. Качество жизни / Б.В. Бойцов, Ю.В. Крянев, М.А. Кузнецов. – М.: Из-во МАИ, 2004.

4. Брянчанинов, И. Аскетическая проповедь / И.Брянчанинов// Полное собрание творений.– М., 2002. – Том IV.
5. Какар, Р. Философия качества по Тагути: анализ и комментарии / Р. Какар // Методы менеджмента качества. – 2003. – №8. – С. 23–31.
6. Камоза, Т.Л. Философский смысл понятий оптимума, оптимальности и оптимизации / Т.Л. Камоза, Т.Н. Киятина, В.П. Клочков, З.В. Хохрина // Философские науки. – 2006. – №10. – С. 83–94.
7. Крянев, Ю.В. Философия качества / Ю.В. Крянев, М.А. Кузнецов. – М., 2004.
8. Мирошников, В.В. Исследование чувствительности оптимальных решений на имитационной модели сложной системы / В.В. Мирошников, А.В. Корецких // Известия АН СССР. Техническая кибернетика. – 1984. – №4. – С. 225–231.
9. Мирошников, В.В. Математические методы оптимизации решений, принимаемых в менеджменте качества / В.В. Мирошников // Сборка в машиностроении, приборостроении. – 2004. – №12. – С. 37–41.
10. Мирошников, В.В. Оценка устойчивости оптимальных решений / В.В. Мирошников // Академия наук СССР. Экономика и математические методы. – 1975. – №2. – С. 408–412.
11. Мирошников, В.В. Реализация концепции устойчивого развития путем создания систем менеджмента качества нового поколения / В.В. Мирошников, О.А. Голенкова // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. под общей ред. Н.В. Попковой. – Брянск, 2010. – Вып. 7. – С. 176–183.
12. Мирошников, В.В. Социально-ориентированные системы менеджмента как инструмент повышения качества жизни / В.В. Мирошников, О.А. Голенкова // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. под общей ред. Н.В. Попковой. – Брянск, 2010. – Вып. 8. – С. 117–125.
13. Нотин, А.. Сверхдолжное владение. Раздумья православного предпринимателя / А.Нотин // Завтра. – 2009. – № 19. – С.6.
14. Осипов, Ю.М. Философия хозяйства: тезисы / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2006. – №2. – С. 9–26.
15. Субетто, А.И. Качество жизни: грани, проблемы / А.И. Субетто. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004.
16. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. – М.: Политиздат, 1963.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК 316. 35
ББК 60. 56.

Н.А. НОЗДРИНА

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются концепции социологии управления.

Социология управления - специальная социологическая теория, изучающая процессы управления в различных типах общностей, организаций, институтов и общества в целом, осуществляемых для сохранения и обеспечения устойчивости развития соответствующей системы, упорядочения и совершенствования ее структуры, достижения ее целей. Она изучает многообразную деятельность органов управления, государственных и общественных, прежде всего как социальных систем, весь комплекс подбора, расстановки, формирования управленческих кадров, отношения и взаимодействия, складывающиеся между работниками аппарата управления и подчиненными им сотрудниками и организационными структурами.

Общество как целостная, динамически развивающаяся система, а также все подсистемы, функционирующие в его рамках – экономическая, социальная, политическая, духовная, – суть самоорганизующиеся, саморегулируемые, иначе говоря, самоуправляемые социальные системы. А это означает, что каждая из социальных систем, от самой крупномасштабной, каковой является общество в целом, и вплоть до отдельной личности, в процессе своего функционирования и развития нуждаются в управлении. Категория управления помогает понять, что сама суть общественно – преобразовательной деятельности человека может быть понята как творчески саморазвивающийся процесс, ориентированный на достижение вполне определенной цели; следовательно, как процесс, предполагающий управление и нуждающийся в нем [2]. Таким образом, категория управления выводится, как из своей предпосылки, из многогранной, подчас противоречивой общественно – преобразующей деятельности человека и означает по существу возникновение в процессе развития человеческого общества конкретно – исторической способности управлять своим развитием. Но управление собственным развитием включает в себя формирование идеала будущего, формирование идей, образов, стандартов действия [1].

Решение возникающей перед отдельным индивидом или социальной группой проблемы и есть исходный пункт управленческой деятельности. Оно направлено на осуществление низшей формы управления - регулирование. Специфика регулирования заключается в том, что оно решает проблемы деятельности в рамках уже сложившихся отношений и взаимодействий, что отличает его от высших форм управления, нацеленных на решение проблем деятельности, возникающих в процессе развития и усложнения взаимодействий с целью повышения эффективности деятельности. Сущность регулирования заключается в том, что оно представляет собой процесс, посредством которого обеспечивается упорядоченное состояние и заданный уровень

организованности данной системы. Высшие же, более сложные формы управления включают такие процессы, посредством которых данная система переводится из одного организационного состояния в другое.

Объективно обусловленное развитием и усложнением общества требование к способности осуществлять управленческую деятельность органически связано с развитием способности человека к самоуправлению, которая получает простор для совершенствования в процессе перехода самого общества к более высоко организованным и сложным формам общения и деятельности. Само же развитие личности и любой социальной группы или организации совпадает с прогрессом ее способностей адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды, т.е. управлять развитием собственных отношений и деятельности в рамках исторически сложившихся и изменяющихся форм общественных отношений. Каждый этап развития управления представляет собой существенный сдвиг в содержании многообразной человеческой деятельности, прежде всего производственно-трудовой. Этот сдвиг требует более совершенных форм общения и деятельности, которые обеспечивают концентрацию творческой энергии людей, их общностей и организаций на познании более глубоких уровней предметного мира, на свершении более многообразных и сложных форм деятельности, взаимодействия людей друг с другом [5].

Таким образом, способность человека управлять своим взаимодействием с предметами и процессами внешнего мира, а также с другими людьми, возникает в сфере личных отношений, а затем охватывает все сферы производственно-практической и иных видов активной общественной деятельности. Тем самым все разнообразие человеческой деятельности, посредством которой человек преобразует окружающий мир, а вместе с тем и самого себя, превращается в осознанный, целостный, управляемый процесс. Вследствие этого управление превращается во всеобщий момент всякой человеческой деятельности, всегда направленной на достижение вполне определенной, сознательно выбранной цели.

Разумеется, управление не остается неизменным, а неуклонно видоизменяется, всегда выступает в конкретно-исторических формах, связанных со спецификой конкретно-исторического этапа развития общества. Например, в период от III-II вв. до н.э. до I в. н.э. в Римской империи, как это убедительно показано древнеримскими авторами Плинием, Палладием, Колумеллой и др., орудия производства, инвентарь изменялся мало, но возрастало количество специализированных работников, происходило углубление разделения труда и специализация труда рабов. В этих условиях для повышения производства как в ремесле, так и в сельском хозяйстве нужен был человек, все более самостоятельно организовывающий свою работу. Возникла необходимость в коренном изменении мотивации труда, а также в иных формах управления людьми в процессе их трудовой и иной деятельности. Но именно это было невозможно для рабского труда, для раба, структура мотивации деятельности которого определялась его отношением к труду как навязанному условию существования. Рабское положение работника никак не сочеталось с

необходимостью организаторской инициативы и заинтересованности в результатах труда. Именно это обстоятельство положило предел развитию производительных сил на рабовладельческой основе, что в процессе производства и роста расходов общества неизбежно привело к краху рабовладельческой системы и существующих в ней способов управления. На смену им пришли иные мотивации, иные структуры управленческой деятельности, ориентированные на труд формально свободных, не скованных рабской зависимостью людей [3].

Так, процесс принятия решения как сердцевины управленческой деятельности обусловлен, с одной стороны, специфическими особенностями определенного исторического этапа развития общества, прежде всего особенностями господствующей в нем системы производственно-трудовой деятельности, а с другой - уровнем социального и духовного развития личности, осуществляющей принятие решения. А из этого вытекает, что в процессе смены одних этапов цивилизационного развития человечества другими происходит и смена социальных механизмов принятия и осуществления управленческих решений. Существует немало исторических свидетельств того, что в древних цивилизациях - Древняя Индия, Древний Китай, Древний Рим, античная Греция, а также начальный период развития Средневековья в Европе - политические решения принимались очень часто на основании традиционных суждений и предубеждений, включая и различного рода гадания, предсказания, что отражало статичный характер общества, незначительную роль в нем всякого рода новшеств, в том числе и управленческих.

Второй тип механизма принятия управленческих решений можно квалифицировать как манипулирование, состоящее в стремлении выпятить, превратить в единственно возможную, по крайней мере, в единственно важную, одну из противоречивых сторон возникшей управленческой проблемы при игнорировании всех остальных возможностей ее разрешения. Этот тип принятия решений носит переходный характер, возникающий в результате ломки первого из типов и включает в себя нарастающие элементы ориентации управления на изменения как в объекте управления, так и в самой управляющей системе общества. Он характерен для позднего средневековья и предвещает вступление в эпоху таких управленческих изменений, которые ориентированы на изменения, происходящие и в управляемом объекте, и в самом субъекте управленческой деятельности.

Повсеместное утверждение и распространение такого именно типа социальных механизмов принятия решений происходит в процессе и результате промышленной революции конца XVIII - начала XIX вв. и связано со становлением крупного машинного производства и развития капиталистических производственных отношений. Если первый и в значительной своей части второй из рассмотренных типов принятия управленческих решений, основанных на вере в существование неизменных абсолютов, снимали с человека значительную, а нередко и решающую долю ответственности за принимаемые решения, то третий тип механизма принятия

решений побуждал человека брать на себя всю тяжесть ответственности за последствия принятого решения. Выдающийся немецкий социолог М. Вебер в своей работе "Протестантская этика и дух капитализма" убедительно показал, что свойственная протестантизму религиозная оценка неутомимого "постоянного, профессионального труда как наиболее верного и очевидного способа истинной веры в Бога служила могущественным фактором в возникновении и распространении "духа капитализма". А утверждение этого духа привело к возникновению предпринимательства, для которого стремление к наживе, рассматриваемое в качестве реализации шанса для извлечения как можно большей прибыли, совпадало с главной целью его призвания в качестве своеобразного управляющего Бога" [3, с.190-204].

Чем более высоких ступеней развития достигает капитализм, тем большее значение приобретает принятие управленческих решений, которые, все более дифференцируясь и совершенствуясь, становятся постепенно специфической областью деятельности. Возникает достаточно разветвленный управленческий аппарат, в рамках которого осуществляется дифференциация управленческого персонала. Основные действующие лица этого разветвленного аппарата, как покачал в своем знаменитом труде "Революция менеджеров" американский социолог Дж. Бэрнхем, таковы:

1) финансист - лицо, осуществляющее финансовый контроль над предприятиями, но не управляющее ими;

2) технический руководитель, который обеспечивает функционирование предприятия, обладает необходимыми для этого научными и специальными знаниями, умеет применять их на практике;

3) коммерсант, руководящий работой по реализации произведенной продукции;

4) управляющий (менеджер) - организатор, являющийся основной фигурой в процессе управления как частными, так и государственными предприятиями.

Именно на высшей стадии развития капиталистического производства, когда выявились основные особенности, принципы и методы управления, возникают специальные теории управления, развиваемые в работах Ф. Тэйлора, Г. Эмерсона, А. Файоля, Ч.Бернарда, Г. Саймона, Р. Мертона, А. Этциони, Н. Месаровича, Д. Мако, И. Такахары, М. Огавы и др. [4]

Если исходить из существа разработанных этими авторами концепций, то управление предстает как социальный процесс сознательного, на достоверном знании основанного систематического воздействия субъекта управления (управляющей подсистемы) на социальный объект (управляемую подсистему) посредством принятия решения, осуществления планирования, организации и контроля, необходимых для того, чтобы обеспечить эффективное функционирование и развитие социальной системы (организации), достижение ею поставленной цели.

Один из самых известных и влиятельных теоретиков в области управления американский социолог и экономист П. Друкер так сформулировал сущность рассматриваемого явления: "Управление - это особый вид

деятельности, превращающий неорганизованную толпу в эффективную, целенаправленную и производительную группу. Управление как таковое является и стимулирующим элементом социальных изменений, и примером значительных социальных перемен"[6]. Современный управляющий в процессе своей профессиональной деятельности выполняет несколько взаимосвязанных социальных ролей. Первая из них заключается в том, что он в процессе своей управленческой деятельности предстает в качестве главного руководителя, в обязанности которого входит осуществление решений правового и социального характера. В то же время он действует как лидер, ответственный за мотивацию и активизацию подчиненных, ответственный за набор, подготовку работников, перемещение их по служебной лестнице и осуществление ими возложенных на них обязанностей. Одновременно он осуществляет роль приемника информации как из внешней среды, так и из возглавляемой им организации; осуществляет руководство распространением информации среди сотрудников; выступает в роли представителя возглавляемой им организации; действует в качестве предпринимателя, изыскивающего возможности более эффективного функционирования данной организации и ее сотрудников; выступает в роли распределителя ресурсов; главного лица, ответственного за устранение недостатков и нарушений; выполняет роль ответственного представителя данной организации на всех значительных и важных переговорах.

Такое многообразие социальных ролей, выполняемых управленческим персоналом, предопределяет специфические особенности управленческого труда. Основные из них сводятся к следующему:

Умственный труд работников аппарата управления состоит из:

а) организационно-административной деятельности, включающей в себя прием и передачу информации, доведение принятых решений до исполнителей, контроль за их выполнением;

б) аналитической и конструктивной деятельности, которая предполагает правильное восприятие и оценку соответствующих решений;

в) информационно-технической деятельности, в состав которой входят документационные, формально-логические операции;

г) воспитательной деятельности, включающей в себя обучение персонала, воспитание его в духе ценностей и идеалов культуры, соответствующих стандартам поведения, формирование у них "корпоративного духа", т.е. высокой лояльности к собственной организации, ее достижениям и планам, программам развития [1].

В процессе перехода современного общества от индустриальной к постиндустриальной цивилизации во все сферы деятельности, а в первую очередь, - в управленческую, - вторгаются все более мощные пласты разнообразной, зачастую разноречивой информации. Это предполагает новый взгляд на старые проблемы и оперативную реакцию на новые, каждодневно возникающие проблемы. Остается мало времени для стереотипных выводов, возникает настоятельная необходимость разрешать постоянно возникающие проблемы, совершенствуя самую способность своевременного и эффективного их разрешения. Этот цивилизационный переход от одного типа общества к

другому, несомненно, более сложному и многогранному, означает одновременно резкое расширение значимости личности во всех сферах деятельности, а особенно в управлении, при одновременном расширении той сферы, в пределах которой личность должна принимать управленческое решение. Особенной остроты и значимости достигает эта проблема в тех обществах, которые совершают трудный и сложный переход от централизованно управляемой плановой экономики и тоталитарной системы руководства всеми сферами общественной жизни к социально ориентированной рыночной экономике и к демократической системе руководства и управления. В условиях глубокой социально-экономической, политической, духовной трансформации современного общества резко возрастает необходимость и значимость принятия эффективных технологических, социально-экономических, политических и иных управленческих решений во все более динамично изменяющихся условиях. Это, в свою очередь, требует развития способности управления социальной группой, организацией (фирмой, предприятием), социальным механизмом принятия и осуществления решений в соответствии со спецификой каждой решаемой проблемы.

Современное управление руководствуется несколькими основополагающими принципами. Наиболее существенные из них таковы.

1. Принцип органической взаимообусловленности и целостности субъекта и объекта управления. Управление как процесс целенаправленного и организующего воздействия субъекта (управляющей подсистемы) на объект (коллектив, организация, техническая система, информация и т.п.) должно составлять единую комплексную систему, имеющую одну цель, связь с внешней средой, обратную связь с внешней средой, обратную связь от цели к действию, направленному на ее достижение.

2. Принцип государственной законности системы управления организацией, фирмой, учреждением. Суть его такова: организационно-правовая форма фирмы должна отвечать требованиям и нормам государственного законодательства.

3. Принцип обеспечения внутренней правовой регламентации создания, функционирования и развития фирмы (организации, учреждения и т.п.). Вся деятельность фирмы должна осуществляться в соответствии с требованиями внутреннего устава (учредительного договора), содержание которого должно отвечать законодательству страны.

4. Принцип найма руководителя: в соответствии с ним решается вопрос - назначать или избирать руководителя. Это определяется содержанием деятельности, целей и задач организации.

5. Принцип единства специализации и унификации процессов управления. Специализация повышает его эффективность. Однако это не всегда можно использовать из-за низкой повторяемости управленческих процессов. Поэтому специализация должна дополняться универсализацией управления, выработкой общих методов.

6. Принцип многовариантности управленческих решений диктуется необходимостью осуществлять выбор одного рационального и эффективного решения из множества возможных, в том числе и альтернативных решений по выполнению функций системы и достижению ею поставленной цели.

7. Принцип обеспечения устойчивости системы по отношению к внешней среде. Устойчивость и стабильность управленческой системы определяется качеством стратегического управления и оперативного регулирования, приводящего к лучшей приспособляемости системы (организации) к изменениям во внешней среде, в том числе и к неблагоприятным.

8. Принцип мобильности процесса управления. Наряду с устойчивостью управление должно быть мобильным, т.е. быстро и без особых трудностей приспособляться к изменению внутренней среды организации и внешней среды - потребителей товаров и услуг, конъюнктуры рынка, к научно-техническим изменениям.

9. Принцип автоматизации управления. Чем выше уровень автоматизации управления, тем выше качество процесса управления и ниже затраты. Условием автоматизации управления является развитие унификации и стандартизации элементов управленческой системы, производства, специализации выполняемых функций.

10. Принцип единства руководства, сущность которого можно выразить так: в одной организации должны функционировать один руководитель и одна программа для совокупности операций, преследующих одну и ту же цель.

Знаменитый французский специалист в области теории управления А. Файоль отмечал, что дело не в недостатке или избытке принципов, а в том, что надо уметь ими оперировать. "Без принципов, - утверждал он, - мы во тьме, в хаосе; без опыта и меры, даже с наилучшими принципами, мы тоже в трудном положении. Принцип - это маяк, помогающий ориентироваться: служить он может только тем, кто знает путь в порт" [7; с.42]. А знать сущность принципов можно только на основе изучения теории, в том числе и социологии управления, которая оставляет широкое поле для творческой инициативы и самостоятельности руководителей в процессе осуществления ими управленческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманчук, Г.В. Управление - социальная ценность и эффективность / Г.В.Атаманчук. - М., 1995.
2. Бабосов, Е.М. Социология / Е.М.Бабосов. - Минск, 1998.
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М.Вебер. //Избранные произведения. - М., 1990. - Ч. 11.
4. Зайцев, Б.Ф. Система методов управления / Б.Ф.Зайцев. - М., 1989.
5. Кабушкин, Н.И. Основы менеджмента / Н.И.Кабушкин. - М., 2004.
6. Устюжение, Н.П. Социально - психологические аспекты управления коллективом / Н.П.Устюжение, Ю.А.Устюмов. - М., 1993.
7. Файоль, А. Общее и промышленное управление / А. Файоль // Управление - это наука и искусство. - М., 1992.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

ББК 60.0

П44

А. Д. ПОДВОЙСКИЙ

**МАТРИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ:
РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ**

Показано, что общий прогресс естественных наук, развитие кибернетики и вычислительной техники позволяют внести большую ясность в определение этических и философских понятий, по-новому взглянуть на взаимоотношения человека и машины, обнаружить общие подходы к их управлению, определить важность этических критериев в оценке выбора пути развития общества и прогнозирования его будущего.

За свою многовековую историю человечество не изобрело ничего, чему нельзя найти в природе в качестве аналога. Общее развитие науки и техники также позволяет уточнить многие понятия из описания человека и его жизнедеятельности. Так понятие «Дух» с открытием поля приобрело вполне конкретное определение материального носителя информации. Если не вдаваться в дебри нейрокибернетики мозга, а посмотреть на «хомо сапиенс» с точки зрения общей кибернетики, то человек – это тот же компьютер, выполненный на бионуклеиновой основе, только значительно более сложный, чем он, как структурно, так и информационно-алгоритмически.[1, с.190,197].

Управляет этой бионуклеиновой оболочкой базовая операционная система под названием «Душа», которая как утверждают материалисты «создана их величеством Случаем», а идеалисты - «Богом». В любом случае тело человека без души так же мертво, как и компьютер без операционной системы. Не вдаваясь в подробности авторства создания Души, для уточнения определения добавим, что душа, как и базовая операционная система в компьютере (например, «Linux») - это сложный алгоритм множества взаимосвязанных утилит (алгоритмов более мелкого масштаба), обслуживающий существование и поведение человека, подобно «Linux», обслуживающей поведение компьютера. В силу своей роли в обеспечении базовых возможностей человека и его автономности, как суперсистемы, Душа находится в подсознании человека и недоступна его прямому вмешательству, как недоступны к изменению утилиты базовой операционной системы «Linux» обычному пользователю. Доступ к этим утилитам имеет только ROOT (хозяин) или создатель (Бог).

Развитие кибернетики и последующая компьютеризация в техногенном обществе привели к расширению и уточнению понимания самого человека как суперсистемы с сопряжённым интеллектом, что по-новому определяет такое явление в человеке, как воля. Воля – способность концентрации внутренних ресурсов человека и внешних для него обстоятельств для достижения

поставленной цели. Наличие Воли предполагает самостоятельность в постановке цели или «Свободу воли», что по-новому позволяет взглянуть и на «сознание», как на самосовершенствующуюся надстройку-алгоритм, способный вырабатывать эти цели. Человек, как и любой объект Мироздания, как принимает (воспринимает) колебательные процессы, модулированные информацией, так и отдаёт (реагирует). При этом человек сам себя самоорганизует в зависимости от изменения воспринимаемой информации и сам воздействует на мироздание ответной информацией. [1, с.317]. Объём воспринятой и отданной информации определяет степень влияния объекта на Мироздание.

Все информационные потоки, поступающие на обработку как сознания, так и подсознания человека, можно рассматривать как колебательные, хотя есть потоки, которые идут через преобразователи информации — слух, обоняние, осязание, зрение [1, с.218], а есть такие, что воспринимаются напрямую. Так, напрямую человеческое подсознание получает волновую информацию от эгрегора и от того источника, что материалисты называют «их величество случай», а идеалисты — создатель (Бог). Эгрегор — резонансное явление (объединение) источников энергии, как по несущей частоте, так и по модулируемому содержанию (информационному наполнению). Особенностью эгрегора является то, что «источники энергии» работают не только на передачу, но и на прием, чем по принципу функционирования напоминают обычную компьютерную беспроводную сеть, «сервером» которой является эгрегор. Поэтому часть Сознания, являющейся эгрегориально-матричной надстройкой над его подсознанием, в силу своей важности в воздействии на волю человека выделена в отдельное явление – ПСИХИКУ.

То, что материальные источники информации на материальных же носителях приносят в суперсистему-человека нечто, способное изменить работу его алгоритмической системы, называется МЕРОЙ.

Единичное проявление меры – это осознанная человеком связь между причиной и следствием. «Осознанная» означает, что она может быть выведена на уровень лексики и технического описания (доказательно), а может оставаться во внелексических образах (описательно), но всё равно она остаётся мерой между причиной и следствием окружающего мироздания, обнаруженной и понятой человеком. Выявление элементарной причинно-следственной связи в информации, поступающей из окружающей среды, для человека и есть единица меры, аналогичная одному биту информации в информатике. Примеров единичных проявлений меры в нас самих и окружающем нас мире очень много: это и закон всемирного тяготения, и закон Ома и Пифагора. Однако мы живём в многомерном мире, где отдельные проявления меры сливаются в сложную взаимозависимую систему, описать и решить которую (сделать вывод или определить цель) возможно с помощью системы уравнений, каждый член которой – отдельное проявление меры. Решением таких задач в математике занимается линейная алгебра, которая определяет эту систему уравнений как

матрицу размером $M \times N$, где M — число уравнений, а N — число неизвестных в уравнении.

Пользуясь принятой в математике терминологией можно сказать, что каждого из нас окружает матрица из многомерья ощущаемого нами окружающего мироздания, которую мы решаем в темпе жизни и (если способны) с расчётом на перспективу. Матрица - проявление многообразия мер в окружающем нас многомерном мироздании.

Информационные потоки, которые поступают человеку (как суперсистеме, управляемой алгоритмом) через множество ощущаемых и не ощущаемых связей с окружающим его мирозданием, образуют матрицу окружающего пространства (аналогом матрицы в программировании называют «переменные окружения»).[1, с.240-241]. Матрица формирует воззрение человека на окружающий мир, его понимание взаимосвязей и взаимоотношений в нём, что преобразуется в общественную культуру общения, культуру мышления и поступков, формирующую мораль и в конечном итоге – нравственность.

В этой матрице окружающего пространства разум человека находит логические и статистические связи, производит анализ и синтез и, после обработки, вырабатывает ответную реакцию, выделяя её в виде информации в окружающий мир. Мало того, человек – единственное существо из живых существ на Земле, наделённое могучим разумом и интеллектом, позволяющим не только «обрабатывать входящую информацию» (познавать мир), реагировать на изменения, но и самостоятельно творить в мироздании, создавая искусственную ноосферу, которой нет в Природе. Особенно заметно это стало с началом индустриализации. С переходом в постиндустриальное общество изменение биосферы превратилось в головную боль человечества, поскольку информационная пресыщенность бытия облегчает возможность манипулирования людьми через создание искусственных матриц, запрограммированных на безнравственные цели. Произошло это потому, что создав на Земле свою ноосферу, человек отстранился от связи с Природой непосредственно. Главное, что у него осталось от связи с Природой – язык. Образы, выраженные в лексике (т.е. понятия, наделённые кодами-словами), осели в человеческом разуме в качестве системных языков мозга [1, с.320] и обмануть незамутнённый наркотиками мозг, использующий однозначность толкования слов и понятий практически невозможно. Но довести человека до необходимости принятия наркотиков и, тем самым самостоятельного «обрезания» своего умственного и нравственного потенциала, возможно разными способами. И наряду с другими способами матричное управление выполняет эту задачу. Объясним, как это делается.

1. На фоне общего насаждения в обществе гедонизма через СМИ производится ненавязчивая демонстрация «культурного» питья, курения и безнравственных поступков.

Здесь уместно вспомнить и утверждение врачей: «употребление алкоголя в малых дозах – полезно для здоровья», хотя «Этиловый спирт – легко воспламеняющаяся, бесцветная жидкость с характерным запахом, относится к

сильнодействующим наркотикам», (определение ГОСТ СССР от 26.12.1972г. №2329).

Это открывает путь к заикливанью на потребности в наркотике и ослаблению умственного и нравственного потенциала

2. Создаётся искажённая матрица окружающего мироздания, как заметил великий писатель-администратор М.Е.Салтыков-Щедрин, назвав это глумлением над жизнью: «Низведение великих явлений до малых и возвеличивание ничтожных явлений до великих — вот истинное глумление над жизнью». Сейчас это глумление приняло государственные масштабы и происходит повсеместно.

Передовым отрядом информационной матричной агрессии являются средства массовой информации (СМИ) [1, с.243-244] и система образования. При общем руководстве со стороны психологов, СМИ изменяют самую актуальную часть матрицы – языковую. Без участия психологов здесь нельзя обойтись, поскольку психология напрямую замкнута на информационное управление человека, исследует связи в поведении информационной связки «сознание+подсознание» («душа»), выявляет закономерности, устойчивость и корреляцию этих связей и вырабатывает рекомендации по программированию поведения человека и, следовательно, управления им как бы из уровня подсознания. (Так что самые древние хакеры — это психологи.)

Поэтому великий и могучий русский язык подвергается длительной и жестокой инквизиции. Из него выбрасывали буквы и правила, слова и выражения, отображающие понятия, которые нельзя выразить ни на каком другом языке, подменяли русские слова, несущие нравственно-этические образы, безнравственными и безобразными.

В данный момент идёт активная подмена понятия таких общественно значимых слов как «свобода», «равенство», «братство», «демократия», «экономика», «цель и смысл жизни», а также других ключевых слов матрицы бытия, «размывая» эти понятия «плюрализмом» трактовок и ложностью их понимания. Так, «перековывается» сознание человека. Но то, что находится в подсознании, родовой памяти, вытравить гораздо сложнее, и в результате возникает конфликт между тем, в чём человека убедили и тем, что он ощущает с уровня подсознания. Готовый рецепт для восстановления внутреннего равновесия подсказан предыдущим пунктом — употребить наркотик (водку).

Результатом такой «борьбы» за «восстановление внутреннего равновесия» является атрофирование отделов головного мозга, что нарушает природный алгоритм его функционирования, и на месте разрушенного природного алгоритма возникает другой алгоритм, спроектированный окружающей человека неадекватной (ложной) информационной матрицей. Процесс подавления адекватного восприятия матрицы бытия сопровождается созданием и накачиванием соответствующих «эгрегоров», которые придают уверенность в правильности искажённого восприятия мира.

Происходит это потому, что вписанная в ложную матрицу группа людей, пришедших в результате такого вписывания к объективно неверным решениям,

создают общность, автоматически порождающую коллективный эгрегор, который укрепляет уверенность каждого и незаметно подменяет собой голос совести. В результате этого каждый член общности (и эгрегора) уверен, что поступает правильно, даже не задумываясь об объективности оценок своих поступков.

В этом особая опасность матрично-эгрегориальной формы управления: находящийся под её влиянием человек не осознаёт своей ущербности и САМ принимает решения, нужные составителям матрицы, или САМ не противодействует действиям и решениям, наносящим ему вред. Это устойчивый способ управления толпой, поскольку каждый индивид воспринимает навязанную извне ошибку, как своё собственное правильное решение.

Иллюстрацией первого тезиса современной системы построения матриц может служить решение индивида закурить, поскольку это делает его кумир – «ковбой Мальборо». Участие в выборах 2004-2005гг. показало, что основным аргументом в адекватности выбранного кандидата чаяниям избирателей является уверенность, что «если мы его выберем, то он нам должен». Эта ложная установка «должен» - результат работы декораторов по постановке спектакля «демократические выборы». Сломать этот стереотип поведения призывом включить мозги и подсчитать самостоятельно, кому и сколько кандидат должен, как правило, не удаётся. Не потому, что мозгов нет, а потому что через «психологический замок» (созданный матрицей в сознании) этот призыв воспринимается как посягательство на личное мнение, и здесь срабатывает линия поведения из другой матрицы, в которой нас воспитывают с детства – матрицы гедонизма и эгоизма. Вот так многие, желая, «как лучше», и получая, «как всегда», с недоумением и надеждой, но уверенно ползут в сторону кладбища.

Например, в наше общество и систему образования активно внедряют замену русского понятия «терпимость» на западное «толерантность». Ставить знак равенства между этими двумя понятиями нельзя, так как нравственно-этическая сторона этих слов несовместима. Проявлять терпимость, глядя на издевательства над Природой и здравым смыслом можно до определённой меры. А толерантность — это прививка полной нечувствительности к издевательствам над Природой и здравым смыслом. Толерантные не способны создать атмосферу осуждения к этим нарушениям, что способствует подрыву Вселенской (Божией) этики и общественной нравственности.

Система же тестовой оценки знания, скопированная с «Болонской», оставляет человека на уровне биоробота, поскольку развивает в нём не методологию познания, а технику запоминания калейдоскопа фактов на время экзаменов, не развивая технику увязки этих фактов в единую причинно-следственную мозаику бытия.

Алгоритм работы всех перечисленные выше примеров возможен только в условиях множественности этических оценок одного и того же события - «плюрализма» с позиций разных вер в разных «богов» или полного безверия и

назначения «богом» себя, любимого. Такое развитие событий стало возможно благодаря неразвитости (ущербности) философии в вопросах вселенской этики и нравственности.

Описывая тупики и проблемы техногенного общества, философия обходит молчанием нравственно-этическую сторону проблем, хотя именно эта сторона определяет целеполагание процессов, создающих тупики. Никакая «рационализация» и «рациональность» не могут существовать вне нравственно-этической целеустремлённости участников этих процессов. Определение современными философами понятия «техногенный», как прилагательного к существительным общественной природы, не включают в рассмотрение этических и нравственных движущих мотивов (что и отличает человека от робота или животного). Это обстоятельство сразу же опускает рассмотрение вопросов с философского уровня на уровень обсуждения технических вопросов конкретных естественных наук. [3, с.2]. Российское общество развивается в объёмлющем его глобальном процессе постиндустриализации и должно брать из этого процесса только лучшее. И вина российской школы философии и социологии состоит в том, что она не является «камертоном» в выборе целей и путей развития всех наук, а плетутся в хвосте глобализации, подсчитывая издержки и пытаясь предугадать последствия принятых без них решений. Избежать дебилизации человека может только диалектика, основанная на вселенской, единой для всех этике и на мировоззрении, способном привести к слову, равному для всех (согласию по истине).

Этика Мироздания (Бога) - едина для всех, и только она может служить объективной оценкой прогресса общества в сторону праведности и процветания общества, называемые в историческом плане то «царством Божьим на Земле», то коммунизмом. Основана она на синергетической связи понятия воли человека с понятием «свобода». Именно она позволит наполнить конкретным содержанием меры понятия добра и зла, к которым призывает Н.Винер: «И до тех пор, пока мы хотя бы в малейшей степени сохраним то нравственное чутье, которое позволяет различать добро и зло, применение великих сил нашего века в низменных целях будет в морально-этическом плане совершенно равнозначно колдовству и симонии» [2, с.19].

На соответствие этой ЭТИКЕ необходимо проверить слова, решения и действия по управлению обществом как в России, так и во всём Мире. Только так можно выйти из лабиринтов множественности нравственных оценок к определённости и однозначности оценки правильности развития человечества на Земле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винер, Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Н.Винер. – М., 1983.
2. Винер, Н. Творец и робот / Н.Винер. – М., 1966.

3. Дергачёва, Е.А. Техногенное общество: новые грани исследования / Е.А.Дергачева. – Брянск, 2010.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

ББК 307 72.3 87.22

Н.В.ПОПКОВА

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ СЕГОДНЯ

Рассмотрены современное положение философии и выполняемые ею социальные функции. Показано, что философия находится в кризисе, и перечислены его причины и пути выхода из сложившегося положения. Определены основные характеристики философии техники и решаемые ею задачи.

Философия техники – это «область философских исследований, направленных на осмысление природы техники и оценку ее воздействий на общество, культуру и человека» [7, с.236]. Возникла она во второй половине XIX века; термин ввел Э.Капп в работе «Основания философии техники» (1877 г.). Среди ее основоположников были И.Бекманн, Ф.Бон, Ф.Дессауэр, Ф.Рело, А.Ридлер, А.Эспинас. Отдельные виды и аспекты техники изучаются разными научными дисциплинами, но лишь философия техники исследует феномен техники в целом. Разработки философии техники используются в ряде научных дисциплин (история техники, методология технических наук, проектирования и инженерной деятельности) и при решении прикладных задач (гуманитарная оценка техники, определение основ научно-технической политики и т.п.).

Только в 60-е годы XX века философия техники стала приобретать статус философской дисциплины, цель которой – «переход от анализа структуры и динамики технического знания, от проблем методологии технических наук, с одной стороны, и от абстрактно-метафизических рассуждений о технике – с другой, к комплексному, междисциплинарному анализу техники как многоаспектного и противоречивого фактора развития человеческой цивилизации» [6, с.443].

К концу XX века оформляется современная проблематика философии техники, разрабатываются синтетические программы исследования техники в ее социально-политическом, этическом, эстетическом, аксиологическом контекстах. Анализ собственно техники сегодня дополняется исследованием гуманитарных и социальных проблем, связанных с техникой и ее развитием. Постепенно развиваются методы прогнозирования развития техно-экологических систем, вырабатываются критерии их оценки; закономерно был поставлен вопрос о пределах технического развития (как объективных, вызванных нехваткой природных ресурсов, так и субъективных, вследствие антропологического кризиса), а цивилизационные противоречия стали рассматриваться как последствия неуправляемого технологического развития. Признание необратимости и неизбежности прогресса соединяется с разработкой стратегий совершенствования техники, минимизирующих разрушения природной среды. Наверное, главным вопросом философии

техники стал такой: возможно ли техническое развитие, не вступающее в противоречие с сохранением природы и культуры? [6, с.443-446] Ответы на него и составляют основу многочисленности предложенных подходов. Было показано, что традиционные представления о технике как объекте, порождаемом деятельностью людей и управляемом ею, не могут объяснить ни возникновение и нарастания негативных последствий технологической деятельности человека, ни бессилия человеческой мысли нейтрализовать эти последствия в глобальном масштабе [4, с.7-100]. Приводились примеры того, как отсутствие отрефлексированности дискурсов, применяемых при обсуждении техногенных проблем, и несогласованность философских концепций завершаются противоположными выводами относительно нынешнего положения человечества и его перспектив, а также (что гораздо опаснее – если не для человечества, то для философии) противоположными практическими рецептами разрешения глобальных проблем современности. Какие же из этих программ воплощать? Или все вместе или (как и происходит в реальности) ни одной – до тех пор, пока философы сами между собой не договорятся.

Необходима систематизация основных концепций в этой области (включая артикуляцию неосознанных представлений): выделение философских подходов, их сопоставление и анализ их методологических оснований, вплоть до выявления принципов, лежащих в их основе. Рассмотрение этих подходов будет сопровождаться их методологической реконструкцией (если их онтологические и гносеологические предпосылки еще не были выявлены) и координацией используемых ими методов. Также выделенные философские подходы следует сопоставить и проверить на способность дополнять друг друга внутри единой концепции. Должны быть также выявлены противоречия между этими подходами, обоснованы границы их применения.

Допустим, мы получим представление о том, как видят философы причины сегодняшнего положения дел с технической реальностью. А зачем это нужно? Разве философы являются властителями дум в средствах массовой информации? Разве к ним прислушиваются власть имущие, принимая судьбоносные решения? Наконец (перейдя к современной прагматической аргументации), разве люди, избравшие профессию философа, сумели показать пример успешного устройства собственной судьбы, чтобы придать своим суждениям о судьбе человечества цену в глазах тех, кто ценит лишь успех, подтвержденный материально? Эти вопросы задаются достаточно часто и заслуживают того, чтобы ответить на них. Сформулируем все, что можно сказать в защиту важности философского дискурса для современной цивилизации в целом и философии техники – в частности. Перечислим, что дает философия человеку и обществу... и проверим, востребовано ли большинством людей то, что она может дать.

Среди социальных функций философии упоминаются:

- 1) *мировоззренческая* – философия помогает формированию у человека мировоззрения с минимальным количеством пробелов,

противоречий и предрассудков, для чего она стремится обобщить достижения всех областей культуры и довести их до сознания людей, подвергая критике стереотипы и предрассудки, помогая осмыслить проблемы, стоящие сегодня перед человечеством, и найти пути их решения;

2) *методологическая* – она помогает науке в формировании мировоззренческих основ и проверке методов исследования, изучает вопросы, относительно которых опытное познание невозможно, и способствует гуманизации науки, повышению в ней роли нравственных факторов.

Но эти доводы принимаются во внимание только теми, кто уже философски подготовлен. Подавляющее большинство людей не считают нужным совершенствовать собственное мировоззрение, будучи вполне им довольными. И уж во всяком случае, критерием правильности мировоззрения все чаще служит высокое положение его носителя или частое появление на телеэкране: именно у «звезд» и знаменитостей люди еще готовы поучиться, мечтая приблизить свою жизнь к их высотам потребления, но что хорошего (согласно общему мнению) можно ждать от кабинетного затворника – «бюджетника», который не может похвастаться (в отличие от ученых) разработанными технологиями? Если даже наука, несмотря на свою роль поставщика технологий, уходит в массовом сознании (и в бюджетном финансировании) на второй план [5, с.281-287], то миссия философа этой науке помогать (с которой далеко не все ученые соглашались) тем более не заслуживает признания и не приносит философии дополнительного престижа. Следовательно, перечисленные доводы недостаточны.

Но ведь изучает философию не общество в целом, а отдельные люди. Их всегда было мало, они всегда сталкивались с непониманием (вспомним судьбы Сократа, Анаксагора и других), но это не мешало философии развиваться, а потомкам – отдавать должное этим мыслителям. Почему же именно сегодня ширятся разговоры о скорой смерти философии [5, с.329-346]? Жалуясь... нет, не на скудную оплачиваемость своей профессии (это было бы недостойно настоящего искателя истины), а на ее малую престижность и отсутствие широкого общественного интереса, философы не учитывают того, как им, если посмотреть с другой стороны, повезло. Ведь именно благодаря перечисленным факторам в философию идут только те, кто ее действительно любит и ради любимого дела готов пожертвовать многим. Сообщество людей образованных, бескорыстных и воодушевленных высоким идеалом истины – вот что такое сообщество профессиональных философов сегодня, в отличие от того, что мы видим во многих других областях, в которых приложение труда хорошо оплачивается в финансовом и социальном смысле и в которые поэтому рвутся не из любви к делу, а в погоне за известностью и достатком. Среди философов мы не увидим ни беспринципных карьеристов, ни усаженных на «теплое местечко» детей богатых родителей, ни привлеченных возможностью «легких денег» болтунов и бездельников. О подобном отборе на профессиональную

пригодность, о столь высоком соответствии между известностью и заслугами во многих других профессиях остается только мечтать. Выбирая из двух зол, в свете развития философии следует предпочесть ее нынешнее скромное положение громкой славе и неизбежно следующим за нею скандалам. Конечно, хотелось бы получить все одновременно... но не философу позволительно питать подобные розовые мечтания.

Зачем же изучение философии нужно отдельным людям? Самый главный аргумент – это интересно, это захватывает и заставляет забывать о времени и более материальных нуждах. Но этого аргумента мало: мастера обоснований и определений должны и для своего занятия найти более серьезные аргументы. Можно перефразировать известный афоризм о свободе и заявить: если человек спрашивает, зачем ему нужна философия, значит, он еще не дорос до нее. Но слова действуют лишь на того, кто прислушивается к словам: иначе ответы любой степени остроумия пропадут неслышанными. Итак, что может философия предложить человеку из того, что он желает и, увы, не может получить? Отдельные люди, изучая философию, формируют у себя *философскую культуру*. Во-первых, философски образованный человек защищен от суженности сознания: как известно, именно так специализация и узкая область деятельности может воздействовать на внутренний мир любого специалиста, обедняя и искажая его. Именно философская культура помогает адекватно воспринимать реальное место своей профессии и ее методов на общечеловеческом фоне, а также учит пользоваться ее принципами и допущениями, но не считать их единственно возможными и не «зацикливаться» на одной идее. Во-вторых, при занятиях философией вырабатывается владение навыками критического мышления, что дает возможность сформировать собственное миропонимание, а не стать жертвой обработки сознания, проводимой средствами массовой информации. В-третьих, изучение философии должно преобразовать стихийно сложившиеся взгляды в продуманное, обоснованное мировоззрение. Оно может включать как выверенные взгляды, так и предрассудки; разумеется, никакая философская культура не гарантирует абсолютного отсутствия подобных ошибок, но лишь она может свести их к минимуму. И, наконец, философски культурный человек владеет трудным умением жить в заведомо несовершенном мире и не разочаровываться в своих идеалах, видя трудность их воплощения, не изменять своим ценностям под влиянием окружающих. Итак, философия может научить: выдвигать и обосновывать собственные суждения, анализировать и критиковать чужие, отделять существенное от второстепенного, раскрывать взаимосвязи и выявлять противоречия, соотносить факты с идеалами, а значит – видеть действительность в ее развитии. Она необходима для понимания жизни в ее полноте.

Но... многие ли хотят все это получить? Не поощряются ли сегодня скорее бездумное отношение к будущему и погоня за удовольствиями? И опять-таки: если человек захочет углубить свои знания о реальности, обратится ли он к философии или выберет что-нибудь более известное и популярное – одну из

окультных или религиозных систем? Ведь они, обещая ответить на все вопросы и направить на верный путь к вечному счастью, обладают для массового сознания по сравнению с философией огромным преимуществом – дают ответы однозначные и категоричные. Не всегда человек догадается сопоставить утверждения разных пророков и задуматься над их расхождениями... А философ честно отвечает, что по данному вопросу были высказаны следующие мнения, расхождения между ними такие-то, споры продолжаются... и здесь слишком многие люди, воспитанные на категоричности идеологий, отвернутся с разочарованием: выходит, эти философы еще между собой не договорились, поэтому зачем к ним прислушиваться! Чем же философия прельстит современного человека? Она (идя по следам естествознания и не решаясь забегать вперед в исследовании неведомого) уже не может претендовать на близость к некоей высшей реальности; она (наученная горьким опытом) не дает рецепты счастья... Куда же несет ее ход исторических событий? Лингвистический поворот, ожидавший философию в XX веке, призвал ее ограничить свои претензии прояснением мыслей людей, проверяя не то логическую безупречность их рассуждений, не то правильное понимание ситуационного значения слов. В чистом виде эти исследования интересны только немногим; но если привести методологическую строгость в анализ тех современных проблем, вокруг которых накопилось столько словесной мути и эмоциональных перехлестов, философам будут благодарны многие люди, этими проблемами занимающиеся профессионально. Итак, философии нечего предложить тем людям, которые еще не захотели думать самостоятельно и довольны присоединением к очередному «единственно верному» учению. Но тот, кто захочет самостоятельно разобраться в хитросплетении мнений и программ, именно от философов прошлого сможет научиться методам анализа различных точек зрения и тому, как много их, самых неожиданных, можно высказать даже по общеизвестным вопросам; а философы настоящего предложат ему отточить это умение, выдвигая все новые гипотезы (чья безумность, если верить Н.Бору, неотделима от их истинности).

Допустим, философия так и не найдет ответ на свои «вечные вопросы», такие, как вопрос о бессмертии души или смысле жизни. Но является ли это единственной целью философствования? Не принесет ли пользу, скажем, опровержение и отсеивание неверных ответов на столь важные мировоззренческие вопросы? Ведь люди все равно продолжают их задавать, и если философия будет молчать, ответят другие – и весьма уверенно: недаром современная эпоха характеризуется, помимо расцвета науки, расцветом всевозможных сект и оккультных доктрин. Не взаимосвязаны ли эти явления? А обращается к проверке традиционных ответов все больше людей, осознавая, что привычный путь к благосостоянию может завести в никуда. Именно в современную эпоху, когда человечество ощущает, что старый путь развития заканчивается, а новый еще не найден, роль философии становится особенно важной: «Наступила пора раздумья – того раздумья, которое, не останавливаясь

на поверхности жизни и на текущих вопросах сегодняшнего дня, направляется вглубь... Все подлинные, глубочайшие кризисы в духовной жизни могут быть преодолены только таким способом. Когда человек заплутался и зашел в тупик, он не должен продолжать идти наудачу, он должен остановиться, призадуматься, чтобы вновь ориентироваться в целом» [9, с.17].

Даже необеспеченная подтвержденность философских концепций может рассматриваться не как недостаток, а как дополнительное преимущество: современный человек, оберегая свою свободу и даже моральные нормы готовый отвергнуть за их всеобщность, в частном философском проекте увидит возможность проявить «теоретический героизм» (по словам Х.Ортега-и-Гассета) и желанный повод противопоставить личное мнение общепринятому. Кто еще идет «не в ногу» в большей степени, чем философ в «обществе потребления» или в стремящемся к такой мечте «обществу недопотребления»?

Итак, в настоящее время перед философией стоят задачи:

1) синтез научных знаний и культурных ценностей, их систематизация и доведение до сознания людей, а также методологическая и мировоззренческая поддержка процессов гуманизации науки и техники;

2) оценка систем ценностей, рожденных нравственным, эстетическим, религиозным сознанием, обоснование их без обращения к авторитетам и стремление согласовать их друг с другом и с реальностью;

3) помощь в овладении критическим мышлением, критика стереотипов и предрассудков и постановка вопросов, на которые нельзя дать ответа, чтобы человек всегда помнил, сколь многого он еще не знает.

Не выдвигая собственных мнений на эти вопросы (или выдвигая их в той мере, в какой конкретный философ является специалистом в других областях, кроме философии), следует проанализировать точки зрения, высказываемые в околонучной полемике, и расчистить интеллектуальную атмосферу современного общества от необоснованных предложений. В частности, когда идет обсуждение характеристик современного общества и путей его развития, именно философ сможет подняться над разногласиями интересов и предпочтений и показать, насколько научные теории действительно являются научными. Такая роль мировоззренческого ОТК может показаться слишком скромной философу, уверенному в своем праве обсуждать любые вопросы и выдавать окончательные ответы. Но с подобными претензиями следует распрощаться надолго: подобно пенсионеру, «сокращенному» с места многолетней работы, философии придется снова учиться выживанию в современной культурной (или, скажут многие, бескультурной) среде. Не будем спорить, оправдано ли случившееся: будем помнить, что право судить реальность признается не за побежденными, а за победителями. Философия снова завоюет свое место: в отличие от Сократа, ее приверженцам уже не грозит смерть, зато бороться придется с невниманием и насмешкой.

А теперь применим эти положения при анализе частного вопроса: выясним, чем поможет разрешению современных проблем философия техники. Одним из факторов, делающим современную эпоху непохожей на все предыдущие, является беспрецедентное развитие технической реальности. Именно она изменяет все, с чем человечество имело дело прежде и к чему приспособлялось с помощью традиционных философских и религиозных систем. Теперь это приспособление, это осмысление реальности следует начинать заново, потому что техникой изменено все – общество, мораль, искусство и сам человек. Необходимо и философское осмысление техники в ее новом облике.

Существует философская дисциплина, которая ставит целью исследование подобных проблем: «Философия техники – уже установившееся название одного из направлений современной философской науки, призванного исследовать наиболее общие закономерности развития техники, технологии, инженерной и технической деятельности... а также место их в человеческой культуре вообще и в современном обществе в частности, отношения человека и техники, техники и природы, этические, эстетические, глобальные и другие проблемы современной техники и технологии» [3, с.5]. Поскольку эта дисциплина еще очень молода, перед ней простирается неисчерпаемое поле исследования. Что касается определения основных этапов развития техники или аспектов взаимодействия науки и технологии, существующие исследования достаточно полны. Но вопросы взаимодействия техники с такими далекими от нее областями, как искусство и мораль, но определение меры ее ответственности за глобальные проблемы современности и меры надежды на то, что с ее помощью удастся эти проблемы решить, – все это исследовано недостаточно. Высказывались эмоциональные восхваления позитивному влиянию техники на человеческую жизнь, а также – и чем дальше, тем больше – столь же эмоциональные утверждения того, что это влияние негативно. Трезвый философский анализ проблемы принес бы пользу для прояснения духовной ситуации современности. Автор уже показывал, что следует подвергнуть исследованию воздействие техники на человека и общество; выявить изменения, которые претерпели по ходу ее развития политика, наука, мораль и искусство; ввести само существование современных глобальных проблем в картину исторического развития человечества. *Объект* философии техники – «техника, техническая деятельность и техническое знание как феномен культуры», *предмет* – «развитие технического сознания, рефлектирующего этот объект». Если история техники исследует изменяющиеся технические объекты, то философия техники ищет их внутренние смысловые связи, формирующие их единство. Главная задача этой дисциплины – «исследование технического отношения человека к миру» [2, с.1108-1110]. Но и здесь следует проявить философский скептицизм, спросив: а может ли философия техники исполнить обещанное?

Как философия в целом, увлекаясь временно беспроектной, но в дальней перспективе губительной привычкой повторять научную методику (и в

результате получать выводы хотя и неопровержимые, но вторичные и малоинтересные), стремительно утрачивает власть над умами, так и философия техники запутывается в массе исследований частных случаев, теряя критический потенциал и внимание людей. Аргументы тех, кто отворачивается от философии, выглядят логично: зачем перечитывать то, что свежее и ярче написали сами ученые? Разве философы в течение XX века выдвигали новые модели мироздания? Нет, это делали ученые – В.И.Вернадский, С.Хокинг, И.Пригожин и другие. Такова плата за мечту о безошибочности. Видимо, частные проекты – как мировоззренческие, так и экономические – обречены на риск. Тому, кто боится высказать «безумную идею», лучше найти себе другую область деятельности. Гениальные идеи рождаются так же, как и ошибочные, – в дерзновении. Тот, кто их выдвигает, должен быть готов к любой критике и в обличении своих ошибок. Именно на этом пути возможно привлечь внимание к философии и вернуть жизнь в ее споры: не боясь ошибаться, философ дойдет до истины. Но для того, чтобы прислушались к этим концепциям, придется временно ограничить свои притязания и показать потенциал философии на чужих условиях. Такие проблемы, как «вопрос о природе техники в контексте ее взаимоотношения с человеком и природно-космической реальностью» и «соотношение природы человека и природы техники», как «выявление внутренней логики технического прогресса» и определение «опосредованного воздействия техники на выбор исторического пути развития» [10, с.44-46], обсуждаются сегодня многими людьми. Разве останется незамеченным трезвый анализ философа, не проповедующего свое мнение (на взгляд людей, далеких от философии, их собственные мнения ничуть не хуже), а убедительно показывающего позитивные и негативные стороны привычных точек зрения? Но для того, чтобы приступить к этой работе, придется преодолеть некоторые внутрифилософские трудности. Философия техники не является исключением среди других философских дисциплин и в том, что ее представители ведут ожесточенные споры, взаимно отказывая друг другу в праве на почетное звание исследователя. Непримируемость споров не смягчается обилием фактических данных в анализируемой области.

Как правило, выделяются два направления философии техники:

1) *инженерное* – обращает внимание в основном на причины формирования искусственного мира (возможности технической деятельности человека, ее закономерности и т.п.), при этом подчеркивает искусственную сущность технических объектов как результатов целенаправленной активности людей (и, следовательно, показывает расширение возможностей человечества по ходу технического прогресса);

2) *гуманитарное* – обращает внимание на значимость техногенных факторов в человеческой жизни (воздействие технологического развития на социальные структуры и культурные процессы), исследует артефакты во многом как естественные объекты, то есть не управляемые человеком и требующие своего освоения

(теоретического осмысления и даже практического приспособления), что приводит по мере технического роста не к освобождению людей от внешней детерминации, а к смене одних форм зависимости другими.

Эти два направления долгое время оставались несовместимыми. Специалисты в области техники с конца XIX века рассуждали о техническом развитии и его закономерностях, упрекая оппонентов в анитехницизме и незнании технических дисциплин; философы-гуманитарии вместо подробного анализа били тревогу, перечисляя неожиданные и нежеланные изменения, вызванные внедрением технологий в социокультурные процессы. Не сразу пришло понимание того, что философия техники как «теоретическое, концептуально выраженное размышление о техническом прогрессе, технике, ее... потенциале, благоприятном либо неблагоприятном, для будущего» не должна сводиться к техническому знанию. Рассматривая технику как «продукт человеческой цивилизации», она пользуется «внетехническим подходом к проблемам техники» и приходит к «критическим обобщениям исторического опыта развития и использования техники обществом» [8, с.5-6]. Не сама техника подвергается критике, а то, как ею пользуется человек, и даже не отдельный человек, а общество, чьи практики далеко не всегда рационально обоснованы и выбраны за максимальную эффективность. Критикуют философы «характер современной связи человека с миром» [8, с.9]. И расширяющееся мнение о неправильности пути, выбранного цивилизацией, следует не отбрасывать, а анализировать: если люди чувствуют себя бессильными игрушками технической стихии, это на чем-то основано.

Только в 60-е годы XX века философия техники стала приобретать статус философской дисциплины, цель которой – «переход от анализа структуры и динамики технического знания, от проблем методологии технических наук, с одной стороны, и от абстрактно-метафизических рассуждений о технике – с другой, к комплексному, междисциплинарному анализу техники как многоаспектного и противоречивого фактора развития человеческой цивилизации» [6, с.443]. К концу XX века оформляется современная проблематика философии техники, разрабатываются синтетические программы исследования техники в ее социально-политическом, этическом, эстетическом, аксиологическом контекстах. Под осмыслением сущности техники имеется в виду «попытка ответить на вопросы о природе техники; об отношении техники к другим сферам человеческой деятельности... о возникновении техники и этапах ее развития... о влиянии техники на человека и природу, наконец, о перспективах развития и изменения техники» [7, с.236]. Одна из важнейших задач философии техники – «изменить устаревшее и пришедшее в противоречие с новой реальностью представление о техническом прогрессе как о революционном поступательном процессе» [2, с.664]. Почему же немногие знают о современных разработках в этой области? По словам Г.М.Тавризян, с тех пор, как в философии техники стали преобладать «исследования специалистов, касающиеся отдельных областей техники», эти работы перестали

волновать умы. Пускай в середине XX века такие философы, как М.Хайдеггер и К.Ясперс, по словам Г.Рополя, рассуждали о технике «бегло и непоследовательно»; но эти рассуждения оказали заметное воздействие на мировоззрение их современников. Сегодня же специалисты (прежде всего из Союза немецких инженеров), стремясь преодолеть «одностороннее, пессимистическое и фаталистическое рассмотрение техники» и ради этого полемизируя со сложившейся интеллектуальной традицией, добились того же результата, что и представители аналитического направления философии в целом. Их работы, быть может, методологически безупречны, но кто их читает? Ф.Рапп, Г.Рополь, А.Хуниг, В.Циммерли и другие представители «новой философии техники» 70-80-х годов XX века известны только специалистам. Уверая, что только идеалистическая и спекулятивная философия рассуждает о «моральном и метафизическом статусе» техники, и решая конкретные вопросы (такие как построение «инженерной этики»), технические специалисты отказываются от главной цели философии – стремления «связать проблемы техники как таковой» с мировоззренческими изменениями в современном мире. Их «изумительно успешные аналитические пируэты», по словам Х.Сколимовски, не отвечают потребностям тех, кто критически оценивает цивилизацию в целом и призывает придать ей «иные, более человеческие черты [8, с.14-18]». И снова «встает на повестку дня давний... философский вопрос о том, что есть человеческое». С каждым десятилетием обнаруживается парадоксальный разрыв между растущей технологической мощностью и незащищенностью человека от природных и технологических катастроф. Очевидно, представители таких направлений, как экзистенциализм и философская антропология, «внесли не менее существенный вклад в становление и углубление той сферы знания, которую мы сейчас объединяем под названием «философия техники», чем специализированные технические дисциплины». Дилемма между технической цивилизацией и гуманистической культурой ускользает от анализа той философии техники, которая стремилась стать «сциентистской дисциплиной». Нужна помощь в «саморефлексии общества», в заложении основ нового мира [8, с.20-23]. Те концепции «культуркритики», которые Г.Рополь считал пережитками романтизма, сегодня возвращаются на интеллектуальную арену; упреки в адрес техники, в середине XX века являвшиеся уделом одиночек, все чаще попадают в программы общественных движений и в предвыборные речи политиков. От факта нельзя отмахнуться – в том числе и от факта растущей технофобии.

Поэтому не вызывает удивления порою встречающийся отказ от выделения особой философии техники. Так, С.И.Шлёкин связывает «стремление применить философию ко всему, что становится предметом ее внимания», с вмешательством философов в частные науки, с их претензией «оценить все и всех одной меркой» – мировоззренческой. Хотя техника и требует «философского осмысления и критики», она, считает С.И.Шлёкин, не нуждается в философии как в посреднике в «разрешении ее сугубо профессиональных проблем». Указывается на нежелательность «компиляции

философии и техники», на то, что культурные аспекты техники можно исследовать в рамках культурологии, социальные аспекты ее использования – в рамках социологии и т.д. Говорится, что для исследования «историко-культурных и социологических проблем формирования и функционирования техники» не нужны философские категории, да и социальную оценку техники не обязательно «давать с философских позиций». Лишь те проблемы, которые требуют «аксиологических уровней познания» (например, анализ «факта фетишизации техники» или выявление «гуманистической меры научно-технического прогресса»), «разрешимы в границах философии». С.И.Шлёкин утверждает, что техника как среда обитания человека «может быть предметом исследования социологии, техническая деятельность – психологии», а конкретные проблемы будут решаться техническими науками. Зачем же «помещать технику в прокрустово ложе философской интерпретации»? [11, с.5-11] Зачем философу обращаться к области, где он некомпетентен?

На эти упреки трудно будет ответить именно представителям сциентизированного направления философии техники, которые, отказываясь от всего «ненаучного», делают излишними себя самих. Но в рамках иных направлений, вспомнивших, что именно человек – основная ее тема, и исследующих причины и следствия избранного человеком отношения к миру, философия снова найдет свою нишу. Действительно, техника сама по себе в философском анализе не нуждается. Философия появляется там, где человек отказывается элиминировать себя из картины мира и ищет не отвлеченную истину, а правильные пути. Философы будут изучать техническое отношение к миру, техническое сознание и вырабатывать методы его гуманизации; преобразование техники последовало бы автоматически, если бы эту задачу удалось разрешить. Человек – творец техники... и он же – ее творение, как воспитанник техногенной цивилизации. Но понимание философского исследования техники как промежуточного этапа к получению практических рекомендаций нуждается в дополнении. Очевидно, в современном обществе создаются и действуют социальные механизмы непрерывного научно-технологического развития, которые ведут к постоянному усилению технической реальности помимо сознательно сформулированной потребности людей в дальнейшем ее росте. Поэтому даже при выведении теоретически обоснованных стратегий нейтрализации негативных аспектов техники далеко не всегда они смогут оказать воздействие на реальность. Обращенные к сознанию людей предписания (даже при решении проблем их аргументации и распространения) способны изменить лишь действия небольшой группы людей, поведение которых определяется самостоятельно принятыми решениями. Большинство идет за общепринятыми мнениями, а они по определению не будут ни философскими, ни научными. Философия техники пытается ответить на вопросы:

- 1) как происходит формирование искусственной, техногенной среды:
  - а) какую роль в нем играет сознательный фактор;

б) какова степень активности социокультурных факторов, сформированных господствующей технической рациональностью и передающихся людям помимо аргументированных объяснений;

в) какова динамика соотношения позитивных и негативных воздействий техник на качество человеческой жизни и какие критерии здесь применимы – объективные (рост экономики) или субъективные (усиливающиеся пессимистические предсказания «конца света»);

2) каковы основные характеристики техногенной среды:

а) каково их соотношение с ведущими свойствами человеческой сущности и главными принципами самоорганизации природы;

б) в чем проявляется автономность искусственного мира;

в) существовал ли исторический этап, на котором техника являлась полностью управляемой и соответствовала ожиданиям создателей, и был ли на пути технического прогресса сделан неверный выбор;

3) существует ли зависимость между технологическим ростом и наблюдаемыми в современную эпоху негативными для жизни людей трансформациями как естественной среды, так и социокультурной сферы:

а) каково влияние техногенной среды на природу и можно ли говорить о наличии на Земле единого процесса социоприродного развития;

б) каков механизм воздействия техногенной среды на социальные и культурные системы и существуют ли способы его нейтрализации;

в) какой из известных способов детерминации жизнедеятельности людей – биосферный или техносферный – больше отвечает потребностям человеческой сущности и гарантирует существование биосферы.

Единого мнения здесь ожидать не приходится. Поэтому тех, кто занимается философией техники, ждут удивительные интеллектуальные открытия и чувство важности проводимого анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горохов, В.Г. Научно-технический прогресс / В.Г.Горохов // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
2. Горохов, В.Г. Философия техники / В.Г.Горохов // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
3. Горохов, В.Г. Введение в философию техники / В.Г.Горохов, В.М.Розин. – М., 1998.
4. Попкова, Н.В. Антропология техники: Становление / Н.В.Попкова. – М., 2009.
5. Попкова, Н.В. Философская экология / Н.В.Попкова. – М., 2010.
6. Порус, В.Н. Философия техники / В.Н.Порус // Современная западная философия: Словарь. – М., 2000.

7. Розин, В.М. Философия техники / В.М.Розин // Новая философская энциклопедия. – Т.4. – М., 2000.
8. Тавризян, Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации» / Г.М.Тавризян. – М., 2009.
9. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л.Франк. – М., 1992.
10. Чешев, В.В. Техническое знание / В.В.Чешев. – Томск, 2006.
11. Шлёкин, С.И. Техника: Современные проблемы развития / С.И.Шлёкни. – М., 2010.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

ББК 87.6

А.Ф.САЗОНОВ

В.В. РОЗАНОВ И ЗАГАДКА РУССКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Приведены некоторые аргументы в пользу установления достаточно солидного памятника в г. Брянске В.В. Розанову в аспекте деятельности сего мыслителя в нашем городе в конце позапрошлого века. Предпринята попытка указать соотношение понятий «разум», «рациональность», «знание», «понимание», «духовность» в контексте необходимой популяризации философского знания.

Наверняка многим (и обучающим, и обучаемым) знакомо имя русского философа эпохи Декаданса (= «Серебряного века») Василия Васильевича Розанова, но не все осведомлены о том, что ни в одном городе на свете он не был более философом, нежели в Брянске, когда работал в здешней прогимназии преподавателем истории и географии и, сбегая от жены, упоённо писал свою первую, более чем в 700 страниц книгу «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1882–1886) [9].

Он писал её отважно, не задумываясь даже о таком критерии научности, как ссылки на авторов-предшественников, которыми по широте душевной логично пренебрегал [7]. Следующий, елецкий период жизни В.В.Розанова существенно отличается от брянского: в Ельце учитель В.В.Розанов не только сменил свою первую жену на вторую, но и фактически переключился как автор с философии на педагогику. И в дальнейшем уже не было, по сути, *философа* В.В.Розанова, а существовал только лишь *мыслитель* В.В.Розанов, мыслителей же у нас в России хоть отбавляй: все мы, можно сказать, мыслители.

В этой связи возникает законный вопрос: почему в Брянске доселе не воздвигнуто В.В.Розанову-философу такого же величественного монумента, как Ф.И. Тютчеву, или даже ещё величественней? Нет, не научились ещё у нас ценить философов, не научились. До сих пор славен Брянск славою города отечественных партизан, а отнюдь не мудрою славою города Понимания. Между тем Понимание актуально сегодня, как воздух. В этот безумный век понимания (или, лучше сказать, понимания по-розановски) остаётся всё меньше и меньше (так что это скорее оно, а не В.В.Розанов, нуждается теперь в памятнике).

Да необходимо ли, право, для жизни нашей собственно розановское понимание, или же мы, недостойные наследники, вырабатываем у себя какое-то

другое, своё? Недавно мне попались два определения понятия «рациональность». Одно (из нового учебника) гласит: «Рациональность — это умопостигаемость объективного общего, особый процесс овладения мыслью, бытием, особая размерность сознательной деятельности, движение мышления по «логике бытия», глубоко онтологически обусловленное» [4, с. 21]. Другое определение заметно короче: «Рациональность — это реализующаяся в мышлении способность разума (= духовной деятельности) к самоограничению и коммуникации». Но приведённые определения различаются не только размером — у них разные компоненты. В первом — два компонента: субъектный (*ум, постижение, овладение, сознание, деятельность, мышление*) и объектный (*объективно общее, мысль, бытие с его логикой и онтология с её детерминацией*); во втором определении компонентов тоже два — субъектный и... интерсубъектный.

То ли перед нами две разные рациональности, то ли две разные парадигмы? Вот что пишет современный исследователь: «Современная интеллектуальная среда характеризуется в целом столкновением двух типов рациональности, двух альтернативных подходов: объективизма с его стремлением найти инвариантную основу всех суждений о действительности (субъект-объектная рациональность) и субъективизма (или относительности), который принимает форму антропологически и социологически направленного контекстуализма (субъект-субъектная рациональность)» [8]. Давайте же спросим: а какого типа рациональности придерживался наш В.В.Розанов?

Легче всего отмахнуться: дескать, ни о какой рациональности речи идти не может, потому как всем известно, что В.В.Розанов заядлый *мистик-иррационалист* [7, с.6], широкая русская душа, неуправляемая писательская натура, у которой на всё есть тысяча точек зрения, — одним словом, предтеча постмодернизма. Но ведь это не так или не вполне так, это уход от анализа и от попытки В.В.Розанова понять. Это позже, став известным столичным публицистом, назло любимым читателям В.В.Розанов будет уже сознательно, артистически продуцировать печатную иррациональность; работы же молодого В.В.Розанова — и философия *понимания*, и педагогические статьи — демонстрируют нам как раз его стремление быть как можно более рациональным. Недаром его педагогические идеи ныне подхвачены и обсуждены современными педагогами-теоретиками и философами образования [3]. Но представлять В.В.Розанова оплотом рациональной педагогической и философской мысли — другая крайность. Здесь необходимо учесть ту специфику рациональности гуманитарного знания, которая позволяет ему быть рациональностно многоликим, так что в нём, как в коммуналке, легко уживаются и аксиомно-теоремный рационализм школьной математики, и неопределённый рационализм ядерной физики, и взывающая к экологизму всего и вся постнеклассика [5]. В годы, когда молодой В.В.Розанов яростно

теоретизировал о педагогике, в просвещённом мире, как известно, наметился переход от рационализма классического к неклассическому. И всё-таки эта знаменитая схематическая триада В.С.Стёпина «классика—неклассика—постнеклассика» применительно к В.В.Розанову (да и, признаемся, не только к нему) практически мало что объясняет. Зато вышеуказанная оппозиция «объективизма» и «субъективизма» позволяет продвинуться в понимании В.В.Розанова существенно далее.

Если обратиться к современному противопоставлению понимания знанию, можно получить следующую табл. 1.

Что мы видим? Индивидуальность понимания соответствует розановскому принципу *индивидуальности* образования, цельность понимания — принципу *целости*, личностный характер понимания (с оговорками) – принципу *единства культурного типа* (к которому примыкает также розановский принцип *местности*), образность понимания соответствует розановскому принципу *художественности* образования [10, с.91–102]. Что же касается плюра-modalности, диалогичности, динамичности и дискурсивности, то приходится признать: в отношении этих четырёх признаков понимания В.В.Розанов-педагог стоял на позициях, пониманию оппозиционных. Заложённая в тексте «О понимании» противоречивость авторского подхода видна невооружённым глазом: этот текст не только не вызывает желания себя понять, но, скорее, отталкивает, поскольку о *понимании* брянский В.В.Розанов умудрился написать, используя приёмы *знания!*..

Таблица 1

Противопоставление знания и понимания

	Знание:	Понимание:
1.	коллективно	индивидуально
2.	дробно (закрытосистемно)	цельно (открытосистемно)
3.	обезличено (претендует на объективность)	лично (субъективно), субъектоцентрично)
4.	уни-modalно (знаю либо не знаю, есть или нет)	плюра-modalно (затрагивает самые разные аспекты бытия и сознания)
5.	монологично (не требует обратной связи от своего реципиента)	диалогично
6.	статично (высказали — и готово)	динамично (предполагает неизбежную трансформацию, флуктуации)
7.	категориально (выражается в стандартных знаках и требует однозначности восприятия)	образно (выражается системой неоднозначных символов)
8.	текстуально (стремится к максимальной линейности)	дискурсивно (принципиально нелинейно)

Переходя же к педагогическим статьям В.В.Розанова после-брянского, мы обнаружим приблизительно ту же картину разительной имманентной противоречивости: реально существующее просвещение в его концепции оказывается беспросветным мраком, а средневековый мрак возводится в образец света, В.В.Розанов болеет душой за реального учителя и за реального ученика, для которого школьное образование становится каторгой, выступает против *удавки книжности*, за правильное целеполагание и проч., но, с другой стороны, противопоставляет школьному *идиотизму* утопию патриархальной крестьянской семьи, *воспитание трудом и нуждою* [10, с. 122–128], а коли этого мало, то и розгой: «Розга — это насилие надо мною, которое вызывает все мои силы к борьбе с собою <...вызывает> деятельность, силу, напряжение» [10, с. 141–142]. Розга предстаёт в словах В.В.Розанова просветляющим сознание элементом, едва ли не земным эквивалентом Бога: ибо истязаемый ребёнок, видите ли, отрешается от суетных деталей быта и проникается искомой мистической целостностью, заглядывает далеко вглубь себя самого и почти что восхищается на седьмое небо. От розги же — начало самоосознания и *гордости* за себя: *я не хуже тех, кто наказывает меня*. То есть, суммируя, можно заключить, что мысль В.В.Розанова движется как бы разом в двух диаметрально противоположных направлениях, раздваивается, будто кем-то запрограммированная.

«В нас все законы уже расшатаны» — констатирует В.В.Розанов падшее состояние человека (который, однако, вовсе *не беззаконник по природе*). Затем это осознание *падшести* сменяется в тексте *тоской по вождю* «с крепким законом в себе», который «научил бы, призвал бы к труду и в труде указал бы смысл» [10, с. 145–146]! В своё время («время грубое, время жестокое, время поверхностное во всех отношениях» [10, с. 169]) В.В.Розанов, задолго до товарища Сталина, — сталинист, ярко выражает мещанско-интеллигентскую мечту о сильной отцовской руке: Сталин сечёт взрослых, взрослые секут детей своих — и в стране полный порядок, как в духовном отношении, так и в материальном. «Покажите [человеку] закон истинный, невыдуманный, взятый из вечной его природы, — и он этому закону подчинится, потому что не может не почувствовать, что здесь для него — и успокоение, и радость» [10, с. 145–146]. Закон, спросим, животного заискивания и покорности перед вышестоящим по рангу и жестокости к нижестоящим? Если человек по природе своей не животное, если он сотворён, как полагает В.В.Розанов, иначе, отчего же такие труды, требуемые для открытия человека в человеке?

В.В.Розанову кажется, что источник «беззакония» — в «страшном перевесе... умственной стороны» [10, с. 144], в распространяющейся с Запада рассудочности, в этом «ложном» просвещении, подвергающем сомнению священную патримониальную традицию...

Как известно, характер юного В.В.Розанова складывался в неблагополучной семейной обстановке: безотцовщина, унижительная бедность, тяжкий труд, жестокие физические наказания, плохие условия для учёбы, лицемерие в быту и политический кризис в обществе [6, с. 23–24]. В результате мы наблюдаем двоякую картину: В.В.Розанов как рьяный сторонник розги и религии, и он же — апологет индивидуализма и эмпатии... Страстный публицист, во всём стремящийся дойти до абсурда, которому ненавистна разумная середина, которого влекут к себе крайности, В.В.Розанов отразил в себе раздвоенное российское сознание своего времени: желание всё решительно изменить — и притом ничего не менять, стремление к лучшему — и пофигизм по принципу «чем хуже, тем лучше». В чём причина столь характерного российского двоемыслия и двоечувствия? В чём, как не в воспитании розгой? От чего, как не от неё, знаменитый пыл русского человека в повиновении любому начальству, всякое начальство до любви ненавидя и до ненависти любя! Русский иррационализм — это превращённый рационализм не пережитой Россией Реформации: Россия страдает призраком во чреве убитого русского Лютера. Отсюда и этот русский синдром двух рациональностей в одной голове, да только ли двух? Когда Западная Европа переходила уже от классического рационализма к неклассическому, в России общественное сознание было ещё отнюдь не убеждено, нужна ли вообще стране какая-либо наука, а значит, и нужно ли обучать детей чему-нибудь кроме Закона Божия. В этой связи приход Сталина с его «Кратким курсом» как превращённой формой катехизиса стал весьма симптоматичен.

Нам говорят: нет, всё не так. Есть, говорят, западный рационализм, он развратный, безбожный и вообще демонический; а вот русская рациональность — она сердечная, ценностная и детерминирована самим богоустановленным бытием [4, с. 125]. В который раз нас потчуют этим мифом, и в нём мы улавливаем знакомый голос донаучной рациональности В.В.Розанова (*рационализм — кабак!*), различаем розановские призывы к культуральному апартеиду и проч., и уже не можем на слух понять, где кончается цитата из В.В.Розанова и начинается современное кликушество с суетными упоминаниями Господа Бога. Почему-то для «проклятого Запада» Бог стал мерою разума, а для русских — мерой абсурда. Отчего? Да от розги же. Рассекла она, родимая, нашу рациональность надвое. Сколь это видно по В.В.Розанову, у которого спорят между собою рациональность Ученика («ид» + «эго»), и рациональность Учителя («эго» + «супер-эго»), а *эго-рациональность*

личности теряется за бестолковыми тоже-рациональностями Учителя и оппонировавшего ему Ученика («Он пожилой, но не взрослый», как сказал М.Жванецкий)...

Каким я представляю себе памятник В.В.Розанову в Брянске? Розанов за кафедрой, в вицмундире и с розгой — и с поротым задом. Вот истинно русский философ. Как бы эту русскость преодолеть? Ах, не западным развратом, не постмодерном — русскостью же.

Нам нужен культ, говорит В.В.Розанов. Так чем философия не подобающий культ, чем не наследница прекрасных старинных традиций? Философия — высокий культ разума, философия — умелое балансирование между знанием и пониманием (каждое из которых по-своему однобоко)... Что же должен проречь нам идеальный философ? Он, как служитель разума, обязан возвестить нам благовую весть, что у разума есть две стороны — **духовность** (= творческая сила) и **рациональность** (как способность к самоограничению и коммуникации); что разум есть именно сочетание этих двух сторон: от рациональности — знания, от духовности — понимание, и нету никакого реального антагонизма между знанием и пониманием (рис.1).

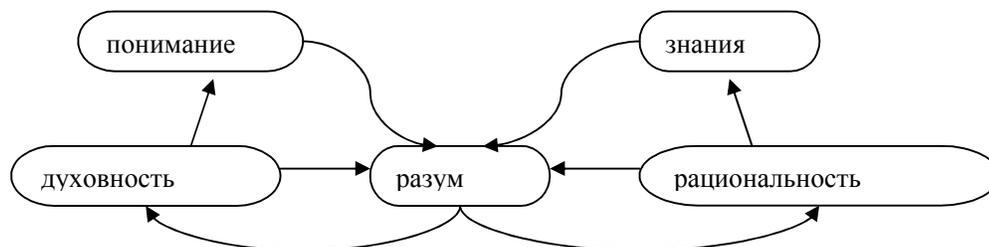

Рис. 1. Соотношение разума и понимания

Здесь мы видим две стороны разума (разума-вообще, разума *офилософленного*): экстенсивную сторону (духовность) и интенсивную (рациональность). Стало быть, если мы будем жить по разуму, философски (т.е. и духовно, и рационально), то и будет наша жизнь совершенна, и никакой баянка с розгами не нужен нам станет... Но чтобы философ, реальный философ действительно так нам сказал, он должен осознавать философию именно как культ разума, а не чего-нибудь там другого. И вот ради этого благородного культа воздвигнуть в центре Брянска монумент В.В.Розанову было бы весьма педагогически рационально.

Нетрудно убедиться, что сейчас В.В.Розанов в Брянске недолюбливают. Уличают (на классицистский манер) в противоречивости (как будто формальное отсутствие противоречий является верхом мудрости [1; 2]), в педагогической некомпетентности и даже... в недостатке яркости философской! Короче, его просто знают у нас не хотят. Надеются решить современные общественные проблемы как-нибудь без него: проблему патриотизма — без него, выдающегося патриота, проблему борьбы с экстремизмом — без него, величайшего из экстремистов, проблему развития системы образования — без него, наши теперешние проблемы чудным образом предсказавшего...

Ярый консерватор В.В.Розанов кажется нам слишком революционным, и мы отказываемся его понимать и принимать. Нам милее Ф.И.Тютчев, так идеально вписывающийся в бюрократическую систему России. Да и зачем нам второй философ, коли есть уже Ф.И.Тютчев? Вакансия великого брянского мыслителя занята...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайденок, П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П.Гайденок. — М., 2003.
2. КОРТУНОВ, В.В. За пределами рационального / В.В.Кортунов. — М.: Изд. центр науч. и учеб. прогр., 1998. — <http://www.i-u.ru/biblio/download.aspx?id=1844>
3. Крикунов, А.Е. Феномен образования в русской персоналистической философии / А.Е.Крикунов. — Елец, 2007.
4. Леонтьева, Е.Ю. Рациональность и её типы: генезис и эволюция / Е.Ю.Леонтьева: учеб. пособие. — М.: МПСИ, Воронеж: МОДЭК.
5. Лукацкий, М.А. Методологические ориентиры современной педагогики / М.А.Лукацкий. — Брянск: Ладомир, 2008. — С. 130–137.
6. Николюкин, А.Н. Розанов / А.Н.Николюкин. — М.: «Мол. гвардия», 2001.
7. Первов, П.Д. Философ в провинции / П.Д.Первов // В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост., вступ. статья и примечания В.А. Фатеева. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн.1. - С. 88–101.
8. Плеханова, Т.Ф. Текст как диалог / Т.Ф.Плеханова. — Минск: МГЛУ, 2003. — <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1143>.
9. Розанов, В.В. Апокалипсис нашего времени / В.В.Розанов. — СПб.: Азбука, 2001.
10. Розанов, В.В. Сумерки просвещения / Сост. В.Н. Щербаков. — М.: Педагогика, 1990.
11. Степанищев, А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике / А.Ф.Степанищев. — Брянск: БГТУ, 2006.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК 316.752
ББК 71.0 В92

А.А. СВИДЕРСКИЙ

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ
МАТЕРИАЛЬНО-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В АНТИЧНОМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Рассмотрены основные тенденции развития социокультурных оснований материально-преобразовательной деятельности в традиционных обществах западного типа. Выявлен дуальный характер социокультурных установок материально-преобразовательной деятельности, что позволяет говорить о разных парадигмах взаимодействия человека и природы.

В мировой философской мысли, посвященной исследованию проблемы влияния различных культур на природное окружение, сложилась некая идейная позиция, которая связывает именно с античной культурой утверждение господства человека над природой и «традицию управления». «В этой традиции, - отмечают А.И.Зеленков и П.А. Водопьянов, - закладывались важнейшие, фундаментальные основоположения такого архетипа человеческого восприятия природной среды, какого не знала ни одна цивилизация прошлого»[14, с.239].

Коренные перемены в ценностной иерархии античности зафиксировали софисты, провозгласив тезис: «человек – мера всех вещей». Выстраивается иерархия универсума, где природа занимает подчиненное человеку положение и должна испытывать его постоянное воздействие: отношение к ней рассматривается исходя из вертикальной односторонней связи, то есть отношения господства. Природа привлекала античного человека лишь в том случае, если среди нее находился человек или следы его созидательной деятельности. Такая система изображена Аристотелем, у которого «растения существуют ради живых существ, а животные – ради человека» [1, с.10]. «Состояние, которое называют жизнью человека в единстве с природой и в котором человек видит бога в природе, потому, что он находит в ней удовлетворение, - отмечает Г.Гегель, - теперь прекратилось»[9, с.95].

Восприятие природы обусловлено успехами античной цивилизации в преобразовании природы и техническим прогрессом. Это наглядно проявлялось в особом пафосе античной культуры, которая стремится продемонстрировать свою надприродность и соответственно величие человека, его разума, мастерства. Так, архитектура греческой классики разрушала естественный ландшафт своей симметричностью, вычурной правильностью, мощью, создавая ценностный акцент в пользу «второй природы», в противовес несовершенству и хаотичности естества. Но эта тенденция все же не была исключительной в античной культуре. Одновременно античной культуре еще свойственно и

религиозное поклонение природе, как единственному творящему началу: так, «греческое слово *physis* означает именно рождение живых существ» [17, с.176]. Но по мере прогресса полисной цивилизации усиливается ценностный крен в сторону человека и создаваемого им мира.

Отнесение ценностных смыслов в мир разума, где живет божественно прекрасный и совершенный Космос, созданный Демиургом, как произведение искусства в соответствии с парадигмой – эйдосом, позволяло не только отгородиться от вещественной реальности, но и снять всякую ответственность по отношению к ней. Отделение богов от материального, вещного мира, которое наблюдается в древнегреческой мифологии, позволило без страха перед божественным возмездием преобразовывать природу согласно замыслу человека.

Немаловажной стороной данной проблемы является и то, что познание, лишенное чувственного опыта, создавало превратную картину действительности: произошел разрыв между теоретическими и прикладными знаниями о природе, что грозило негативными последствиями для общества, в котором познавательная деятельность обособляется в особую отрасль духовной жизни и приобретает большое общественное значение. Именно в античности сложился такой тип культуры, которому был свойственен чрезвычайно рационализированный и схематичный взгляд на окружающий мир. Природа, «фюзис», здесь представляется как несовершенное, неразумное начало, мир «мнения». Так Платон обнаруживает прекрасное исключительно в дематериализованном, сверхприродном мире идей [2, с.132-133]. Таким образом, в духовной культуре античности произошел мощный сдвиг, когда рационально обоснованное отношение к реальности привело к критической рефлексии по поводу традиционных взглядов на мир и активному формированию новых ценностных ориентаций. Чему не в последнюю очередь способствовала общая открытость античной культуры для влияния извне (особенно после начала Великой греческой колонизации в 8 в. до н. э.), когда свободный грек смог посмотреть намного дальше собственных культурных горизонтов. Большое влияние на греческую культуру оказала культура древневавилонской цивилизации, с которой связано начало культивирования преобразовательной стратегии в отношении природы.

Отношение к природе во многом зависит от тех отношений, которые сложились в обществе: можно говорить об определенном переносе принципов, распространенных в обществе между людьми, на природу. Именно в античности происходит окончательная эмансипация духовно-теоретической и управленческой деятельности от материального производства. Институциональное оформление этого разрыва произошло вместе с возникновением классического рабства в полисах Древней Греции. Здесь возникают так называемые двусубъектные модели деятельности, когда один «выполняет функции памяти – программирует через слово деятельность, «разумно движет», оставаясь неподвижным, а другой (или другие) реализует

заданную в слове программу в дело, «разумно движется, оставаясь неподвижным» [5, с.150]. Такое своеобразное отчуждение от природы делало возможным управлять ей, познавать ее без внимания к ней самой, то есть без должного духовно-ценностного отношения к ней.

Отношения в системе «господин – раб» становились действенным образцом для становления отношений в системе «общество-человек-природа», таким образом, утверждая отношение господства. Раб и природа как бы сливаются в единый объект управления, несовершенство которого требует постоянного вмешательства со стороны господина. Материально-преобразовательная деятельность приобретает негативную оценку, как удел раба, который лишен личного статуса, отчужден, презираем. А.М.Селезнев отмечает, что «по мере развития античной цивилизации, сопровождавшегося все большим разорением мелких земельных собственников и соответственно заменой свободного земледельческого труда крестьян рабским трудом в крупных латифундиях, в качестве презренного занятия стал рассматриваться и труд в сельском хозяйстве» [20, с.141]. Эта аксиологическая традиция, негативирующая материальную деятельность, которая ценится меньше деятельности духовной, оказала значительное влияние на дальнейший генезис ценностных отношений. Можно говорить о том, что именно в античной культуре, которая являлась провозвестницей европейской культуры, окончательно утверждается приоритет духовной деятельности над деятельностью материальной.

Традиционно упускается из виду при исследовании практического или, аксиологического аспектов взаимодействия общества и природы в античный период то, что именно раб – непосредственный и главный субъект этого взаимодействия – одновременно главный разрушитель природы. Находясь в постоянном, тесном чувственном контакте с ней, он не способен к ценностному отношению к ней, так как труд его принудителен, а природа выступает в качестве условия закабаления. Личная зависимость порождает отчуждение и формирование антикультуры, а значит – культура разрушения, насилия.

Можно говорить о том, что рабство, возникшее в Древнем мире, коренным образом изменило ценностную связь человека и природы, которая характеризует первобытное общество. М.Вебер утверждает, что распространение рабства в античном мире практически полностью вытесняет сферу применения свободного труда [8, с.278], а значит, делает невозможной ценностную детерминацию материально-преобразовательной деятельности.

Поэтому именно греческая цивилизация одной из первых столкнулась с широкомасштабным экологическим кризисом антропогенной природы, последствия которого ощущаются до сих пор. Активному преобразованию природы способствовало и развитие ремесленного производства, торговли между полисами: «Согласно Эратосфену, в первые века существования греческих полисов леса хищнически истреблялись в процессе развития земледелия, горнорудного дела, при выплавке меди и серебра» [7, с.23]. Возможно, именно критической рефлексией по поводу материальной практики

человека были обусловлены ценности эллинистической культуры, которая оставалась по преимуществу греческой культурой. Так, киники резко противопоставили «естественное» культурным установлениям [19, с.77], видя в последних природу всех человеческих проблем. Эллинистическая культура, знаменующая кризис античного мировоззрения, явилась духовной основой средневековой культуры.

Христианская средневековая цивилизация возникла на руинах античного мира в аксиологическом смысле как ее отрицание. В Средние века в Западной Европе утверждается консервативный тип культуры, определяющий крайне небольшую вариативность моделей деятельности и полное отрицание всякой инновации. В отличие от античной культуры, которая большей долей своих новаций обязана значительной открытости, заимствованию чужих культурных элементов, средневековая культура развивалась практически автономно, изолированно. Такие особенности средневековой культуры делали ее крайне непластичной, однонаправленной, застывшей.

Материально-преобразовательная деятельность и все то, что с ней связано, получает крайне негативную оценку. Труд, экономика, хозяйственная практика понимаются здесь как результат грехопадения первых людей, которые в качестве наказания должны были «со скорбью», «в поте лица» добывать пищу «на проклятой земле». Такая оценка в известной мере обусловлена экологией раннего христианства, то есть отражением в религиозной догматике экологических условий становления религиозных организаций. Так, известная проблема значительного ухудшения качества почв вследствие эрозии (прежде всего антропогенной природы) в очагах христианской культуры сочеталась с практически всеобщим упадком культуры земледелия, беспорядочным севооборотом, аграрной миграцией. Происходило восстановление доцивилизационного ареала природы. Сходные процессы происходили и в духовной жизни средневекового общества, где наблюдалась повсеместная примитивизация мышления: средневековый человек был несколько естественнее, грубее античного, более привязан к природному ритму. Большое значение приобретало и социо-культурное наследие, которое, по мнению Ж.Ле Гоффа можно раскрыть тройко: «Греко-римское наследие, продуцированное классом, жившим за счет труда рабов и гордившимся своей праздностью; наследие воинственных варваров, привыкших получать львиную долю ресурсов из военной добычи и, во всяком случае, предпочитавших военный образ жизни; наиболее важным в этом христианизированном обществе является иудео-христианское наследие, подчеркивающее первенство созерцательной жизни, расценивающее отказ положиться на провидение в удовлетворении своих материальных нужд как грех, как недостаточную веру человека в Бога» [16, с.78].

Сам деятель, учитывая всю противоречивость христианской концепции человека, добродетелен лишь в той мере, в какой он удален от материального, природного, не следует потребностям собственного тела, которое «является источником всякого зла и несчастий, проклятием человека» [15, с.60]. Таким

образом, крестьянин (главный преобразователь в аграрном, патриархальном обществе) является вечным грешником. Поэтому крестьянский труд всегда сочетается с самоограничением, стремлением произвести лишь столько, сколько необходимо для выживания, довольствуясь при этом примитивным бытом.

Восприятие природы здесь основывалось на понимании ее несамодостаточности. «Христианскому воззрению совершенно чуждо понятие природы самой по себе, - отмечает О.Г.Дробницкий, - она с самого начала наделена ценностными значениями – как творение бога и как результат отпадения от него, как мир «божественный» и одновременно «греховный», как порождение духа и «темница плоти», как добро от бога и зло от дьявола» [13, с.108-109]. Вообще, обращенность к Вечности, Творцу, постоянные эсхатологические переживания, свойственные христианскому мироощущению, породили чувство презрения к миру. Отстраненности от природы, которая окончательно теряла свою целостность и гармоничность, а как хаотичное и неизведанное начало она могла выражать лишь опасность.

По замечанию М.А.Барга, «средневековая цивилизация формировалась в атмосфере физического страха человека перед постоянной угрозой, исходившей от окружающего мира» [6, с.140]. Природа (понимаемая, как «вместилище дьявольских сил», которые невидимы, но постоянно угрожают человеку) довлела над ним, не способствуя его активности в отношении ее, или формирования некоей покорительской стратегии. Страх, закрепленный в религиозной культуре, чаще всего ведет к растерянности, деструктивному поведению, а для покорения требуется уверенность, сознательно-волевой акт. Таким образом, мироощущение раннего христианства порождало скорее пассивно-созерцательную позицию человека по отношению к окружающему миру. Во многом именно это ощущение страха, смешанное со сложными теологическими построениями, определили характер эстетического отношения к природе. Природа полностью теряет такие ценностные свойства, как красота, гармоничность, величие. Е.Г.Яковлева отмечает, что в средневековом искусстве «природа начинает выступать как бы нейтральным фоном (византийские иконописные горки, элементы пейзажа в западноевропейской живописи), на которых разворачиваются библейские или евангельские сюжеты» [21, с.57].

Эстетическое неприятие природы предопределяло ее нравственную интерпретацию, усилив тенденцию исключения природных объектов из сферы моральной регуляции. Противоречивость ценностной иерархии средневековья ярче всего представлена основными дихотомиями христианского вероучения. Наиболее важны три пары противоположностей; здесь необходимо упомянуть «а) дихотомию души и тела, результатом которого стало, с одной стороны, отчуждение человека от мира, а с другой – социальная безответственность личности; б) дихотомию Бога и мира, позволившую человеку делать с миром все, что угодно; в) дихотомию духовного и материального, унижающее материальное природное, рождающее начало» [18, с.26]. Средневековый человек, находящийся как бы в центре этих противоречий, стоял перед

сложным выбором: с одной стороны, он – господин всего тварного мира, а с другой, растения и животные имеют с человеком один источник, т. е. призваны выполнять некую моральную функцию.

Острота проблемы значительным образом снижалась средневековым фиксизмом, который провозглашал защиту всех творений Бога, сохранение их в первоначальном виде. Кроме того, библейское учение провозглашало традиционный тип социальной системы: за образец бралось прошлое, которое оценивалось не по критериям имманентным человеческой деятельности, а в соответствии с традицией, авторитетом. Традиционализм средневековой культуры избавлял от инновационной деятельности, рассматривая ее как проявление греховной природы человека, тем самым консервировал характер взаимодействия общества и природы, выполняя экологическую функцию.

Деятельность теряет свои важнейшие свойства, такие как целеполагание и целеустремленность, которые погружают субъекта в материальные, пространственно-временные отношения, а значит, следуя христианским догмам, ведут к греху. Как подчеркивает Н.К.Гаврюшин, «целеполагание оказывается как бы небожественным, безблагодатным состоянием души» [10, с.55]. Христианство всячески отвергает инструментализм в деятельности, внимание к ее условиям и средствам, отрицая любую возможность планирования, моделирования действий и ситуаций. Евангелие от Матфея провозглашает: «пусть левая твоя рука не знает, что делает правая», «не заботьтесь о завтрашнем дне». Следовательно, отказ от индивидуальной свободы во имя божественного проведения и отказ от материального мира во имя спасения становятся ключевыми парадигмами христианской средневековой культуры. Необходимо также учитывать, что средневековая культура не совсем тождественна христианской, а декларируемые теологией ценности не становились общезначимыми, не включались в структуру деятельности всех социальных слоев средневекового общества. Средневековое общество не представляла собой некую однозначную целостность, она состояла из трех слоев или субкультур, которые довольно значительно отличались друг от друга. Можно выделить особую культуру духовенства, теологических кругов, которая формировалась в специфических условиях жизни средневековых монастырей; светскую субкультуру дворянства, тесно связанную с дворцовой культурой; затем народную культуру, значительно отличающуюся от принципов и норм христианства [12]. Подобная дифференциация средневековой культуры соответствует доминирующей в средневековом обществе социальной модели, основанной на выделении трех сословий, жизнь которых достаточно обособлена и замкнута, что способствовало формированию различных субкультур.

Причем крестьянство, в наибольшей степени связанное с природой, ее циклами, продолжало поклоняться природным силам, одухотворяя их, синкретично вплетая эти представления в христианский культ. Как утверждает А.Я.Гуревич, «на уровне массового сознания продолжало культивироваться языческое отношение к природе» [11, с.103]. Следовательно, достаточно

распространенное утверждение о том, что взамен «уважения к духам-хранителям рощ, водных пространств и холмов, насаждавшегося языческим анимизмом, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [3, с.204], является отражением лишь одной из тенденций развития духовной ситуации средневековья. Таким образом, средневековая культура дает нам примеры совершенно разной ценностной интерпретации природы, которые формировали внутрикультурный запас ценностей, регулирующих альтернативные модели материально-преобразовательной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. / Аристотель. - М., 1983. – Т.4.
2. Асмус, В.Ф. Античная философия / В.Ф.Асмус. – М., 2001.
3. Атфилд, Р. Этика экологической ответственности / Р.Атфилд // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. - М.: «Прогресс», 1990.
4. Афанасьев, Д.К. Культура и природа / Д.К.Афанасьев. – М., 1983.
5. Афиногенов, Д.В. Свобода, наука, природа / Д.В.Афиногенов // Общественные науки и современность. - 2001. - № 4. - С.150.
6. Барг, М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М.А.Барг. - М., 1987.
7. Блавацкий, В.Д. Природа и античное общество / В.Д.Блавацкий. - М., 1976.
8. Вебер, М. Аграрная история Древнего мира / М.Вебер. – М., 2001.
9. Гегель, Г. Лекции по истории философии. Книга 1. / Г.Гегель. - СПб., 1994.
10. Гаврюшин, Н.К. Христианство и экология / Н.К.Гаврюшин // Вопросы философии. - 1995. - №3.
11. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я.Гуревич. - М., 1971.
12. Даркевич, В.П. Народная культура средневековья: светская праздная жизнь в искусстве IX – XVI вв. / В.П.Даркевич – М., 1987.
13. Дробницкий О.Г. Философия и моральное воззрение на мир / О.Г. Дробницкий // Философия и ценностные формы сознания. - М., 1978.
14. Зеленков, А.И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А.И. Зеленков, П.А. Водопьянов. - Минск, 1987.
15. Косевич, Е. Человек и его тело в свете Ветхого и Нового Завета / Е. Косевич // Философские науки. - 1992. - №2.
16. Ле Гофф, Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф. - Екатеринбург, 2000.
17. Лосев, А. Природа / А. Лосев // Человек. - 1994. - №4.
18. Религия и экологический кризис. - М., 1990.
19. Рожанский, И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма / И.Д. Рожанский. - М., 1988.
20. Селезнев, А.М. О причинах возникновения капиталистической цивилизации / А.М.Селезнёв // Философия и общество. - 1998. - №5.
21. Яковлев, Е.Г. Историческая типология художественно- религиозного образа природы / Е.Г.Яковлев // Философские науки. - 1988.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК 502.7

Ю.Ю. СИВЕРИНА

ДИСФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ КАК СЛЕДСТВИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Исследованы функции и дисфункции современной культуры. Показано, что по ходу общественного развития между ними происходит взаимопереход, поэтому общая оценка культурного развития требует взвешенного анализа.

Технический прогресс, развитие индустрии, информатизация общества логично привели к качественным изменениям во всех сферах человеческой жизни. В том числе они коснулись и культуры. Различия между классической и современной культурой настолько существенны, что их невозможно оставить без внимания. Трансформации сегодня произошли со всеми составляющими культуры, в значительной мере изменив ее облик, и философы современности пытаются дать этим трансформациям свою оценку.

Культура – совокупность созданных человеком в ходе его деятельности и специфичных для него жизненных форм, а также самый процесс их созидания и воспроизводства. В этом смысле понятие культуры (в отличие от понятия природы) характеризует мир человека и включает в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления (включая такие социальные институты, как государство и право), язык и искусство, технику и технологию и т.д. [1, с.784]. Такое определение понятию «культура» дает Большой Российский энциклопедический словарь.

По мнению философа В.А.Кутырева, культура - это «человеческая деятельность по преобразованию природы» и «господство над природой – внешней, окружающей человека и внутренней, составляющей его тело» [3, с.23]. В качестве критерия оценки культурных трансформаций современности удобно использовать функции культуры. Согласно словарю «Культурология: XX век», «функции культуры – совокупность ролей, которые выполняет культура по отношению к сообществу людей, порождающих и использующих (практикующих) ее в своих интересах» [2, с.287]. Любые изменения, выявляющие отличия современной культуры от традиционной, непосредственно отражаются на выполнении культурой её функций. Проявляется это в следующих случаях: если название функции остается прежним, а суть изменяется коренным образом; если в результате подобных изменений возникают совершенно новые функции культуры и, наконец, если функции культуры начинают рассматривать как дисфункции. Дисфункции культуры – это ее негативные воздействия на природу, общество и человека [6]. Причиной таких перерождений и преобразований функций культуры служит

ряд факторов, оказывающих непосредственное влияние на развитие культуры и выполнение ею основных функций. К сожалению, глобальные перемены в сфере культуры все чаще приводят к негативным последствиям. А учитывая то, что перемены глобальны, последствия оказываются такого масштаба, что современное общество осознает невозможность их устранения, а главное, их необратимость. Дело в том, что функционирование культуры приводит не только к решению различных задач, но и порождает множество побочных эффектов, оказывающих, в большинстве своем, негативное влияние на прогресс и развитие общества.

Чтобы более подробно рассмотреть данный вопрос, необходимо привести список основных функций культуры, которые, ввиду влияния упомянутых выше факторов, приобретают иное значение и могут в ряде случаев рассматриваться как дисфункции.

1. Функция обеспечения социальной интеграции людей объединяет в себе интегративную (культура объединяет отдельных людей, социальные группы, народы и государства), функцию социализации, гуманистическую.

2. Информационная функция, объединяющая функцию исторической преемственности, семиотическую, коммуникативную, гносеологическую и регулятивную.

3. Адаптивная функция, которая включает в себя функцию творческого созидания человеком артефактов.

Интегративная функция культуры отражает связи между людьми и их взаимоотношения в рамках социума. Эти взаимоотношения обусловлены универсальной системой общечеловеческих ценностей, едиными нормами морали и нравственности, развитием техники и технологии, динамикой жизни. Однако сегодня эта функция имеет противоречивый характер: культурные различия порой затрудняют общение людей, мешают их взаимопониманию. Несмотря на то, что общемировой тенденцией является стремление к единой экономической, образовательной и др. системам, в современном обществе процветает национализм, четкое разделение на «мы» и «они», «свои» и «чужие». Все больше делается упор на менталитет и традиции отдельных национально обособленных государств, все чаще их (т.е. менталитет и традиции) приводят как слабое оправдание несанкционированных враждебных действий в адрес других государств. Деление по национальному признаку зачастую становится причиной конфликтов, порождает вражду и военные столкновения. В молодежной среде четко прослеживается дифференциация по финансовому критерию. И, несмотря на то, что уровень жизни всех слоев населения растет, разрыв между социальными группами, имеющими разный уровень доходов, не сокращается. То есть, оборотной стороной интегративной функции культуры является всеобщая социальная дифференциация. Итак, интеграция и дифференциация современного общества происходят параллельно, что может привести к очень неутешительным результатам.

Функция социализации предполагает усвоение человеком определенной суммы знаний, норм, ценностей, образов, которые позволяют ему эффективно ориентироваться в мире природы и мире культуры, сохраняя свой статус и выполняя определенные роли. Современная цивилизация предпринимает большие усилия для социализации молодых, но делает это нередко за счет пожилых людей, социализации которых не уделяется должного внимания. Неудачи социализации, отклонение от социально одобряемых форм жизни, существование негативных культурных образцов тоже имеют свои корни в культуре.

Информационная функция культуры с некоторого времени тоже стала носить двоякий характер. До недавних пор увеличение скорости и объема распространяемой в мире информации считалось исключительно признаком прогресса. Однако, сегодня объем информации, обрушившийся на человека настолько велик, что сориентироваться в нем практически невозможно: «Информационные потоки захлестывают человека, но все больше информации ненужной и непроверенной» [5, с.314]. В результате человек привык «не обдумывая информацию, просто ее потреблять», вследствие чего «возникает ситуация смысловой пустоты при одновременном количественном заполнении сознания огромным объемом информации» [4, с.452]. Таким образом, чтобы найти в бесконечном море информации, доступной обывателю, нужную, придется приложить немало усилий, попутно фильтруя и перерабатывая массу лишней информации, не несущей для данного человека никакого смысла.

Похожая ситуация сложилась в сфере человеческого общения. Сегодня коммуникативная функция культуры работает на все сто процентов. Ввиду появления и развития в сети интернет массы социальных сетей, чатов, централизованной службы обмена сообщениями ISQ, у любого пользователя сети появились неограниченные возможности виртуального общения со своими друзьями, единомышленниками, совершенно случайными людьми, находящимися в любой точке планеты. Человек, имеющий свободный доступ в интернет может себе позволить иметь порядка 500 активных контактов. С помощью СМИ любая новость облетает весь мир за секунды. Современный человек всегда в курсе происходящих в мире событий. Современный человек живет он-лайн. Но парадокс заключается в том, что современный человек бесконечно одинок. Общение в СМИ носит односторонний характер, а масса виртуальных контактов, ввиду недостатка эмоциональности, предполагает дефицит живого общения. Так, имея тысячу друзей, человек фактически не имеет ни одного.

Крайне важно, чтобы каждая из функций культуры работала в унисон с прогрессом, в гармонии с развитием и жизнью общества. В частности это касается регулятивной функции культуры. «Нормативная недостаточность» может вести к росту преступности, падению нравственности. Однако «нормативная избыточность» в свою очередь ограничивает свободу, инициативность и творческую деятельность. В результате замедляются темпы развития общества и наступает застой [6].

Функция творческого созидания человеком артефактов в данном контексте заслуживает особенного внимания. Культура рассматривается в качестве средства сотворения человеком так называемой «второй природы» - мира искусственно созданных вещей и явлений. Эта функция – непосредственное отражение технического прогресса в мире. Все ведет к тому, что однажды сотворенная человеком «вторая природа» полностью вытеснит и заменит природу первую. Сегодня техника, захватившая все сферы деятельности человека, наносит невосполнимый урон окружающей среде. Это в принципе можно рассматривать как прогресс, в случае, если человек успеет обеспечить себе все необходимые условия для жизни на планете до того, как природа нанесет человечеству ответный удар. Функция творческого созидания человеком артефактов на сегодняшний день практически ничем не контролируется и является реальной угрозой жизни человека на Земле.

Итак, любое проявление культуры является функциональным по отношению к одному и дисфункциональным по отношению к другому. Например, телевизионная реклама функциональна по отношению к интересам коммерческих кругов и дисфункциональна по отношению к большинству телезрителей, сознанием которых она манипулирует и т.д.; рок-музыка является функциональной по отношению к потребностям современной молодежи и дисфункциональной по отношению к старшему поколению, воспитанному на других образцах музыкальной культуры.

Слишком активная работа функции культуры, равно как и недостаточно активная, может превратить ее в дисфункцию.

У любой из функций современной культуры есть обратная сторона. Каждую из них в определенном контексте можно рассматривать как дисфункцию культуры. И в большинстве случаев причиной этому служат именно технический прогресс и культурные трансформации современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой Российский энциклопедический словарь.- М.: Большая Российская энциклопедия.- 2003.
2. Культурология: XX век: Словарь.-СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Кутырев, В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура / В.А.Кутырев // Вопросы философии – 1996.-№11.
4. Миронов, В.В. Коммуникация глобальная / В.В.Миронов // Глобалистика: Энциклопедия.- М.,2003.
5. Попкова, Н.В. Антропология техники: Становление / Н.В.Попкова.-М., 2009.
6. www.krugosvet.ru

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

ББК 87

В.М. СКОРОДУМОВ

ОБРАЗОВАНИЕ: КРЫЛЬЯ ИЛИ ЦЕПИ?

Рассмотрены некоторые актуальные проблемы современного образования. Изложен авторский взгляд на разные подходы к образовательному процессу.

Дети никогда не хотели учиться. Их всегда заставляли. Это неизбежность. Однако не всегда за тысячи лет истории человечества образование было доступно всем. Современный автор М.С.Тимофеева замечает: «Что дает индивиду образование? Ответ, унаследованный от просветителей, будет – «возможность эффективно оперировать с миром, реализовать свою свободу». До просветителей образование было роскошью, они сделали его жизненной необходимостью. Вдумаемся, сегодня у человека нет выбора – учиться или не учиться читать. Грамотность обязательна для всех. Понятно, что сегодня подобное утверждение обусловлено объективными требованиями, предъявляемыми к члену общества – без грамотности оперировать с миром невозможно. Но это не причина, а уже следствие изначального массового просвещения. Грубо говоря, сначала всех научили читать (без сущностной на то необходимости, в некотором смысле ради самого факта), а потом, когда между всеми этими образованными индивидами замкнулось поле intersубъективности, где грамотность необходима, система образования стала воспроизводить себя сама. Вопрос, является ли массовая образованность благом, будучи единожды отвечен, больше не поднимался» [5, с.166]. Одно из отличительных свойств системы образования можно условно именовать «усредняющим насилием». Проводя условную символизацию, можно представить это в виде цепей, которыми заковывают человеческий дух. Претерпевая небольшие изменения от эпохи к эпохе, продолжают свое победное шествие консервативные тенденции в образовании, полностью убивающие интерес к знанию у подрастающего поколения. Однако своеобразных «социальных архитекторов», формирующих систему образования эпохи, во все века это не заботило. Они прошли через горнило образовательных испытаний. И стали совершенно искренне полагать, что это единственно верный подход к обучению.

Система образования как один из социальных институтов формирует общество по системному принципу, посредством усреднения и унификации человека, подгонки под единые стандарты эпохи, и введения единых подсознательных универсалий, объединяющих тем самым людей рамками культуры. В ранее упомянутой работе отмечено: «Образование уже в том виде, в каком с ним впервые сталкивается индивид, есть насилие. Другое дело, что это насилие рассматривается как необходимое. Оно как бы насилие во благо. Предполагается, что только перенеся это первичное социализующее и, в известной степени, стандартизирующее воздействие, ребенок сможет стать полноценным членом общества. Результатом же этого изначального

воздействия должно стать появление потребности в образовании, тяги к его продолжению» [5, с.166]. Далее отмечено: «Разумеется, далеко не все образованные люди чувствуют себя несчастными. Утверждать подобное – значит впасть в прямое противоречие с реальностью. Однако ни одно обобщение не абсолютно, а человеческая психика уникальная и гибкая структура, и тот факт, что какой-то конкретный ученый муж получает удовольствие от познания, вовсе не доказывает, что изначально это удовольствие не было пробуждено насильственно» [5, с.167]. В той же работе сформулирована следующая проблема: «Приступая к получению образования, индивид приносит себя в жертву своей будущей личности. В процессе обучения он неизбежно и возможно весьма кардинально изменится (а кто может сказать, что, поступая в университет, и окончивая его, был абсолютно идентичной личностью?). И значит он добровольно соглашается, что плодами его образования будет пользоваться Другой, тот Другой, каким ему только суждено стать. Таким образом, образование – это и насилие над собой». [5, с.168]. Данная проблема может выходить и на общемировой уровень: «На уровне общества, или, точнее сказать, культуры (понимая тут Европу и Америку) процесс приобретает глобальные черты. Европейская культура экспортирует просвещение странам третьего мира. Официально – из благих побуждений, хотя неосознанно, возможно, – в силу неспособности терпеть тот факт, что кто-то где-то еще не окончательно выпал из естественного и гармоничного состояния. Европейское сознание страдает садомазохизмом. Оно упорно расширяет и расширяет сферу познанного, все больше страдая от ее бессмысленности – это мазохизм. А садизм – это когда мы идем к индейским племенам и учим их читать, писать, верить в Бога с тем, чтобы на следующей ступени своего развития они убедились в его несуществовании и тоже стали несчастны» [5, с.168].

Так писал Иван Иллич в своей знаменитой работе «Освобождение от школ»: «Школа – рекламное агентство, заставляющее вас поверить, что вы нуждаетесь именно в том обществе, которое существует» [3, с.126]. Там же отмечено: «Многие учащиеся, особенно те, кто беден, интуитивно знают, что с ними делают школы – они приучают их путать процесс и сущность. Как только это удастся, в силу вступает новая логика: чем больше обучения, тем лучше результаты, а стало быть, успех обеспечивается эскалацией. Учащийся, таким образом, научается путать преподавание с учением, продвижение из класса в класс с образованием, диплом с компетентностью, а бойкость речи со способностью сказать что-то новое. Его воображение вышколено – в нем обслуживание занимает место цели» [3, с.25].

Иван Иллич также выделил характерную черту системы образования: «Учебные программы всегда служили для распределения людей по социальным рангам. Когда-то это распределение происходило еще до рождения: принадлежность человека к определенной касте обуславливала карма, а принадлежность к аристократии – происхождение родителей. В различные времена в качестве учебного плана могли выступать различные ритуалы, последовательность посвящений в сан, серия военных или охотничьих

подвигов, дальнейшее продвижение по службе могло зависеть от определенного набора предыдущих высочайших поощрений. Всеобщее образование было призвано разорвать зависимость между социальной ролью и особенностями личной биографии: предполагалось, что оно даст всем равные шансы на любую работу и должность. И теперь еще многие наивно верят, что именно школа обеспечивает людям общественное доверие в зависимости от их учебных достижений. Однако вместо того, чтобы уравнивать жизненные шансы людей, школьная система монополизировала право на распределение возможностей между ними» [3, с.35].

Люди всегда учились на прошлом опыте. При этом с гениальными достижениями они усваивали также и заблуждения как непререкаемую данность. На подсознательном уровне в процессе такого обучения складываются тяжеловесные и жесткие мыслительные конструкции, которые придают мышлению инерционность. Так шаг за шагом утверждались «авторитеты» в каждой области знания. Они, как сакральные тотемы, служили центрами притяжения для новых искателей, удерживая человека от собственного поиска его и только его пути к обретению мудрости. В итоге в каждую эпоху смена парадигм лишь углубляла горизонт мировидения. Но путь к нему оставался прежним. В одной из работ относительно недавнего времени находим следующее замечание: «Те люди, которые чувствуют себя в ответе за развитие системы образования в обществе, как правило, оказываются перед лицом следующей альтернативы: либо стать проводниками уже победившей господствующей в обществе официальной правды и через образование вести формовку, штамповку личности, в чем-то напоминающую описанную В. Гюго фабрику компрачикосов, либо заняться рискованным делом построения на территории образования новой социальной организации жизни, которая помогла бы каждому человеку найти самого себя» [1, с. 7].

Однако же заметим, что никогда не было такой системы образования, которая бы помогала человеку найти себя. Этого не могло быть в принципе. Основа системы образования – поточность и массовость. А это сразу исключает или, по крайней мере, сильно осложняет, возможность для обозначенной самоидентификации. На это просто нет времени. Ведь нужно выполнить учебный план. Наполненность планов со временем менялась, но суть оставалась прежней. Людям прежнее поколение передавало определенную совокупность знаний и опыта, утверждая их абсолютную истинность. Лишь достигнув соответствующей высоты в образовательной иерархии, человеку было позволительно критиковать «авторитеты». Ф.Бэкон писал: «Истинно мудрый человек должен руководствоваться не правилом «ученик должен верить», а правилом «ученик должен брать на веру лишь собственное мнение», ведь ученики лишь в начале своего пути, связанного с познанием истин, должны верить своим учителям и воздерживаться от собственных критериев, но когда они постигают до конца ту или иную науку, искусство, они должны размышлять свободно и удаляться от рабского поклонения авторитетам» [2, с.34].

Какой же могла бы быть альтернатива традиционному подходу к образованию, штудированию «основ», последовательному продвижению по ступеням системы образования как подготовки к некритическому принятию социальной иерархии. Условно сравним подобный подход с обретением неких ментальных крыльев, благодаря которым разум человека способен взлететь как можно выше, в поисках истины. Для начала отметим, что самая очевидная альтернатива состоит в том, чтобы не навязывать традиционное мировоззрение, а лишь помочь в самоидентификации. И сегодня прогрессивно мыслящие педагоги говорят уже не только о дифференцированном подходе, но и о творческом подходе. Безусловно, педагогика активно развивается и предлагает все новые образовательные подходы и технологии, которые вместо простого назидания идут в направлении помощи ребенку или молодому человеку в его индивидуальном развитии. Но это робкий шаг наугад. Раз уж мы приняли такую радикальную позицию, посмотрим, куда она нас приведет. Продолжая наш эксперимент, скажем, что для подлинного саморазвития подрастающего поколения было бы лучше вести речь вообще о десистематизации обучения. Тогда и только тогда смогло бы проявиться творческое начало.

Однако справедливости ради заметим, что подобное вряд ли будет когда-либо реализовано. Обществу нужен не творец, а простой исполнитель, труженик, обыватель, который в идеале вообще не заинтересован в духовном росте. В результате чего массовая культура оказывается способной управлять разумом человека и направлять его в удовлетворении весьма ограниченных потребностей.

Э.Фромм писал в своей работе «Здоровое общество»: «Многие индивиды, так же как нации, заинтересованы в цивилизации, но не в настоящем просвещении. Первое легче и встречает одобрение, второе требует непомерных усилий и поэтому воспринимается всегда огромным большинством не иначе, как с ненавистью и презрением, так как разоблачает ложь цивилизации» [6, с.246].

Социальной системе чуждо творческое начало. Автор данной статьи отмечал, что в системе «творческая энергия может быть признана, если она служит социально значимым целям. Разум же многих людей находится на том уровне, который им указан и выше они не имеют ни возможности (из-за оскудения духовных сил), ни желания подняться. Да социуму это и не нужно. Жизненная энергия может быть использована по разным направлениям. Система пользуется этим, увлекая человека простотой и доступностью социальных воплощений творчества от простого «прожигания жизни» до изошренных и извращенных концептов, рождаемых трансформированным в социуме сознанием. И все те ужасающие последствия, которые несет на себе природа Земли и само человечество есть результат сформированных подсознательных патологических схем, заложенных в процессе социального «образования»» [4, с.57].

Современное образование в лучшем случае учит ребенка выживать в сотворенном предками мире, что, безусловно, требует определенных знаний и

умений. Но никто не учит ребенка жить подлинной жизнью. Жизнь в рамках социальной системы – скорее вынужденная мера и может быть отнесена к категории выживания, о чем автор уже упоминал в одной из ранних работ. Но подлинная жизнь открывается человеку за пределами системы. И только в творчестве. Именно это приближает его богу, отвергнув которого человек превратился в «супершимпанзе». Человек забывает смотреть в зеркало. Его социальная роль занимает все его существо. Он становится похож на засохшее дерево, пустое внутри. Настоящей творческой жизни чужды любые пределы, ибо она, как и наша вселенная, частью которой мы все являемся, стремится к бесконечности, к вечному сиянию истины.

Сегодня же «проявляемое в детском возрасте стихийное творческое начало, являющееся естественным для человека, подавляется в угоду сохранения системности, стройности и предсказуемости социума. Ведь любой подлинный Творец способен взорвать систему. Именно поэтому ни один поистине творческий человек никогда не мог быть в нее вписан. Системе чужда спонтанность, системе чужда открытость, системе чужда свобода. А без этого творчества нет и быть не может» [4, с.51]. Символичным в данном случае является образ мифологического героя Икара. Он жаждал взмыть в неведомую высоту и в результате погиб. Как бы высоко ни старался вознестись человек, он всегда ограничен рамками эпохи.

Карл Поппер замечал, что путь идеи от первого появления в сочинении философа до ее возможного воплощения составляет около ста лет. Философия не приспособлена для решения практических задач. В каждую эпоху идеи мыслителей – лишь маяк, к которому чаще всего отнюдь не стремились «социальные архитекторы».

Закованный в цепи человеческий дух не способен на великие достижения. И любые эксперименты в области образования никогда не изменят главного. В человеке так до конца и не может раскрыться его сердцевина. Рассчитывать на то, что система образования пусть даже в перспективе, будет в состоянии это осуществить, абсурдно.

Каким же может быть реалистичный подход, учитывающий ограниченность возможностей человека, сжатого рамками своей эпохи?

Отметим со всей очевидностью, что абсолютное большинство современных людей нуждается в образовании, создающем некое поле интересу субъективности, без включения в которое они не смогут стать полноценными членами общества. Они ни за что не станут заниматься самообразованием, в отличие от выдающихся современников, о которых мы нарочито не станем упоминать, ведь они при любой системе образования всегда выделяются на общем фоне. Нужно заметить один важный момент. Чем больше людей занято в определенной сфере, тем больше выдающихся людей выкристаллизовывается на их фоне. Но для того, чтобы эта общая база была как можно шире, недостаточно затратить большие суммы бюджетных средств. Необходима взвешенная целостная программа. Ведь современная отечественная система образования абсолютно не отвечает потребностям эпохи.

Наша страна все еще находится в промежуточном состоянии. Мы начали свой путь от руин прошлого, отчаявшись собрать эти обломки воедино. Но будущее до сих пор выглядит туманным. В этой ситуации система образования играет едва ли не главенствующую роль. Идея общества существует в сознании людей. И ее формирование начинается за школьной партой. Эта идея объединяет людей, придает жизни смысл и направленность. Большинство людей, к какой бы сфере они ни относились, может даже к области философии, не стремятся сделать открытие или изменить мир. Они работают в рамках устоявшейся парадигмы современной им эпохи. Это неизбежность. Требовать от них большего просто наивно. Это их выбор. Можно, разумеется, увлечь людей определенными идеями, согласно которым они просто обязаны вырасти чуть ли не в мифологических титанов. Но наша страна уже проходила эту эпоху. Мы знаем, к чему это приводит. Система образования при отмеченном нами реалистичном подходе должна помочь выбрать свой земной путь. Чтобы, приобщившись к опыту прошлых веков и поднявшись до вершин мысли наших предков, человек чувствовал твердую почву под ногами и уверенно шел вперед. Иной задачи, кроме обозначенной, перед системой образования ставить нельзя. Да большего от нее и не требуется. Главное, чтобы она формировала не просто грамотного специалиста в конкретной сфере, а целостную творческую личность.

Современность диктует необходимость кардинального пересмотра всей системы образования. Эта эпохальная задача потребует серьезных сил и времени. Разумеется, проще формально «ради галочки» распределять бюджетные средства и проводить спорадические преобразования, латая фундамент общественного здания, разваливающегося на части. Но важно видеть причину, корень всех бед системы образования и всего общества.

Система образования – это поистине фундамент общественного здания, которое строят бывшие школьники и студенты. А затем передают его по наследству последующим поколениям школьников и студентов. От того, насколько они будут к этому готовы, зависит, устоит ли это здание, завещанное нам предками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов, А. Г. Образование как расширение возможностей развития личности (от диагностики отбора — к диагностике развития) / А. Г. Асмолов, Г. А. Ягодин // Вопросы психологии.- 1992.- №1.- С. 6-13.
2. Бэкон, Ф. Сочинения / Ф. Бэкон.- Минск: «Современное слово», 1998. - 352 с.
3. Иллич, И. Освобождение от школ // Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир: (фрагменты из работ разных лет) / И. Иллич; под ред. Т. Шанина; Моск. высш. шк. социальных и экон. наук.- М. : Просвещение, 2006.- 160 с.
4. Скородумов, В.М. *Nosce te ipsum* / В.М. Скородумов. – Брянск.: Издательство «Ладомир», 2008.- 321 с.
5. Тимофеева, М.С. Образование и насилие / М.С. Тимофеева // Образование и насилие: сб. ст. / под ред. К.С. Пигрова.- СПб, 2004. - С. 155-169.

6. Фромм, Э. Здоровое общество // Здоровое общество. Догмат о Христе / Эрих Фромм.- М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.- С. 7 - 414.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК 165.0
ББК 87.2

А.Ф. СТЕПАНИЦЕВ, Д.М. КОШЛАКОВ
БЫТИЙНОЕ И ИНОБЫТИЙНОЕ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Анализируется феномен рациональности, интерпретируемый как система, обладающая не только бытием, но и инобытием. Для рассмотрения специфики исследования рациональности в рассмотрение вводится цепь «наука – техника и технология – экология».

Задавшись вопросом об отражении феномена рациональности в науке и философии, можно обнаружить множество всевозможных подходов, как достаточно строгих (к примеру, логико-методологических), так и менее строгих (к примеру, экзистенциально-герменевтических). В конечном счете, им может быть дана самая разнообразная классификация. Мы в данном случае укажем на тот факт, что у существенной совокупности различных подходов часто по-разному расставлены исследовательские и методологические акценты. Так, в исследованиях феномена рациональности можно выявить подходы, акцентирующие внимание на науке, технике и последствиях их бурного развития для окружающей среды [2; 4-9], причем не только социально-биосферной (т.е. экологической в узком смысле слова), но и социально-культурной. В случае с акцентированием внимания на экологии она не сводится к «биосферно-техносферному» ракурсу рассмотрения, а имеет специфический гуманитарный пласт, включающий в себя такие существенные элементы, как экология социально-информационной среды, экология человеческой души и т.п.

Если рассматривать научную и технико-технологическую рациональность, а также рациональность экологическую, то можно зафиксировать, что указанные типы рациональности акцентируют свое внимание на науке, технике и технологии или проблемах экологии соответственно. При этом очевидно, что все три указанных нами возможных объекта акцентирования внимания (наука, техника и технология, экология) при исследовании рациональности не

являются автономными, а находятся в системном взаимодействии (рис. 1): при достаточно высоком уровне рациональности развитие науки порождает развитие техники и технологии, которые в свою очередь порождают проблемы экологии в самом широком их понимании.

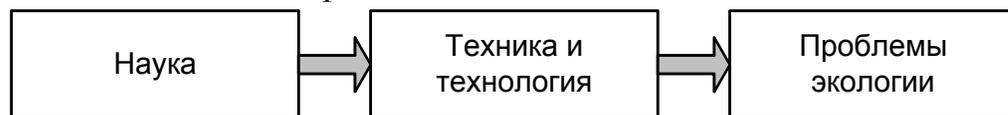

Рис. 1. Соотношение науки, техники и проблем экологии

Рассмотрение цепи «наука – техника и технология – экология» в ее единстве и системной взаимосвязи должно способствовать повышению связности исследований рациональности и решения проблем экологии в том числе. При этом на современном этапе развития рациональности для адекватного ее анализа особо важно подчеркнуть два следующих значимых момента.

Во-первых, сегодня уже невозможно рассматривать технику и технологию исключительно в аспекте материально-производственной сферы, на что справедливо указал в своем варианте философии техники Марио Бунге. Связано это с тем, что наука не сводится к естествознанию: такой ее важный сегмент, как социально-гуманитарное знание, порождает разнообразные социально-гуманитарные технологии, которые становятся феноменом техники и технологии в широком его истолковании [2]. Развитие подобных технологий (политтехнологий, психотехник, социальных технологий и т.п.) сегодня является важным фактором управления процессами, протекающими в многомерной социально-гуманитарной реальности [3]. Специалисты даже говорят о формировании технологического кластера социально-гуманитарных дисциплин.

Во-вторых, в случае расширения содержательного аспекта понятия техники и технологии невозможно и экологию не рассматривать расширительным образом, не редуцируя ее к взаимодействию биосферы, техносферы, а также биологических аспектов общественного бытия. Именно в этой связи приходится рассматривать экологию не исключительно в естествонаучном аспекте (грубо говоря, «биосферно-техносферном»), а в аспекте системном вообще и социально-гуманитарном в частности. Продиктовано это частично и тем, что техника и технология (как материально-производственной сферы, так и сферы социально-гуманитарной) оказывают многомерное влияние на индивидуальное и общественное бытие и сознание, не сводящееся к биосферным и техносферным изменениям.

В современном мире актуальность вопроса о неблагополучности не только биосферы (в связи с влиянием на нее техносферы, усложнением экологической обстановки), но и социально-культурной сферы бытия, постоянно повышается. Это дает основания философам квалифицировать современный социум как

«общество риска». При этом, вводя в экологическое рассмотрение помимо биосферно-техносферного пласта социально-гуманитарный пласт, мы выходим на вопрос о человеческом капитале, психологическом здоровье нации, морально-нравственном климате в обществе, которые в современном мире являются важнейшими потенциалами, определяющими национальную безопасность, качество жизни, общественное благополучие.

Разные подходы к пониманию рациональности порождают разные варианты рассмотрения науки и техники, различные стратегии управления техносферой, а также разнообразные «матрицы прочтения» экологических проблем современности, да и связи между элементами цепи «наука – техника и технология – экология». В свою очередь все это способствует множественности и разобщенности рекомендаций, которые дают наука и философия по поводу управления техносферой (в широком смысле слова). Именно в связи с этим с целью повышения связности в исследованиях научной и технико-технологической рациональности необходимо рассматривать указанную выше трехзвенную цепь как единую систему.

Одним из достоинств той философской картины, на которую намекает подобная схема (рис. 1), является проблематизация рациональности в контексте связи бытия и инобытия науки. Остановимся на данном вопросе несколько более подробно, тем более что он актуален в свете некоторой полемики с некоторыми современными авторами (речь идет о работе [10], которая благодаря задействованию интересных подходов, по нашему глубокому убеждению, заслуживает особого внимания).

В философии науки, как известно, сложилось три основных подхода (логико-методологический, экзистенциально-герменевтический и социокультурный) [10, с. 3]. Исследуя науку как модус бытия, В.Т. Фаритов указывает на то, что ни в одном из этих подходов вопрос об условии бытия науки в качестве центрального не ставится, хотя имплицитно всегда присутствует. В этом автор отмеченной работы справедливо усматривает рецидив позитивизма, ориентированного на элиминацию онтологии и превращение философии в логику, и указывает на необходимость разработки онтологического подхода к науке [10, с. 3].

Безусловно, науку можно и должно рассматривать как модус бытия. При этом наука обладает собственным бытием (бытие науки), на котором акцентирует внимание целый ряд подходов к исследованию рациональности (включая очень влиятельную в современной философии точку зрения, согласно которой рациональность сводится к научной рациональности). Однако при этом необходимо подчеркнуть, что наука не сводится к своему бытию – она обладает еще и инобытием. Инобытие научных теорий и идей представлено технологией (в т.ч. и социально-гуманитарной), большей частью техники (в зависимости от того, что понимать под наукой, временем ее зарождения и соотношением науки

и техники), и сопряжено с влиянием науки и техники на среду обитания человека и общества. По сути, бытие и инобытие науки – два взаимосвязанных, но не идентичных ее облика. Их характеризует своя специфика научной рациональности, своя диалектика развития, свои особенности исследования. Связующей средой между ними выступает деятельность человека (осознанная и неосознанная).

Обратим внимание, что в рамках развиваемого нами подхода, наука имеет два уровня инобытия – связанный с техникой и технологией и связанный с влиянием на окружающую среду (рис. 2).

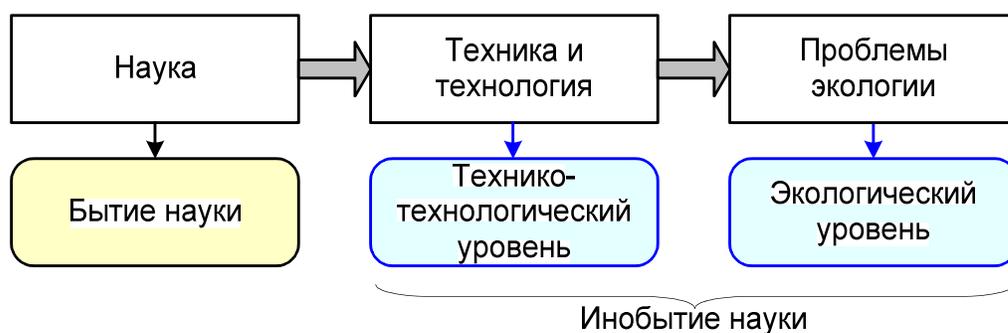

Рис. 2. Наука и ее инобытие

Особая ценность рассмотрения не только бытия, но и инобытия научного духа состоит в возможности разработки методологии преодоления ряда разрывов в рациональности и ее исследовании. Так, к примеру, остро стоит проблема несводимости пяти основных подходов в философии техносферы [5]: элементного, техноцентрического, экоцентрического, социоцентрического и антропоцентрического. Это заставляет исследователей обращаться к развитию постнеклассического облика экологии (социально-гуманитарной и философской экологии) [6]. Полностью разделяя озабоченность ряда философов по этому поводу и признавая абсолютно необходимым разработку философского, социального и гуманитарного пластов экологии (вопросы экологии общественной жизни, экологии человеческой души и т.д.), мы считаем, что выработка методологии управления техносферой (в широком смысле слова) с учетом совокупности экологических требований предполагает гармонизацию систем различного толка и уровня (технических, социальных, гуманитарных, экологических, экономических и т.д.), что невозможно без целостного рассмотрения цепочки «наука – техника и технология – экология» (рис. 2). На языке философских абстракций более высокого уровня это требование может быть представлено как необходимость рассмотрения бытия и инобытия науки в их единстве и гармонизации отношений между ними.

Проблема соотношения бытия и инобытия адресует к поразительной по своему единству философии Г.Гегеля. Один из важнейших элементов, составляющих ее ценность, состоит в том, что Г.Гегелю удалось в русле

классического способа философствования осуществить «эквивокацию», т.е. преодолеть двойственность между событийным и процессуальным видением мира [9]. При этом есть серьезные основания полагать, что последнее (т.е. преодоление барьеров между событийным и процессуальным видением мира) у Гегеля достаточно плотно сопряжено с утверждением единства бытия и инобытия Абсолютного духа, или, говоря иначе, духа и материи.

В таком случае мы вступаем на тематическое пространство проблемы двойственности, которая преследует философию с самого ее зарождения, а также проблемы поиска вариантов и возможностей ее разрешения. Говоря о двойственности, мы имеем в виду противоречие между идеализмом и материализмом как одно из актуальных (особенно для классического этапа развития философии) проявлений данной проблемы. При этом подчеркнем, что проблема двойственности имеет множество других обликов и проявлений. Противоречия между трансцендентным и имманентным, абсолютным и относительным, высшим и низшим, горним и дольным, реальным и номинальным, рациональным и эмпирическим, номотетическим и идиографическим, ноуменальным и феноменальным – только некоторые из этих проявлений, по разному актуальных в разные исторические эпохи развития человеческого интеллекта.

Преследуя познание с древних времен, проблема двойственности видения мира в конкретных сегментах познания более или менее успешно решается с помощью исследований того или иного уровня общности (П.Абеляр, М.Бунге, М.Вебер, Г.Гегель, И.Р. Пригожин, А.Н. Уайтхед, Ю.Хабермас, М.Хайдеггер и др.), однако все происходящее напоминает многоголовую Лернейскую гидру: на месте разрешенных проблем (снятых, сглаженных или утративших актуальность бинарных оппозиций, дуализмов) появляются новые. В такой ситуации «воевать» нужно даже не с отдельными «головами» (т.е. проблемами и оппозициями, число которых не уменьшается), а с самой системной «червоточиной», порождающей все новые и новые проявления проблемы. В качестве основания к такому выводу выступает тот факт, что так или иначе названные бинарные оппозиции преемственны, связаны общим процессом развития. Таким образом, необходимо обнаружить системную «занозу», генерирующую все новые и новые проблемы, и определиться с ней. Это может быть либо снятие некоторого системного («ядерного») противоречия, либо его сглаживание с соответствующей разработкой транспарадигмальных исследовательских технологий, похожих, скажем, на преодоление односторонности идиографизма и номотетизма в социологии М.Вебера. Как известно, веберовская концепция идеальных типов, в которой синтезированы парадигмальные установки номотетизма и идиографизма, оказалась одним из источников развития социологического знания.

Поясним утверждение о преемственности различных бинарных оппозиций. Так, при внимательном рассмотрении оппозиции номотетизма и идиографизма, разработанной неокантианцами и пришедшей на смену оппозиции природного и культурного миров у И.Канта, можно увидеть, что она чем-то напоминает противостояние реализма и номинализма в средневековой философии, оппозицию рационализма и эмпиризма в философии Нового времени. Для номотетизма характерно придание высокого значения универсальным чертам исследуемых объектов, т.е., с точки зрения номотетизма, универсалии имеют высокий онтологический и гносеологический статус, а значит номотетизм можно с определенной степенью приближения (со всеми возможными оговорками) уподобить средневековому реализму. Идиографизм, наоборот, универсальным чертам высокого статуса не придает и в этом смысле он аналогичен (опять-таки со всеми возможными оговорками) номинализму с его позицией, согласно которой универсалии – всего лишь имена, знаки. Номотетизму свойственно более рационально-теоретическое видение мира, в то время как идиографизму – конкретно-эмпирическое. Подобные рассуждения приводят нас к выводу об аналогичности названных оппозиций (реализм – номинализм, рационализм – эмпиризм, номотетизм – идиографизм), характерных для разных исторических эпох развития мысли.

Судя по всему, бинарные оппозиции плотно связаны между собой: чем-то возникающая при исследовании этой связи панорама напоминает поливариантные облики унитарности математики, оказавшие большое влияние на развитие постнеклассических пластов математической и логической наук. Существенное значение имеют и различные варианты преодоления бинарных оппозиций. При этом отметим, что эти бинарные оппозиции характерны не только для философии, но и для социологии и политологии, других социально-гуманитарных наук, подчас касается вопросов управления, т.е. может содержать не только теоретический, но и практический смысл [1].

Одним из проявлений проблемы двойственности видения мира является бинарная оппозиция внутреннего и внешнего. Она, к примеру, просматривается в представлениях И.Канта о человеке как «жителя двух миров»: внешнего мира и мира собственной души. В плане преодоления двойственности внутреннего и внешнего миров большой интерес представляет концепция автопоэзиса, с точки зрения которой система развивается ответами на вызовы внешней среды. Не имея возможности подробнее остановиться на многих смежных вопросах, вернемся к важному для нас вопросу о связи бытия и инобытия науки.

Важность проблемы двойственности видения мира здесь опять дает о себе знать. Взаимосвязанное рассмотрение бытия и инобытия науки как реализаций разума и воли человечества адресует к идее «интерфейса между духом и материей», высказанной в свое время И.Р. Пригожиным. Благодаря признанию необходимости сближения между духовным и материальным, она стоит в

одном ряду с автопоэтическим подходом, преодолевающим проблему внутреннего и внешнего миров посредством их рассмотрения в системном единстве.

Рассмотрение бытия и инобытия науки в их единстве адресует к *метадискурсам* классической философии, которые оказались способны к осуществлению эквиокации. В классической философии подобная задача была решена в творчестве П.Абеляра и Г.Гегеля. Так, у Гегеля изначально существовавший Абсолютный дух в процессе эманации породил мир (в этом смысле мир – инобытие Абсолютного духа) и начал с помощью людей познавать самого себя. Нечто принципиально новое может быть вскрыто в плане рациональности вообще и рациональности техники в частности. Недаром М.Хайдеггер указывал [11], что технику нельзя запретить – она сущность мира, «вид раскрытия потаенности», «область выведения из потаенности, осуществления истины»...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кошляков, Д.М. Значение исследований научной рациональности в современной социологии управления / Д.М.Кошляков // Материалы Международной научно-практической конференции «Достижения молодых ученых в развитии инновационных процессов в экономике, науке, образовании»: [Текст] + [Электронный ресурс]. – Брянск, 2010. – 274 с. – С. 189-190.
2. Кошляков, Д.М. Техника и технология социально-гуманитарной жизни / Д.М.Кошляков // Проблемы современного антропосоциального познания. – Брянск, 2009. – Вып. 7. – С.142-150.
3. Кошляков, Д.М. Факторы глобального влияния США: социокультурный и политологический анализ / Д.М.Кошляков // Социально-гуманитарные исследования в БГТУ. – Брянск, 2009. – С. 189-202.
4. Попкова, Н.В. Антропология техники: становление / Н.В.Попкова. – М.: Либроком, 2009.
5. Попкова, Н.В. Философия техносферы / Н.В.Попкова. – М.: Либроком, 2008.
6. Попкова, Н.В. Философская экология / Н.В.Попкова. – М.: Либроком, 2010.
7. Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – 244 с.
8. Рациональность на перепутье: В 2 кн. – М.: РОССПЭН, 1999.
9. Степанищев, А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике / А.Ф. Степанищев. – Брянск: БГТУ, 2006. – 239 с.
10. Фаритов, В.Т. Наука как модус бытия: феноменолого-онтологический подход: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / В.Т.Фаритов. – М., 2010. – 20 с.

11. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.
12. Denis, A Methodology and policy prescription in economic thought: a response Mario Bunge / A.Denis // The Journal of Socio-Economics. – 2003. – №32(2). – P. 219-226.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

УДК. 101.1.:316.42

С.Н. ЧУВИН

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ СТОРОН СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Рассмотрены пути преодоления негативных аспектов социально-экологической трансформации человека и намечены основные пути сохранения и укрепления природного здоровья человека в сочетании с принимаемыми мерами по устойчивому развитию общества и биосферы.

Социоприродный переход жизни на планете Земля особенно ускорился в конце второго – начале третьего тысячелетия: он является не только очередным витком прогресса в развитии человеческой цивилизации, но и оказывает негативное влияние на систему «природа-общество-человек». Нарастающее обострение проблем в отношениях техногенного общества, природной среды и человека в конце XX – начале XXI веков показывает, что необходимо найти рациональные решения для преодоления глобальных проблем современности, в том числе и проблемы глобальной трансформации и даже деградации человека. В данной статье мы ставим целью провести поиск путей преодоления негативных аспектов социально-экологической трансформации человека и безопасного развития отношений человека с окружающей биосферной и техносферной средой в будущем, которые позволят обществу, природе и человеку развиваться гармонично, не подвергаясь самоубийственной трансформации. В связи с этим необходимо проводить меры по гуманистической и технико-технологической перестройке общественного организма, поскольку характер общественных процессов является базисным для дальнейшего понимания путей выхода из антропологического кризиса.

Все сферы жизнедеятельности человека подвергаются сейчас воздействию законов техногенного общественного развития. Наиболее важными, на наш взгляд, являются характер и направление экономического развития современного общества. Именно они задают динамику и скорость положительных и отрицательных изменений в политических, научно-технических, социально-экологических и других процессах. Как убедительно отмечают некоторые исследователи, рыночная природа современной экономики является определяющим и ускоряющим фактором различных преобразований и развития техногенного общества. А поскольку экономика в современном мире в основном предоставлена и продолжает далее бесконтрольно передаваться в частные руки, то государства и политики уходят от ответственности за судьбы нашей планеты, доверяя всецело экономикку так называемому “гражданскому обществу”, которое не имеет своих целей и механизмов безопасного саморазвития и занято, прежде всего, материальным

обогащением и безудержной гонкой за избыточным удовлетворением своих потребностей и интересов [1, с.170].

В качестве примера можно привести огромный дисбаланс между распределением и потреблением ресурсов и богатства: страны-лидеры (США, Япония и др.) сейчас потребляют на душу населения ресурсов в сотни раз больше, чем страны «третьего мира», и этот отрыв продолжает расти. Вот почему назрела необходимость переосмыслить и изменить в лучшую сторону существующий негуманный, несправедливый общественный строй, разумно подойти к построению нового мирового порядка, в основе которого будет лежать, прежде всего, гуманистическая направленность развития человечества и человека. Успешность построения общества с новыми приоритетами развития зависит от гармоничности связей в системе «биосфера-человек-техносфера» не только на национальном, но и на международном уровне: определяющая роль в этом процессе должна принадлежать развитым странам, так как их возможности воздействия на биосферу наиболее существенны. Однако, крайне сложно в условиях жесткой неуправляемой конкуренции найти такие оптимальные стратегии развития различных сфер деятельности, которым без особых трудностей последовало бы большинство государств.

В настоящее время наиболее развитые в экономическом отношении страны мира вступают в эпоху постиндустриального развития, когда решающую роль в производстве играют наука и созданные на ее базе техника и технологии, благодаря чему в данных странах удалось решить ряд частных экологических проблем, особенно связанных с производством некоторых экологичных товаров, сохранением зеленого покрова в стране (особенно в городах), утилизацией отходов производства и т.п. Но на планете в целом пока что доминируют экологически и социально опасные производства. Вот почему, как отмечает В.Л.Иноземцев, «явную озабоченность постиндустриального мира вызывают применяемые за его пределами примитивные методы индустриализации, что резко усугубляет экологические проблемы, касающиеся всего населения планеты» [2, с.512].

Научно-технологический способ производства общественной жизни является сейчас основным средством, при помощи которого человечество, удовлетворяя свои потребности, нарастающими темпами уничтожает биосферу и биосферный мир, поскольку приоритетом в современном обществе стали потребительские ценности. Однако, чтобы в какой-то мере препятствовать разрушительным процессам в технизирующемся обществе, во главу угла необходимо поставить ценности как социально-гуманистического характера, так и природно-биосферные. Это особенно важно сейчас, при нарастании социоприродных изменений, поскольку необратимость процессов разрушения окружающей человека природной среды, и в первую очередь биосферы, очевидна (причем крайне маловероятно то, что биосфера самостоятельно сможет справиться с нарушенным равновесием).

Именно поэтому сомнительной предстает точка зрения, согласно которой человечество может спастись, «вернувшись к природе». Поступательное

развитие техногенной действительности уже не остановить, не повернуть вспять, и, с нашей точки зрения, неизбежной становится постепенная интеграция биосферы и искусственных технических систем, которые будут под контролем человека благоприятно воздействовать на биологические структуры планеты, конструировать и регулировать последние. Выживание человечества, связанное не с «возвратом в пещеры», а с прогрессивным поступательным развитием общества, следует рассматривать как процесс, в основе которого лежит использование достижений научно-технического прогресса и научная обоснованность человеческих решений, направленных на сохранение биосферы и на достижение гармонии с природой, то есть дальнейшая судьба общественно-природной системы и человека как биотехносоциального существа определяется уже не биосферной, а социотехноприродной эволюцией.

Однако принятие эффективных мер для устранения негативных моментов влияния техногенного развития на биосферу и человека невозможно без международного сотрудничества и активного участия международных организаций, поскольку они, как постоянно действующие структуры, располагающие собственными интеллектуальными, техническими и финансовыми ресурсами и обладающие определенной политической независимостью по отношению к участвующим государствам, представляют собой инструмент, наилучшим образом приспособленный для решения тех задач, которые возникают в ходе международного сотрудничества. По этой причине уже к концу 60-х гг. XX века в повестке дня ведущих международных организаций оказались экологические проблемы. На глобальном уровне ответственность в данной области взяла на себя Организация Объединенных Наций, превратившись со временем во всемирный институт по организации международной деятельности в области устойчивого развития общества и природно-биосферной окружающей среды. Среди достоинств системы ООН – ее всемирный масштаб, сочетание политических, правовых, социально-экономических, научно-технических и экологических направлений в ее деятельности, а также межправительственный характер, позволяющий добиваться практической реализации решений и дающий возможность мобилизовать на решение глобальных экологических проблем большое число международных правительственных и неправительственных организаций, национальных научных учреждений и отдельных выдающихся ученых.

Первая экологическая акция ООН датируется еще 1949 годом, когда в Лейк-Саксесе (США) была проведена Международная научно-техническая конференция по охране природы. В 60-е гг. XX века в ООН наметилась тенденция перехода от разрозненных, бессистемных мероприятий, связанных с отдельными аспектами природопользования, к комплексной деятельности, поставленной уже на постоянную основу. Так, Всемирная организация здравоохранения начала заниматься вопросами воздействия загрязняющих веществ на здоровье человека, Всемирная метеорологическая организация – влиянием загрязнения атмосферы на климат, Организация по вопросам продовольствия и сельского хозяйства – изучением влияния экологической

обстановки на производство продовольствия и проблемами чрезмерной эксплуатации рыбных ресурсов, а ЮНЕСКО взяла на себя ответственность за развитие научных знаний об окружающей среде. Однако социально-экологическая проблематика человека не получила должного отражения в дискуссиях и решениях данных организаций.

Тем не менее, поворотным пунктом в природоохранной деятельности ООН можно считать состоявшуюся в 1972 г. в Стокгольме Конференцию ООН по проблемам окружающей человека среды. Именно Стокгольмская конференция заложила основы сбалансированного и комплексного подхода к решению на глобальном уровне широкого спектра эколого-социальных проблем.

Спустя двадцать лет после Стокгольма в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Одним из результатов работы конференции явилось принятие Декларации по окружающей среде и развитию и программы действий под названием "Повестка дня на XXI век". Важно отметить, что в Декларации намечены общие контуры новой модели международного сотрудничества – глобального партнерства с целью сохранения, защиты и восстановления чистоты и целостности экосистемы Земли.

Мы не будем останавливаться на рассмотрении сущности данных документов, а также на анализе положительных и отрицательных сторон решений данной конференции; упомянем лишь, что на ней рассматривались в основном политические и экономические аспекты устойчивого развития общества и природной среды. Экологические же аспекты нарастающей трансформации физического и психического здоровья человека под воздействием современного глобального перехода жизни на планете, негативного влияния роста техносферы и деградации биосферы вообще остались без внимания.

К сожалению, приходится констатировать, что государствам пока не удалось достичь сколько-нибудь заметного прогресса в реализации даже половинчатых решений, принятых на форуме. Вот почему необходимо пересмотреть основы экономической, научной, технико-технологической и иной человеческой деятельности с учетом наметившегося глобального перехода жизни от ее биосферных, естественных форм к постбиосферным, искусственным. От этого зависят как судьба человечества, так и будущее жизни на нашей планете.

Пути преодоления негативных аспектов техногенного общественного и социоприродного развития жизни, включая и человеческую жизнь, а также преодоления нарастающего антропологического кризиса, могут быть представлены комплексом следующих мер.

Первая группа мер, на наш взгляд, должна быть направлена на коренное изменение существующего глобального и агрессивного рыночного механизма, разрушительно воздействующего в своих нынешних конкурентных и негуманных формах на биосферную природу и человека. Для этого необходимо:

- осуществить поиск таких форм утверждения коллективных форм жизни и распределения произведенных благ, которые исключали бы эксплуатацию человека человеком и концентрацию богатств отдельными людьми и семьями;
- обеспечить устойчивое и гуманное развитие общества и его экономики, чтобы решить задачи по сохранению биосферы и биосферной жизни;
- установить справедливое распределение создаваемых современным мировым сообществом материальных благ, развивать экономику не с целью сосредоточения огромных богатств в руках немногих, а с целью повышения уровня и качества жизни всех народов и людей, живущих на планете;
- существенно уменьшить масштабы стихийной и экологически опасной хозяйственной и иной деятельности, а в ближайшем будущем ее прекратить;
- создать на государственном уровне благоприятные правовые и экономические условия для внедрения ресурсо-, энерго-, природосберегающих технологий и максимального использования отходов производства, быта и т.п.

Вторая группа мер предполагает усиление организованности и деятельности международных и национальных политических структур и организаций по улучшению экологии человека, которая имеет свою специфику. Глубокое и всестороннее исследование самого человека, его взаимодействия с биосферной окружающей средой и создаваемым искусственным миром потребует:

- переориентировать существующую технократическую инновационную деятельность на создание экологических технологий, техники и производств, лекарств и средств укрепления здоровья человека, на формирование здорового и гуманного образа жизни, всестороннее и гармоничное развитие человека;
- создать целостную фундаментальную науку о человеке, которая включила бы в себя все достижения исследований человека, особенностей его развития и трансформации в условиях формирования техногенного общества;
- разработать и осуществить международные и национальные программы исследования усиливающихся экотехнологических трансформаций человека, и уже на их основе создать на международном, национальных и региональных уровнях программы укрепления его здоровья, здорового образа жизни;
- сформировать специальный международный исследовательский институт развития биосферы и человека под эгидой ООН с отделениями в различных странах, способных взять на себя финансовые расходы.

Третья группа мер должна касаться изменений в науке, технике и технологиях, особенно в формировании безопасной техносферы и сокращении опасного воздействия на человека искусственного мира, для чего предстоит:

- разработать оптимальные социо- и биосферосовместимые технологии, поставив под контроль степень технизации земной жизни с целью избежания негативного воздействия техносферизации на биосферу и человека;
- выделить на международном, национальном и региональном уровнях материальные и денежные средства на исследование и внедрение безопасных, безотходных, ресурсосберегающих технологий и инноваций в целом;

– придать научным исследованиям не сиюминутный утилитарно-целевой, потребительский характер, а ценностно-гуманный, ориентированный на долгосрочные перспективы сохранения и стабилизации развития человека;

– предотвратить, насколько это возможно, разрушение естественных, биосферных условий человеческого существования и ограничить замену их искусственно-техносферными, трансформирующими биосферного человека;

– воспрепятствовать трансформации естественной жизни на биологическом уровне и непродуманной замене биосферных структур техноструктурами, ограничить применение опасных для здоровья людей биотехнологий и др.

Четвертая группа мер должна быть направлена на укрепление здоровья человека в условиях техногенного развития, для чего необходимо:

– создание и введение в образовательных учреждениях курсов для изучения молодежью вопросов глобального перехода жизни и тенденций глобальной трансформации человека, позитивных и негативных влияний техносферы и искусственной биоприроды на состояние здоровья человека;

– пропаганда здорового образа жизни, создание и поддержание (через воспитание, СМИ и т.п.) такого стереотипа мышления в обществе, когда человек с вредными привычками будет восприниматься как некультурная и деградирующая личность, причиняющая вред своему здоровью и народу в целом;

– введение более жестких санкций на государственном и общественном уровнях против вредных привычек, полный запрет явной и скрытой рекламы алкогольных и табачных изделий, а также их продажи лицам моложе 21 года;

– создание как мотивации, так и условий для получения человеком необходимого количества физической нагрузки на организм (занятия физкультурой в учебных заведениях, различные спортивные секции и т.д.);

– создание на государственном уровне условий обеспечения людей полноценным питанием, соответствующим потребностям организма в микроэлементах, витаминах, калориях и т.п.

Пятая группа мер связана с формированием у людей гуманистического, социально-экологического мировоззрения, включает:

– разработку новых образовательно-просветительских программ, посвященных глобализации, глобальным проблемам, антропологическому кризису и техногенной трансформации человека; внедрение их в школьный и университетский курсы обучения; повышение роли образовательных учреждений различного уровня в воспитании и просвещении экологически грамотных граждан, осознающих ценность естественной биоприроды, человека и биосферы;

– широкомасштабное (через СМИ, Интернет и т.п.) просвещение людей в области допустимых масштабов человеческой деятельности и ее нынешних и возможных в будущем последствий для биоприроды и человека, выработка подходов и навыков инновационной деятельности в этом направлении;

– разработку и поддержание как стратегии охраны природы от неразумного вмешательства в нее людей, так и стратегии коэволюции человека с природой, совместного и взаимовыгодного их развития без серьезного нарушения биотического круговорота веществ и процессов саморегуляции биосферы;

– внедрение в сознание людей того факта, что при нынешнем рыночном типе хозяйствования у человечества остается очень малый запас времени для предотвращения глобальной антропо-экологической катастрофы и т.д.

Данный, далеко не полный комплекс мер, противодействующих разрушающим тенденциям нынешнего типа хозяйствования, должен, по нашему мнению, лечь в основу гуманно ориентированного развития человечества и биосферы. На основе анализа социоприродных изменений в человеке мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, современная наука пока не способна ответить на многие вопросы, связанные с механизмом техногенного и многих других воздействий человека на природу и способами решения возникающих при этом проблем. Требуются обширные и дорогостоящие исследования, успех которых в немалой степени зависит от наличия постоянно действующих глобальных и региональных систем обмена научной информацией и экологического мониторинга.

Во-вторых, учитывая, что международные соглашения являются в настоящее время одной из основных форм реакции международного сообщества на проблемы окружающей среды, нельзя не признать, что методы традиционной дипломатии по большей части исчерпали себя применительно к проблематике изменений биосферы и человека и им на смену должны прийти новые законотворческие механизмы, способные адекватно реагировать на стремительные изменения в состоянии окружающей среды и уровне научных знаний о природе, особенно природе изменений в человеческом организме.

Важно отметить, что актуальным остается вопрос об осуществлении государствами уже взятых на себя международно-правовых обязательств в области охраны природной среды. Для повышения действенности природоохранных конвенций необходимо, чтобы обязательства участников носили более конкретный характер, существовали органы, контролирующие их соблюдение, наподобие тех, которые созданы в рамках международных соглашений по правам человека. В то же время назрела необходимость в организованных исследованиях экологии человека, его здоровья, трансформационных процессов в условиях техногенного развития земного мира, что пока в основном игнорируется.

В-третьих, проблемы дальнейшего развития и сосуществования биосферы и человека отличает их тесная, объективно обусловленная взаимосвязь с проблемами экономического развития, контроля за численностью населения, борьбы с нищетой и пр. Это означает, что меры, направленные на преодоление негативных тенденций в области трансформации и деградации человека, должны приниматься с учетом экономических, социальных, демографических и

экологических факторов. Крайне важным, на наш взгляд, является внедрение в сознание людей необходимой для осуществления перечисленных мер информации и создание мотивации, которая позволит начать мероприятия по преодолению негативного воздействия техносферы на природу и биосферного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А.Дергачева. – Брянск, 2005.
2. Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества / В.Л.Иноземцев. – М., 1998.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

ББК 65.290-2
УДК 338.24.01

И.В. ШЛЕМИНА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Представлен подход к определению социально-экономической системы. Рассмотрены тенденции ее существования.

Социально-экономическая система - это сложный самоорганизующийся объект, развивающийся под влиянием многих изменяющихся внутренних и внешних факторов.

Социально-экономические системы относятся к открытым системам. Они активно взаимодействуют с внешней средой, обмениваясь с ней ресурсами и продуктами своей жизнедеятельности. Такая система не является самообеспечивающей, она зависит от энергии, информации и материалов, поступающих извне. Кроме того, открытая система имеет способность приспосабливаться к изменениям во внешней среде и должна делать это для того, чтобы продолжить свое функционирование. Открытой является организация, участвующая в кооперации труда, осуществляющая научно-техническое, торговое или иное сотрудничество с другими предприятиями, организациями, корпорациями. Рассматриваемые системы имеют границы, которые определяются пределом распространения внутреннего управляющего воздействия самой системы. А в качестве внешней среды системы выступает область, не находящаяся под контролем лица, принимающего решение.

Социально-экономическая система может рассматриваться и анализироваться на разных уровнях: это может быть уровень фирмы (предприятия), уровень макроэкономики или мировой экономики. На основании этого можно выделить четыре типа социально-экономической системы: мировая система, система на уровне хозяйства России; система на уровне региона; система на уровне предприятия. Для каждого уровня могут быть определены свои характерные черты, обусловленные спецификой функционирования субъекта хозяйствования, производственной системой или подсистемой. Однако могут быть и общие черты, характеризующие как экономическую систему в целом, так и ее отдельные звенья.

Социально-экономической системе присущи следующие свойства:

- целостность, которая означает, что изменение любого компонента системы влияет на ее другие компоненты и приводит к изменению системы в целом. Такое явление можно, например, проследить в случае диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений, когда при смене средств производства меняются соответственно производственные отношения и система в целом.

То есть, мы в данном случае имеем дело с взаимозависимостью компонентов экономической системы;

- иерархичность - это значит, что каждая система может быть рассмотрена как элемент более высокого порядка. К примеру, экономика России, как переходная, может быть рассмотрена в качестве одного из элементов мировой системы;

- интегративность, которая предполагает, что система в целом обладает свойствами, отсутствующими у ее элементов. Верно и обратное, то есть, элементы могут обладать свойствами, которые не присущи системе в целом.

Социально-экономическая система является саморегулирующейся системой. Это значит, что в ее существовании действуют механизмы восстановления необходимого и относительного равновесия. Но ведь управление потому и существует, что, с одной стороны, оно является частью этих механизмов, а с другой, оно необходимо для того, чтобы, опираясь на эти механизмы обеспечивать менее болезненное и более последовательное с точки зрения интересов человека развитие социально-экономической системы.

Но это возможно только в том случае, если будут известны тенденции поведения и развития социально-экономической системы, ее характеристики и признаки состояния, наступления определенных фаз этого состояния и этапов объективного развития.

Социально-экономическая система в любых формах и видах, будь то общественная формация, предприятие или фирма, имеет две тенденции своего существования: функционирование и развитие. Функционирование - это поддержание жизнедеятельности, сохранение функций, которые определяют ее целостность, качественную определенность, сущностные характеристики. Развитие — это приобретение нового качества, укрепляющего жизнедеятельность в условиях изменяющейся среды. Функционирование и развитие теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом. Так, функционирование социально-экономической системы предполагает обязательное наличие предмета труда, средств труда и человека, выполняющего трудовую деятельность. Функционирование социально-экономической системы, таким образом, возможно только при конкретном соотношении этих атрибутов: человек должен иметь средства труда, средства труда могут менять его предмет, итог должен отвечать потребностям и интересам человека.

Развитие характеризует изменения предмета, средств труда и человека. Критерием этих изменений является возникновение нового качества, увеличивающего устойчивость и слаженность жизнедеятельности социально-экономической системы или порождающего совершенно новые условия для ее функционирования. Фактом развития являются повышение производительности труда, изменение его характера, появление новой технологии. При этом, безусловно, изменяются и условия жизнедеятельности

социально-экономической системы. Применение новых синтетических материалов, развитие микроэлектроники, робототехники, информационной и биотехнологии, использование электронной техники в комплексе со станками и роботами, все это является источником значительного роста производительности труда и качества изготавливаемых материальных благ. Однако, с другой стороны обновление технологической основы общественного воспроизводства является одной из причин, провоцирующих цикличность, а следовательно, и кризисные явления в функционировании системы. Экономика никогда не находится в состоянии покоя. Процветание нередко сменяется кризисом, показатели национального дохода, уровня занятости, темпов роста производства и прибыли понижаются.

Развитие социально-экономических систем различного иерархического уровня осуществляется на основе процессов воспроизводства и созидания при функционировании природно-хозяйственных комплексов и производственных объектов в рамках многоуровневой системы отношений: природно-хозяйственных, хозяйственно-экономических, социально-экономических, социально-правовых. Эти базовые отношения, а также распределение власти, формы организации деятельности и совокупность отношений различных объектов образуют операционную среду, в которой развивается хозяйственная и социально-экономическая деятельность. Исходя из представлений о развитии иерархических социально-экономических систем на основе процессов созидания, обновления элементов, качественного преобразования элементов и функциональных подсистем, структурного преобразования отношений между субъектами и подсистемами, операционной среды их функционирования, выделим пять типов развития социально-экономических систем :

- на основе расширенного воспроизводства и созидания путем тиражирования элементов и подсистем определенной структуры;
- на основе преобразования структуры отношений подсистем, упорядочения и совершенствования структуры организационного управления подсистемами;
- на основе качественного преобразования элементов при сохранении структуры функциональных подсистем и отношений;
- на основе качественного преобразования структур и функций подсистем и их отношений;
- на основе качественного преобразования структур и функций подсистем всех уровней, операционной среды, системы отношений, средств организационного управления.

Ход исторического развития социально-экономических систем можно представить многостадийным процессом, на каждой стадии которого используется свой режим. Направленность первого режима развития – освоение нового жизненного пространства. Однако равновесное

динамическое взаимодействие множества условно согласованных и взаимно поддерживающих процессов всегда может быть дезорганизовано внутренними или внешними факторами. Наличие же связей и возможности дополнительных путей обмена приводит при любом изменении условий как к локальным изменениям отдельных процессов, так и изменениям общесистемных характеристик. Поэтому необходим второй режим, обеспечивающий приспособление социально-экономических систем, коррекцию процессов и отношений подсистем при воздействии возмущений. Это позволяет предотвращать резкие спады валового продукта и поддерживать поступательное развитие с накоплением благ. Назначение второго режима – обеспечивать устойчивость поступательного непрерывного развития социально-экономических систем при воздействии определенных сочетаний факторов.

Взаимоотношение развития и функционирования носит диалектический характер, что и отражает возможность и закономерность наступления и разрешения кризисов. Функционирование сдерживает развитие и в тоже время является его питательной средой, развитие разрушает многие процессы функционирования, но создает условия для его более устойчивого осуществления.

Таким образом, возникает циклическая тенденция развития, которая отражает периодическое наступление кризисов. Кризисы не обязательно являются разрушительными, но их возникновение обусловлено не только субъективными, но и объективными причинами, самой природой социально-экономической системы.

Кризисы отражают не только противоречия функционирования и развития – они могут возникать и в самих процессах функционирования. Это, например, противоречия между уровнем техники и квалификацией персонала, точными технологиями и условиями ее использования (климатическая среда, технологическая культура и пр.). Основу функционирования и развития социально-экономической системы составляет деятельность человека, который стремится управлять своей деятельностью и расширять сферу управления, то есть снижать долю неуправляемых процессов.

Список литературы

1. Кац, И.Я. Антикризисное управление: учебно-методический комплекс/ И.Я. Кац. - Ульяновск: УлГТУ, 2009.
2. Антикризисное управление: учеб. / под ред. Э.М. Короткова. М.: Инфра-М, 2001.
3. Ларионов, И.К. Социально-экономические системы российского общества/ И.К. Ларионов. - М.: Союз, 1997.

Материал поступил в редколлегию 30.03.11

Сведения об авторах

Горбачев Владимир Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУ.

Григорьев П.В. – аспирант кафедры философии и культурологии РГУ им. И.Канта (г. Калининград).

Демиденко Эдуард Семенович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и социологии БГТУ, кафедры философии и культурологии РГУ им. И.Канта (г. Калининград), академик Российской экологической академии и ряда международных, действительный член Международного информационно-экологического парламента, почетный председатель Брянского отделения Российского философского общества (РФО).

Дергачева Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедр экономики и философии БГТУ, заместитель декана факультета экономики и управления БГТУ, ученый секретарь Брянского отделения РФО.

Кочергина Зинаида Алексеевна – преподаватель.

Кошлаков Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Кравченко Владимир Владимирович – преподаватель БГТУ.

Кривошеев В.В. – доктор социологических наук, профессор Балтийского государственного университета (Калининград).

Ларичева Елена Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики БГТУ.

Лобеева Вера Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Мирошников Вячеслав Васильевич – доктор технических наук, профессор кафедры «Управление качеством, стандартизация и метрология» БГТУ.

Ноздрина Наталья Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Подвойский Анатолий Дмитриевич – член РФО.

Попкова Наталья Владимировна – доктор философских и кандидат технических наук, профессор кафедры философии, истории и социологии БГТУ, член-корреспондент Академии промышленной экологии, председатель Брянского отделения РФО.

Сазонов Андрей Филиппович – член РФО.

Свидерский Александр Александрович – старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии (БГСХА).

Сиверина Юлия Юрьевна – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Скородумов Владимир Михайлович – преподаватель.

Степанищев Анатолий Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и социологии БГТУ.

Чувин Сергей Николаевич – преподаватель.

Шлемина Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики БГТУ.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ В СБОРНИК «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ»

Редколлегия принимает научные статьи по социально-гуманитарным наукам в формате научного сообщения **объемом до 0,5 п.л. (20 000 знаков)**. К публикации принимаются **научные статьи по проблематике антропосоциального познания**, включая не только социально-гуманитарные, но и любые другие науки, занимающиеся изучением взаимосвязей человека, общества, техники, техносферы, природы и т.п. Статьи публикуются бесплатно. Для **авторов из других организаций** материалы должны содержать дополнительное письмо-направление организации и экспертное заключение о возможности опубликования материалов в открытой печати. Статьи представляются **в одном печатном экземпляре с приложением электронной версии на диске**. В тексте сначала указывается фамилия автора, затем название статьи. Текст должен быть набран **14 шрифтом Times New Roman** с интервалом 1 и концевыми сносками (14 шрифт), составленными **в алфавитном порядке**. Отдельным файлом должны прилагаться **авторские данные** с указанием домашнего и служебного адреса (в том числе телефона и e-mail), места работы, должности, ученой степени и ученого звания. Все поступающие статьи рецензируются и обсуждаются на редколлегии, которая сообщает авторам о принятом решении.

Адрес редколлегии: 241035 Брянск, бульвар 50-летия Октября, д. 7, Брянский государственный технический университет, кафедра «Философия, история и социология». Тел. (4832) 588-267. **Электронные адреса членов редколлегии:** *Дергачева Е.А.:* lena_debusi@yahoo.com, dergacheva@hotmail.ru; *Попкова Н.В.:* popkov@tu-bryansk.ru, npopkova12@rambler.ru. **Информация о сборнике:** www.tu-bryansk.ru (сайт БГТУ).

Требования к авторскому оригиналу

- Подготовка электронного варианта рукописи
- Формат бумаги – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- Программа – Word, гарнитура – Times.
- Поля – верхнее и нижнее - 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см.
- Слева – **ББК, УДК научной статьи**.
- Справа – инициалы и фамилия автора (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- По центру – название статьи (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- Аннотация (на русском языке) – до 5 предложений. Начинается словами: «рассмотрены», «даны», «определены» и т.д.
- Размер шрифта (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер 16).
- Межстрочный интервал – одинарный (Формат – Абзац – Междустрочный – Одинарный).
- Межбуквенный интервал – обычный.
- Абзацный отступ – 1 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ 1).

- Выравнивание текста по ширине (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номера страниц – Внизу – По центру).
- **Переносы обязательны** (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – из латинской клавиатуры (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту (например, «фундаментальные ценности культуры»).
- Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.
- Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением важных для смысловоразличения контекстов, например: Всем обо всём.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Союзы, предлоги в названии статьи переносятся на вторую строку.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – рубрикационные (заголовки, подзаголовки) и смысловые (термины, значимые положения, логические усиления).
- Основные приемы выделений – шрифтовые (курсив светлый и полужирный, прямой полужирный, мелкий кегль, прописной и строчный) и нешрифтовые (разрядка, отбивка, втяжка).

Ссылки на литературу и примечания

- Ссылки на использованные источники литературы приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например [1, с. 27]. **Список литературы** располагается после текста статьи (шрифт 14), нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Список литературы» (шрифт слов «Список литературы» Arial, жирный, прописные буквы, по центру) и **оформляется в алфавитном порядке**.
- Литература указывается в соответствии с правилами библиографического описания работ.

Список членов Брянского отделения Российского философского общества в 2011 году

1. Бышова Ольга Юрьевна, соискатель
2. Гайворонский Евгений Геннадьевич
3. Говорушкин Сергей Владимирович
4. Горбачев Владимир Григорьевич, к.ф.н. доцент
5. Горин Дмитрий Геннадьевич, д.ф.н.
6. Григоренко Ирина Григорьевна, студентка
7. Демиденко Эдуард Семенович, д.ф.н. профессор
8. Дергачева Елена Александровна, к.ф.н. доцент
9. Жемоедова Наталья Леонидовна, аспирант
10. Золотарев Алексей Вадимович, к.ф.н. доцент
11. Исаченко Борис Андреевич, к.ф.н. доцент
12. Исканцев Никита Викторович, студент
13. Кошлаков Дмитрий Михайлович, аспирант
14. Кочергина Зинаида Алексеевна, преподаватель
15. Кравченко Владимир Владимирович, преподаватель
16. Лапченко Наталья Николаевна, преподаватель
17. Ларичева Елена Анатольевна, к.э.н. доцент
18. Лобеева Вера Михайловна, к.ф.н. доцент
19. Логвиненко Юрий Николаевич
20. Мирошников Вячеслав Васильевич, д.т.н. профессор
21. Михалев-Волооков Виталий Михайлович, к.ф.н. доцент
22. Моисеева Анна Юрьевна, преподаватель
23. Непомнящий Константин Евгеньевич, преподаватель
24. Никонов Виктор Михайлович
25. Ноздрина Наталья Александровна, к.п.н. доцент
26. Павлов Юрий Михайлович, ассистент
27. Патракова Алла Владимировна, соискатель
28. Подвойский Анатолий Дмитриевич
29. Попкова Наталья Владимировна, д.ф.н. профессор
30. Пушная Ольга Александровна, студентка
31. Сазонов Андрей Филиппович
32. Свидерский Александр Александрович, соискатель
33. Сиверина Юлия Юрьевна, аспирант

34. Симкина Надежда Николаевна, к.ф.н. доцент
35. Скородумов Владимир Михайлович, преподаватель
36. Степанищев Анатолий Федорович, д.ф.н. профессор
37. Сычева Татьяна Михайловна к.ф.н. доцент
38. Фокин Андрей Юрьевич, ассистент
39. Черниловский Артем Александрович, к.ист.н. доцент
40. Чувин Сергей Николаевич, преподаватель
41. Чупика Ольга Николаевна, студентка
42. Шустов Александр Федорович, д.ф.н. профессор

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Вып. 9

Под общей редакцией доктора философских наук
Н.В. Попковой

Редактор *Т.И. Королева*
Компьютерный набор *Е.А. Дергачева*

Темплан 2011 г., п. 26

Подписано в печать 30.05.11 Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ.л. 9,3 Уч.-изд.л. 9,3 Тираж 50 экз. Заказ

---

*Издательство Брянского государственного технического университета
241035, г. Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7, БГТУ. Тел. (4832) 588-249.
Лаборатория оперативной полиграфии БГТУ, ул. Институтская, 16.*